



# ОЛИВЕР СТОУН ПИТЕР КУЗНИК

НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ

# США

NEW YORK TIMES BESTSELLER

Оливер Стоун

**Нерассказанная история США**

«Азбука-Аттикус»

2012

**Стоун О.**

Нерассказанная история США / О. Стоун — «Азбука-Аттикус»,  
2012

ISBN 978-5-389-08903-7

Мы не хотим заново пересказывать всю историю нашей страны – это попросту невозможно. Мы стремимся пролить свет на то, что мы считаем предательством идей, легших в основу ее исторической миссии, – поскольку нам кажется, что все еще есть надежда исправить эти ошибки до того, как XXI век окончательно вступит в свои права. Нас глубоко беспокоит курс, взятый США в последнее время. Почему наша страна размещает во всех уголках земного шара свои военные базы, общее количество которых, по некоторым подсчетам, перевалило за тысячу? Почему США тратят на свои вооруженные силы больше денег, чем все остальные страны, вместе взятые? Почему наше государство по-прежнему содержит огромный арсенал ядерного оружия, большая часть которого находится в постоянной боевой готовности, хотя, по сути, ни одна страна сегодня не представляет для нас непосредственной угрозы? Почему ничтожному меньшинству состоятельных американцев позволено оказывать такое мощное влияние на внутреннюю и внешнюю политику США и СМН, в то время как широкие народные массы страдают от снижения уровня жизни, а их голос в политике слышен все слабее? Почему американцы вынуждены мириться с постоянным надзором, вмешательством государства в их личные дела, попранием гражданских свобод и утратой права на частную жизнь? Это повергло бы в ужас отцов-основателей и прежние поколения американцев. Почему в нашей стране именно те, кем движет жадность и узколобый эгоизм, правят теми, кто ратует за такие общественные ценности, как доброта, щедрость, сочувствие к окружающим, общность интересов и верность общенародным идеалам? И это лишь малая толика тех вопросов, которые мы зададим на страницах этой книги. И хотя мы не надеемся, что сумеем найти ответы на все из них, мы все же постараемся представить исторические факты так, чтобы читатели смогли самостоятельно углубиться в изучение заинтересовавших их вопросов.

В истории Американской империи мало хорошего. Но необходимо честно и открыто говорить о ней, если мы хотим, чтобы Соединенные Штаты когда-нибудь отважились пойти на коренные реформы, которые позволят им играть ведущую роль в продвижении человечества вперед, вместо того чтобы всячески тормозить его прогресс. Оливер Стоун, Питер Кузник

ISBN 978-5-389-08903-7

© Стоун О., 2012

© Азбука-Аттикус, 2012

# Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Глава 1	33
Глава 2	79
Глава 3	120
Глава 4	162
Конец ознакомительного фрагмента.	189

# Оливер Стоун, Питер Кузник

## Нерассказанная история США

© Secret History, LLC, 2012

© Оржицкий А., Поляков В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

КоЛибри®

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

*Нашим детям: Таре, Майклу, Шону, Лекси, Саре и Асмаре – и тому  
лучшему миру, в котором заслуживают жить они, как и все другие дети*

## Предисловие

В этой книге и многосерийном документальном фильме, на котором она основана, мы постарались представить альтернативный взгляд на ту интерпретацию истории США, которая со школьных лет известна большинству американцев. С самого детства нам внушают расхожие и в чем-то мифологические представления, старательно пропущенные сквозь призму американского альтруизма, великодушия, благородства, национальной исключительности и преданности идеям свободы и справедливости. Этому учат с самого раннего детства, затем в начальной и средней школе, повторяя одно и то же так часто, что мы поневоле впитываем такие представления в плоть и кровь. Мы успокаиваемся и перестаем сомневаться. Однако школьная программа освещает лишь небольшую часть нашей истории. Она устраивает тех, кто не хочет копнуть глубже, но привитые нам представления о мире невероятно вредны, опасны и даже тлетворны, как и те загрязняющие окружающую среду элементы, которые тоже входят – в буквальном смысле – в нашу плоть и кровь. Из-за этих представлений американцы не только не способны понять отношение остального мира к Соединенным Штатам, но вследствие ограниченности познаний не способны и мир изменить к лучшему. Ведь американцы, как и представители любой другой нации, полностью зависят от знаний о прошлом, хотя и сами до конца не осознают, насколько сильно понимание собственной истории влияет на их поведение сейчас, сегодня. Понимание исторических процессов определяет весь менталитет человека, формирует его идеалы и жизненные цели. В результате большинство людей в наше время попросту утратили способность вообразить себе мир, который существенно отличался бы от современного, который был бы лучше того, что мы имеем сегодня.

Таким образом, написанная нами книга во многих отношениях представляет собой самостоятельное произведение, хотя и основана на документальном фильме. Книга и сериал дополняют друг друга, но не заменяют. Мы надеемся, что те, кто видел фильм, заинтересуются и книгой, чтобы получить более полное представление об истории, и что наши читатели, в свою очередь, уделят внимание и фильму, чтобы полностью погрузиться в атмосферу исторических событий. И книгу, и фильм мы предназначили для тех прогрессивно мыслящих людей, которые борются за изменения во всем мире. Мы искренне надеемся на то, что изложенные здесь факты помогут в борьбе за более справедливый, человечный, демократический мир, мир без предрассудков.

## **Введение**

### **Корни империи: «Война – это попросту рэкет»**

*Мы пишем эту книгу* в эпоху заката американской империи. В 1941 году журнальный магнат Генри Люс объявил XX век «веком Америки». Вряд ли он мог себе представить, насколько окажется прав. Поражение Германии и Японии в войне, изобретение атомной бомбы, послевоенный производственный бум в США, становление военно-промышленного комплекса, создание Интернета, превращение США в государство, для которого на первом месте стоят вопросы национальной безопасности, «победа» страны в холодной войне – все это произошло позже.

Предложенная Люсом концепция ничем не ограниченной американской гегемонии всегда была спорной. Вице-президент Генри Уоллес, например, призывал государство вместо этого положить начало «веку простых людей». Реалисты называли его «мечтателем» и «фантазером»: Уоллес хотел создать мир, в котором благодаря научно-техническому прогрессу будут царить изобилие и достаток, мир, в котором нет войн, колониальных империй и эксплуатации человека человеком, мир всеобщего благоденствия. К сожалению, послевоенный мир оказался гораздо ближе к имперской концепции Люса, чем к прогрессивным представлениям Уоллеса. Не так давно, в 1997 году, новое поколение поборников мирового господства США – неоконсерваторы, впоследствии образовавшие так называемый «мозговой трест» при катастрофическом президентстве Джорджа Буша-младшего, – призвало открыть «новый век Америки». Подобная перспектива привлекла в начале XXI века немало сторонников. Однако это было до того, как стали очевидными пагубные последствия войн, развязанных США в последние годы.

США достигли гегемонии в мире и стали самой могущественной и влиятельной державой за всю историю человечества, пережив головокружительные взлеты и страшные падения. Именно политическим неудачам – мрачным страницам истории США – мы и посвятим эту книгу. Мы не хотим заново пересказывать всю историю нашей страны – это попросту невозможно. Нам также не хотелось бы останавливаться на тех нередких моментах, когда правительство принимало правильные решения. Для этого существуют забитые книгами библиотеки и школьная программа, поющая дифирамбы достижениям США. Мы стремимся пролить свет на ошибки страны – на то, что мы считаем предательством идей, легших в основу ее исторической миссии, – поскольку нам кажется, что все еще есть надежда исправить эти ошибки до того, как XXI век окончательно вступит в свои права. Нас глубоко беспокоит курс, взятый США в последнее время, – ведь совсем недавно наша страна ввязалась в войну против трех мусульманских государств, а в шести других (как минимум в шести!) постоянно наносит ракетно-бомбовые удары с беспилотных самолетов, что уместнее назвать политическими убийствами строго определенных лиц. Почему наша страна размещает во всех уголках земного шара свои военные базы, общее количество которых, по некоторым подсчетам, перевалило за тысячу? Почему США тратят на свои вооруженные силы больше денег, чем все остальные страны, вместе взятые? Почему наше государство по-прежнему содержит огромный арсенал ядерного оружия, большая часть которого находится в постоянной боевой готовности, хотя, по сути, ни одна страна сегодня не представляет для нас непосредственной угрозы? Почему пропасть, разделяющая население США на богатых и бедных, гораздо глубже, чем в любом развитом государстве мира, и почему Соединенные Штаты остаются единственной передовой страной, в которой по-прежнему нет единой программы здравоохранения?

Почему ничтожная горстка людей – будь их 300, 500 или даже 2 тысячи – распоряжается богатствами большими, чем 3 миллиарда бедняков во всем мире? Почему ничтожному меньшинству состоятельных американцев позволяют оказывать такое мощное влияние на внутреннюю и внешнюю политику США и средства массовой информации, в то время как широкие

народные массы страдают от снижения уровня жизни, а их голос в политике слышен все слабее? Почему американцы вынуждены мириться с постоянным надзором, вмешательством государства в их личные дела, попранием гражданских свобод и утратой права на частную жизнь? Это повергло бы в ужас отцов-основателей и прежние поколения американцев. Почему в США гораздо меньше рабочих объединено в профсоюзы, чем в любой другой экономически развитой стране? Почему в нашей стране именно те, кем движет жадность и узколобый эгоизм, правят теми, кто ратует за такие общественные ценности, как доброта, щедрость, сочувствие к окружающим, общность интересов и верность общенародным идеалам? И отчего большинству американцев так сложно стало представить себе другое, не станем скрывать – лучшее будущее, чем то, на которое нас обрекают нынешний политический курс и современные общественные ценности? И это лишь малая толика тех вопросов, которые мы зададим на страницах этой книги. И хотя мы не надеемся, что сумеем найти ответы на каждый из них, мы все же постараемся представить исторические факты так, чтобы читатели смогли самостоятельно углубиться в изучение заинтересовавших их вопросов.

Попутно мы расскажем немного о тех движениях и отдельных людях, которые предпринимали подчас героические попытки направить развитие государства в правильное русло. Мы со всей серьезностью относимся к заявлению президента Джона Куинси Адамса от 4 июля 1821 года, когда он, осуждая английский колониализм, сказал: «Да не станет Америка искать зло на чужбине, ибо ввергнет ее это в пучину несправедливых войн и интриг, алчности, зависти и амбиций, стирающих грань между добром и злом и разрушающих сами основы свободы, на которой построена американская политика, и политика эта незаметно станет политикой силы». Адамс предупреждал, что Америка может «стать мировым диктатором, но лишь ценой потери своей души»<sup>1</sup>.

Слова Адамса о судьбе, которая ждет Соединенные Штаты, если они принесут свои республиканские идеалы в жертву имперским амбициям, оказались пророческими. Ситуацию еще больше усложняет то, что американцы неизменно отрицают имперское прошлое своей страны и его влияние на современную политику США. Как отметил историк Альфред Маккой, «для империй прошлое – это лишь еще одна заморская территория, которую можно перестроить по своему усмотрению, а то и создать заново»<sup>2</sup>. Американцы не желают признавать важность истории, хотя, по мнению писателя Дж. М. Кутзее, империи всегда должны ее признавать. В своей книге «В ожидании варваров» он пишет: «Жить в истории, покушаясь на ее же законы, – вот судьба, которую избрала для себя Империя. И ее незримый разум поглощен лишь одной мыслью: как не допустить конца, как не умереть, как продлить свою эру. Днем Империя преследует врагов. Она хитра и безжалостна, своих ищек она рассылает повсюду. А ночью она распаляет себя кошмарными фантазиями: разграбленные города, тысячи жертв насилия, горы скелетов, запустение и разруха. Галлюцинации безумца, но такое безумие заразительно»<sup>3</sup> [*Пер. с англ. А. Михалева*].

Американцы же полагают, будто никак не зависят от своей истории. Историк Кристофер Лэш считает, что причиной тому – их самовлюбленность и эгоизм. Для многих это также способ пребывать в счастливом неведении относительно того, во что превратилась их страна за последнее столетие. Во времена господства Америки над остальным миром гражданам страны было легче убаюкивать себя сказками о благородных целях Америки, а реальная история становилась для них все более туманной. Растущая пропасть между Америкой и остальным миром, многоязычным, объединяющимся, лишь усугубляет проблему. Изоляция порождает не только невежество – она порождает страх, который наглядно проявляется в преувеличении внешних угроз, постоянном паническом ожидании вторжения инопланетян, боязни иностранных и доморожденных радикалов, а в последнее время еще и грозных исламских террористов.

Безграничное невежество граждан США в вопросах истории собственной страны в очередной раз подтвердилось, когда в июне 2011 года были опубликованы результаты общенационального тестирования, которое в народе называют «национальным табелем успеваемости». Проверка проводилась среди учеников четвертых, восьмых и двенадцатых классов и показала, что американские школьники, по словам газеты *New York Times*, «знают историю своей страны хуже, чем любой другой предмет». Эта проверка успеваемости, проводимая Министерством образования США, выявила, что лишь 12 % выпускников средних школ обнаружили достаточный уровень знаний. Однако и этот показатель оказался под вопросом, когда, к ужасу проверочной комиссии, лишь 2 % тестируемых смогли правильно назвать социальную проблему, которая решалась при рассмотрении дела «Браун против Совета по образованию», хотя ответ содержался в самой формулировке вопроса<sup>4</sup>.

Подобные пробелы в знании нашими гражданами истории чаще всего заполняются мифами. Среди них можно встретить, например, историю о том, что Джон Уинтроп объявил в 1630 году на борту «Арбеллы», что Америка станет по воле Провидения новым «градом на холме»<sup>1</sup>, освещающим, подобно маяку, путь для всего остального мира. По этой логике, США возвышаются над всем прочим развращенным миром, где правит личная выгода. В какие-то моменты так оно и было. Не раз случалось, что американские ценности и достижения выводили человечество на новый виток истории, и благодаря Соединенным Штатам общество развивалось и двигалось вперед. Но едва ли не чаще США своей политикой тормозили прогресс всего человечества. Хотя вера в то, что наше государство в корне отличается от остальных, – в то, что другие действуют исключительно в собственных интересах, стремясь получить политическую или экономическую выгоду, в то время как США, которыми движет лишь верность идеалам свободы, посвящают себя бескорыстному служению человечеству, – и была в свое время погребена под развалинами Хиросимы и Нагасаки и в джунглях Вьетнама, в последние годы она возродилась вследствие переоценки исторических событий, за которую так ратуют представители партий правого крыла.

Вера в миф об исключительности американской нации присутствует и в словах президента Вудро Вильсона, который заявил после подписания Версальского договора: «Наконец-то в лице Америки мир узнал своего избавителя!»<sup>5</sup> То же самое не раз повторяли другие лидеры США, разве что делали при этом более скромный вид.

Однако подобной скромности явно не хватает ксенофобам из «Движения чаепития»<sup>2</sup> – они рассматривают признание национальной исключительности американцев как непримен-

<sup>1</sup> Основатели северо-западных поселений в Северной Америке в большинстве своем прибыли на ее неизведанные земли, руководствуясь идейными соображениями. Новоанглийские колонисты сознательно порывали связь со своей родиной и бросали вызов всему старому, базировавшемуся на неверных, с их точки зрения, религиозных убеждениях. Свое переселение в Новый Свет они расценивали как избавление от мук, считая, что Новый Свет должен стать «раем на земле». Они ставили перед собой цель распространять протестантство на неосвоенных территориях, выступая в роли «Христовой воинства», которое отправляется в пустыню, чтобы сразиться с дьяволом, построить «град на холме» (a City upon a Hill) и служить Всевышнему в западном мире, способствуя возведению церковью истинного Бога. Квинтэссенцией этого мировоззрения стала символическая фраза «град на холме», произнесенная на борту отплывшей в Америку «Арбеллы» проповедником Джоном Уинтропом в знаменитой проповеди «Образец христианского милосердия»: «We must consider that we shall be a City upon a Hill...» То есть пуритане должны были стать создателями нового мира (образ «града на холме» был навеян Уинтропу рядом стихов Евангелия от Матфея), возвышающегося над миром старым, в котором грех и несправедливость торжествовали чаще, чем святость и добро. Здесь и далее, если не указано иное, *примечания редактора*.

<sup>2</sup> «Движение чаепития» (англ. Tea Party movement) – консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 году из серии акций протеста, скоординированных на местном и национальном уровне, вызванных в том числе актом 2008 года о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования. Название «Движение чаепития» является отсылкой к «Бостонскому чаепитию» 1773 года – акции протеста под лозунгом «Нет налогам без парламентского представительства!», в ходе которого американские колонисты уничтожили английский груз чая, – событию, ставшему символическим в американской истории. Иногда название движения расшифровывают как Taxed Enough Already («Хватит с нас налогов»). Цели движения: сокращение правительственного аппарата, снижение налогов и государственных затрат, сокращение национального долга и бюджетного дефицита и соблюдение Конституции США.

ное слагаемое патриотизма. Они же используют некоторые весьма сдержанные высказывания президента Барака Обамы, стараясь подтвердить подозрение в том, что он не стопроцентный американец, пусть и родился в США (последний факт они все же признают, хотя и неохотно). Американские борцы за чистоту нации затаили на нынешнего президента большую обиду за выступление 2009 года, в котором он заявил: «Я верю в исключительность американцев, но подозреваю, что англичане точно так же верят в свою исключительность, а греки – в свою»<sup>6</sup>.

Отказ Обамы трубить на весь мир, что США – дар свыше всему человечеству, дал республиканским лидерам (которым прекрасно известно, что 58 % американцев считают, будто «Бог отвел Америке особую роль в человеческой истории») повод использовать его взвешенные высказывания для грубых нападок. Бывший губернатор Арканзаса Майк Хаккаби обвиняет Обаму в том, что его «мировоззрение в корне отличается от представлений любого другого президента, будь то республиканец или демократ... Он все больше показывает себя скорее глобалистом, чем американцем. Отрицать исключительность американцев – значит, по сути, отрицать саму душу нашей нации»<sup>7</sup>.

Историки и общественные деятели левого толка осознали важность формирования непредвзятых представлений об американской истории и убедительного разоблачения американского империализма еще во времена зарождения «новых левых»<sup>3</sup>, в 1960-х годах. Консерваторы, напротив, привычно отрицали наличие у США каких бы то ни было империалистических притязаний. И лишь совсем недавно неоконсерваторы порвали с этой традицией, гордо заявив, что Америка является не просто империей, а самой могущественной и справедливой империей за всю историю человечества. Большинство американцев такие утверждения по-прежнему воспринимают как богохульство. Зато неоконсерваторам их точка зрения кажется единственно верной: ведь Соединенные Штаты играют в современном мире ведущую роль, уготованную для них самим Господом Богом.

После эйфории, охватившей американский народ 7 октября 2001 года, в день нападения на Афганистан, и прежде чем восторги были заглушены провалами новых американских военных авантур, консервативные теоретики поспешили подхватить имперские лозунги. Уже 15 октября на обложке очередного выпуска еженедельника *Weekly Standard* Уильяма Кристола гордо красовался заголовок: «Аргументы в пользу Американской империи». Главный редактор журнала *National Review* Рич Лоури призвал к «умеренному колониализму» ради свержения опасных для Америки правительств не только в Афганистане, но и в других странах<sup>8</sup>. Еще через несколько месяцев обозреватель Чарльз Краутхаммер отметил тот факт, что «люди больше не стесняются говорить об империи». Он счел это своевременным, учитывая безоговорочное превосходство США «в культурном, экономическом, техническом и военном плане»<sup>9</sup>. И на обложке воскресного приложения к газете *The New York Times* от 5 января 2003 года появился заголовок: «Пора привыкать к Американской империи».

Хотя многие неоконсерваторы считают империю недавним явлением, экспансионистские устремления США берут начало уже в первых британских колониях, первых поселениях, в их дальнейшем развитии и последующих завоеваниях. Именно эти устремления воплотились в лозунге «божественного предопределения» для нашей страны и отразились в доктрине Монро<sup>4</sup>. Историк из Йельского университета Пол Кеннеди утверждает, что «с того момента, как первые поселенцы прибыли из Англии в Вирджинию и начали продвигаться на запад,

<sup>3</sup> «Новые левые» – радикально-либеральное политическое движение преимущественно молодых американцев, охватившее США в 1960-е годы. Его участники выступали за революционные перемены в механизмах власти, политике, образовании и обществе в целом. Приобрело широкую известность благодаря участию в движении за гражданские права и демонстрациям протеста против войны во Вьетнаме.

<sup>4</sup> Декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в 1823 году президентом Дж. Монро. Суть ее сводилась к тому, что США обязуются не вмешиваться в дела Европы и вообще Восточного полушария, но не потерпят вмешательства европейцев в дела стран Западного полушария.

родилась новая империалистическая нация, нация завоевателей»<sup>10</sup>. Эта жажда захвата чужих земель и природных богатств, нередко сопряженная с истреблением целых народов, неизменно прикрывалась рассуждениями о высоких идеалах: преданности идеям свободы, бескорыстия, стремлением к прогрессу цивилизации. Точно так же дела обстоят и в наши дни. По словам Уильяма Эплмена Уильямса, одного из первых и наиболее проникательных ученых, посвятивших себя изучению Американской империи, «банальное желание захватывать земли, рынки и наращивать военную мощь – вот что скрывается за патетическими разглагольствованиями о процветании, свободе и безопасности»<sup>11</sup>. Лидеры США упорно, хотя и не слишком убедительно, отрицают, что в основе американского экспансионизма лежат и расистские предрассудки.

Пытаются они отрицать и те методы, которые США используют для достижения своих целей. Но такая позиция регулярно опровергается – иногда теми, с чьей стороны этого ждешь меньше всего. Сэмюэль Хантингтон, автор ошибочного, упрощенческого тезиса о «столкновении цивилизаций», справедливо замечает: «Западная цивилизация завоевала весь мир не благодаря превосходству своих идеалов, ценностей или религии (в которую удалось обратить лишь немногих приверженцев других религий), а только благодаря умело организованному насилию. На Западе люди часто забывают об этом факте, но о нем всегда помнят жители остальных стран»<sup>12</sup>.

Редактор газеты *The Wall Street Journal* и один из ведущих членов Совета по международным отношениям Макс Бут лучше многих других понимал, что империалистические настроения зародились в США уже очень давно. Однажды он раскритиковал Дональда Рамсфелда<sup>5</sup> за довольно резкое высказывание в интервью репортеру арабского телеканала «Аль-Джазира». Журналист спросил, «строят ли в США новую империю». На это Рамсфелд, по саркастическому замечанию Бута, «отреагировал так, будто у него поинтересовались, носит ли он женское белье». «Мы не станем империей, – резко бросил журналисту Рамсфелд, – у нас нет и никогда не было ничего общего с империализмом». Бут раскритиковал слова бывшего министра обороны и привел примеры: историю с приобретением Луизианы – сделку, в результате которой территория США в свое время увеличилась практически вдвое, и последующие завоевания земель на западе континента; присоединение Пуэрто-Рико, Филиппин, Гавайев и Аляски в конце XIX века; империалистические аппетиты в отношении Германии и Японии после Второй мировой войны. Завершали эту цепочку «недавние попытки создать “удобные” государства в Сомали, Гаити, Боснии, Косово и Афганистане – по сути, тот же империализм, только под другим названием». Но в отличие от критиков слева Бут восхищается захватнической политикой США. «Американский империализм, – утверждает он, – за последние сто лет принес миру величайшие блага»<sup>13</sup>.

Гарвардский историк Найл Фергюсон, который какое-то время воспевал Британскую империю, считает, что американские претензии на мировое господство носят исключительно эгоистичный характер. Он с иронией отмечает, что «тем, кто по-прежнему убежден в исключительности американской нации, любой историк с легкостью даст достойный ответ: исключительности в Америке не больше, чем в любой другой из 69 мировых империй»<sup>14</sup>.

Хотя утверждения о моральном превосходстве США чрезвычайно преувеличены, притязания на военное превосходство имеют под собой серьезные основания. Едва ли найдется человек, который разбирался бы в этой теме лучше Пола Кеннеди, чья книга «Взлет и падение великих держав» стала в 1987 году бестселлером и удостоилась престижной премии. Этот ученый утверждает, что каждая империя в определенный момент истории терпит крах, потому что ее

<sup>5</sup> Рамсфелд Дональд – американский политик-республиканец, министр обороны в 1975–1977 годах (администрация Джеральда Форда) и в 2001–2006 годах (администрация Джорджа Буша-младшего).

империалистические аппетиты становятся попросту непомерными; так случилось в свое время и с США. Но, как и многих других, его ошеломила и даже ослепила та легкость, с которой американские войска поставили на колени Афганистан после терактов 11 сентября 2001 года. «В истории никогда еще не было подобного неравенства сил, никогда, – пишет он, опровергая собственные более ранние высказывания. – Я сравнил статистику по затратам на оборону и личный состав вооруженных сил за последние 500 лет... И обнаружил, что еще ни одна нация не уделяла такого внимания своей военной мощи. В эпоху так называемого Pax Britannica («Британского мира»), то есть доминирования Британской империи в XIX веке, английская армия практически не требовала затрат, она была значительно меньше вооруженных сил других европейских стран, и даже Королевский военно-морской флот был равен по мощи ВМС двух ближайших соперников Англии – но в наше время, даже если сложить вместе военно-морские силы всех стран мира, они все равно проиграют в сравнении с американским флотом, который обладает очевидным превосходством». Кеннеди благоговейно взирает на неописуемую мощь двенадцати авианосных ударных групп, которыми располагают США. Таким не может похвастаться ни одна другая империя: «Империя Карла Великого простирала свое владычество лишь на Западную Европу. Римская империя была намного больше, но в ту эпоху существовала и другая великая империя, Персия, а еще более могучей империей был Китай. Таким образом, никому не под силу сравниться с Америкой», – утверждает он<sup>15</sup>.

И все же эти притязания требуют тщательного изучения. США, несомненно, обладают величайшей огневой мощью, прекрасно обученным и оснащенным профессиональным личным составом и самой сложной и мощной боевой техникой в мировой истории. Но этого не всегда достаточно для победы, если противник ведет войну принципиально иного характера, стремясь завоевать симпатии людей и приобрести как можно больше единомышленников.

Разногласия по поводу имперского статуса Америки возникли в связи с тем, что США обладают властью настоящей империи и выполняют характерные для нее функции, но при этом не принимают ее традиционных атрибутов. Совершенно очевидно, что Соединенные Штаты не пошли по пути европейских колониальных империй, хотя время от времени и устраивали рискованные мероприятия, похожие на попытку присоединения новых колоний. По большей части это были вспомогательные меры ради вмешательства в экономику зарубежных стран в рамках широко известной политики «открытых дверей»: США пытались взять под свой контроль рынки и добиться экономического господства, а формальная власть над населением и территориями чужих государств их мало интересовала. США тем не менее не раз применяли военную силу и даже шли на продолжительную оккупацию, когда возникала угроза их экономическим интересам и частным инвестициям. Затем они сумели найти подходящую замену колониальным режимам прошлого: взяли под контроль территории многих других стран, превратившись в «империю баз», как метко окрестил Соединенные Штаты Джонсон Чалмерс, американский писатель, профессор Калифорнийского университета. К 2002 году, по официальной статистике Пентагона, американские войска размещены в 132 странах из 190, которые являлись на тот момент членами ООН<sup>16</sup>. Прибавьте к этим базам те самые авианосные ударные группы, на которые из американской казны уходят сотни миллиардов долларов, и вы увидите, что американские военные проникли во все уголки земного шара. Нельзя забывать и о самом мощном в мире арсенале ядерного оружия, которым обладают США, а оно, несмотря на значительные сокращения последних лет, способно несколько раз уничтожить все живое на нашей планете.

Недавно «рубежи обороны» США продвинулись в космос – в рамках так называемого «всестороннего господства» в соответствии с военной доктриной Космического командования Вооруженных сил США «Перспектива-2010», опубликованной в 1997 году и включенной

позднее Пентагоном в «Единую перспективу – 2020»<sup>17</sup>. Все эти планы предполагают неоспоримое господство Соединенных Штатов на суше, на море, в воздухе и в космосе.

За последние сто лет Американская империя вышла на качественно новый уровень. Выполнив свою миссию, которую журналист Джон О'Салливан окрестил «божественным предопределением», и заняв большую часть территорий Северной Америки, США решили, что настал черед обратить взор на более отдаленные земли. Так, например, Уильям Генри Сьюард, Государственный секретарь США при Аврааме Линкольне и Эндрю Джонсоне<sup>6</sup>, не раз заявлял о грандиозных планах присоединить к Соединенным Штатам Аляску, Гавайи, Канаду, Карибские острова и Колумбию, а также остров Мидуэй в Тихом океане.

Но пока Сьюард предавался мечтам, европейцы решительно перешли от слов к делу и подчинили своей власти все территории, до которых только сумели добраться в конце XIX века. Британия возглавила эту экспансию, захватив за каких-то тридцать лет 12 миллионов квадратных километров, что значительно превосходит территорию даже современных Соединенных Штатов<sup>18</sup>. Франция, в свою очередь, присоединила к своим владениям еще 9 миллионов квадратных километров<sup>19</sup>. Германия, которая приступила к захватам значительно позднее других европейских держав, расширилась на 2,6 миллиона квадратных километров. Только Испания потеряла почти все свои колонии. К 1878 году европейские державы и их колонии занимали 67 % земной суши, а к 1914 году эта цифра и вовсе увеличилась до 84 %<sup>20</sup>. К началу 1890-х годов европейцы разделили между собой 90 % Африки, львиная доля территории которой отошла к Англии, Франции, Бельгии и Германии. Сенатор от штата Массачусетс Генри Кэбот Лодж, один из самых ярких пропагандистов Американской империи, отметил, что «великие державы настолько увлеклись обширной экспансией, что решили взять под свою опеку все незанятые территории Земли», и призвал США срочно наверстать упущенное<sup>21</sup>.

---

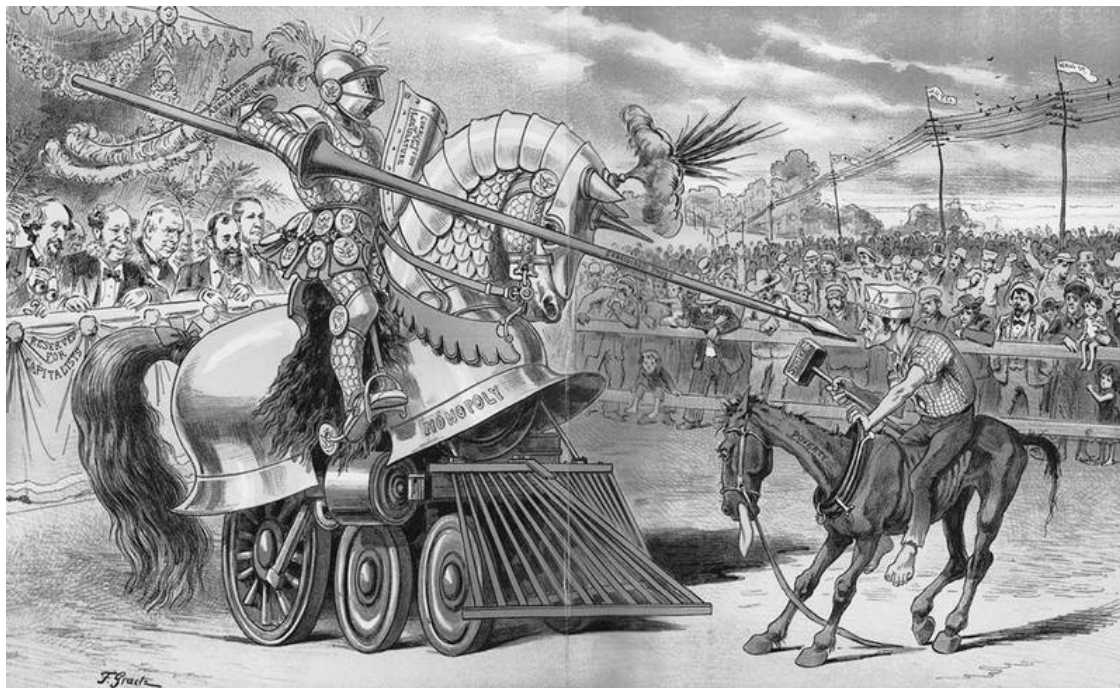
<sup>6</sup> *Джонсон Эндрю* – 17-й президент США (1865–1869), занял пост после гибели А. Линкольна. Единственный (до Билла Клинтона) президент, подвергшийся процедуре импичмента (1868). Для его осуждения сенатом не хватило одного голоса до положенных двух третей (33 против 17).



*В конце XIX века европейские страны значительно расширили свои сферы влияния. Как показывают карты, к 1878 году европейские державы и их колонии занимали 67 % земной суши, а к 1914 году эта цифра возросла до 84 %.*

Но такая империя встречала решительное осуждение со стороны большинства американцев, которые пытались отстоять свой идеал XIX века – республику мелких производителей – от натиска ненасытного режима промышленного капитализма. Глубочайшая пропасть пролегла между разжиревшими капиталистами и массой бедняков, и это пошатнуло веру в американскую демократию и равноправие граждан. Большинство фермеров и рабочих не желали мириться с тем, что власть в стране захватила кучка банкиров, заводчиков и их прихвостней –

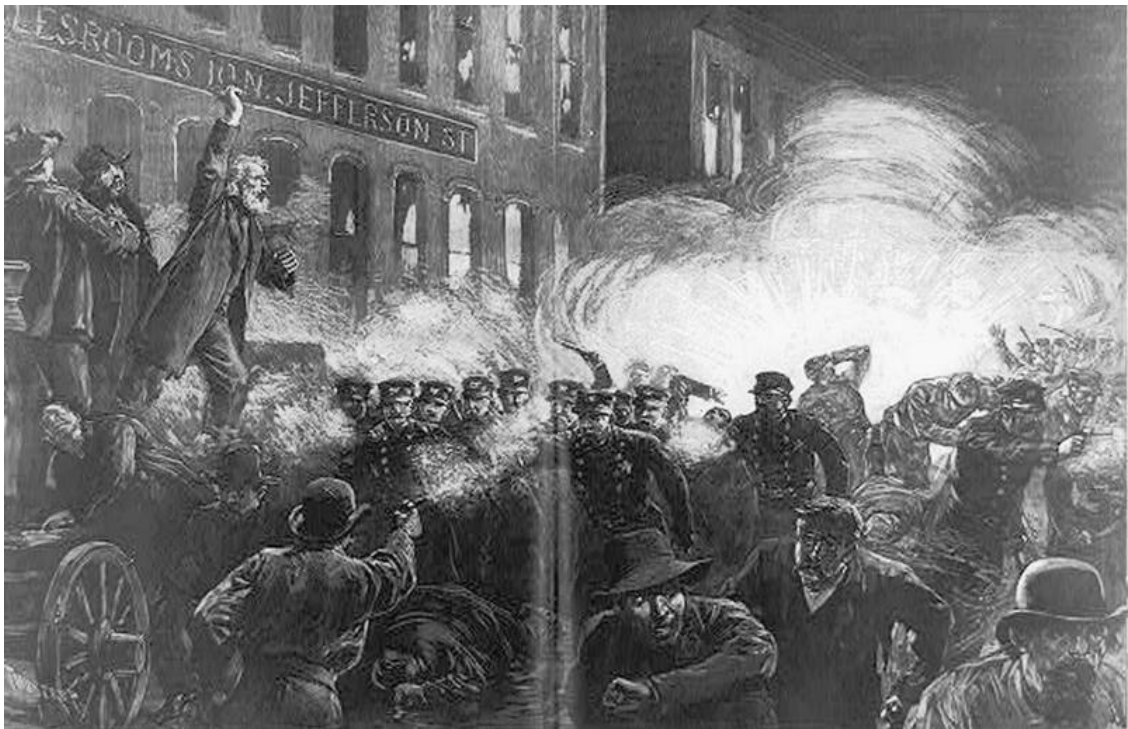
законодателей, судей и прочих бюрократов. Эти настроения отразил поэт Уолт Уитмен, который назвал капитализм «антидемократическим недугом и уродством»<sup>22</sup>.



*На этой карикатуре из сатирического иллюстрированного журнала Puck, появившейся в печати в августе 1883 года, изображена неравная борьба рабочего класса против монополистов, взорвавшая Америку в конце XIX века. На трибуне слева изображены «бароны-разбойники» (слева направо): финансист и основатель Атлантической телеграфной компании Сайрус Уэст Филд, железнодорожный магнат Уильям Вандербильт, владелец судостроительной компании Джон Роуч и железнодорожный магнат Джейс Гульд.*

1870–1890-е годы стали периодом самой жестокой и кровопролитной классовой борьбы за всю историю США. В 1877 году бастующие железнодорожники и горячо поддерживавшие их массы рабочих других отраслей хозяйства парализовали всю транспортную систему страны; капиталисты, памятуя о победе рабочих-революционеров Парижской коммуны в 1871 году, потеряли сон, рисуя в своем воображении кошмарные картины того, что ждет и их; в результате ряда всеобщих забастовок закрылись предприятия в нескольких крупных американских городах, в том числе в Чикаго и Сент-Луисе. В Вашингтоне вышел номер газеты *National Republican* с редакционной статьей под названием «Американская коммуна». В самой статье прозвучала следующая фраза: «Нельзя отрицать тот факт, что коммунистические идеи нашли отклик в сердцах американских рабочих, которые трудятся в шахтах, на заводах и фабриках, на железных дорогах». Железнодорожная забастовка – «это не что иное, как проявление коммунизма в самой страшной его форме, это противозаконное и революционное явление, которое подрывает сам дух американского народа»<sup>23</sup>. Эту точку зрения поддержала и ведущая газета Сент-Луиса *Republican*: «Нельзя называть эти акции забастовками; это самая настоящая революция рабочих»<sup>24</sup>. Когда местные отряды милиции не сумели (или не захотели) подавить массовые

выступления, президент Ратерфорд Берчард Хейс, который занял свой пост во многом благодаря железнодорожным магнатам, ввел в дело части регулярной армии.



*«Хеймаркетская бойня» 4 мая 1886 года. Тогда американское правительство репрессировало не только анархистов, проводивших митинг, но и «рыцарей», которые отвергали насилие и не имели никакого отношения к событиям на площади Хеймаркет в Чикаго. Вскоре началась охота на радикалов по всей стране.*

Классовая борьба усилилась в 1880-х годах, после появления так называемых «Рыцарей труда», первой массовой рабочей организации в США, которая устроила в 1885 году крупную стачку на гигантской сети железных дорог, принадлежавшей Джею Гульду. Но Гульд был не просто обычным «бароном-разбойником», нажившим свое состояние нечестным путем. После того как он похвастался однажды, что может «нанять одну половину рабочего класса, чтобы та перестреляла другую половину», его возненавидела вся страна<sup>25</sup>. Но и «рыцарей», призывавших к классовому сотрудничеству на принципах демократического социализма, едва ли можно было назвать обычной рабочей организацией. И когда Гульд согласился выполнить все их требования – газета деловых кругов *Bradstreet's* назвала это «полной и безоговорочной капитуляцией», – Америка была потрясена<sup>26</sup>. Орден «Рыцари труда» начал расти как на дрожжах: число его членов за один год, с 1 июля 1885 по 1 июля 1886 года, увеличилось со 103 тысяч до более чем 700 тысяч. Однако власти нанесли этому движению сокрушительный удар, используя в своих целях гибель семи полицейских во время «Хеймаркетской бойни» в мае 1886 года. Тогда американское правительство репрессировало не только анархистов, проводивших митинг на площади Хеймаркет в Чикаго, но и «рыцарей», которые отвергали насилие и не имели никакого отношения к чикагским событиям. США охватила «красная паника»: по всей стране шла охота на радикально настроенных рабочих.



*Эдвард Беллами, 1890 год. На фоне широкого недовольства американского среднего класса тем, что в экономике страны царит лишь погоня за прибылями, роман Беллами «Взгляд назад» разошелся миллионным тиражом вскоре после своего выхода из печати в 1888 году. Последователи*

*Беллами создали «националистические клубы» по всей стране, надеясь воплотить в жизнь его идеи утопического социализма.*

В своей публикации о тех временах Айда Тарбелл называет 1880-е годы «кровавым периодом» в истории США<sup>27</sup>. Не то чтобы все десятилетие было действительно кровавым, но именно тогда рабочие впервые усомнились в законности системы, при которой государством правят исключительно богачи – сформировавшаяся совсем недавно элита банкиров и промышленников, – оттесняя подавляющее большинство рабочих и фермеров, кому жилось нелегко даже в хорошие времена, не говоря уже о безнадежной нищете во время кризисов.

Выражали недовольство и фермеры: в 1880-е годы они стали объединяться в так называемые фермерские альянсы, а в начале 1890-х создали Народную партию. Историки по сей день спорят, насколько радикально были настроены фермеры в то время, но в том, что большинство из них решительно выступали против превращения США в корпоративное государство, нет никаких сомнений – равно как и в том, что многие их вожди выступали с речами, резко осуждавшими заправил Уолл-стрит. Народная партия на своем первом съезде, который состоялся в 1892 году в Омахе, штат Небраска, приняла политическую программу, которая, в частности, гласила: «Плоды тяжкого труда миллионов подло украдены, чтобы для немногих создать колоссальные состояния, беспрецедентные в истории человечества, а их обладатели, в свою очередь, презирают республику и угрожают свободе. То же бездонное чрево государственной несправедливости породило у нас два крупных класса – нищих бродяг и миллионеров»<sup>28</sup>.

Несмотря на то что призывы Народной партии нашли поддержку лишь у населения Юга, Среднего Запада и Запада США, на президентских выборах 1892 года партия сумела набрать около 9 % голосов и провести на выборные должности свыше 1500 кандидатов, в том числе 3 губернаторов, 5 сенаторов и 10 конгрессменов. В 1894 году партия удвоила число полученных голосов и провела 7 конгрессменов и 6 сенаторов.

Большинство представителей среднего класса были также недовольны лежавшим в основе экономики постулатом о том, что частные предприниматели, руководствуясь соображениями личной выгоды, якобы способны приносить больше пользы всему обществу. Потому американцы, принадлежащие к среднему классу, не только поддерживали бастующих в Великой железнодорожной стачке 1877 года, но и попытались реализовать общественную систему, описанную в получившей широкую известность в 1888 году социалистической утопии Эдварда Беллами «Взгляд назад», которая разошлась по стране тиражом в миллион экземпляров и была признана самым популярным американским романом XIX века после «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу.

Биржевая паника, разразившаяся в «черную пятницу», 5 мая 1893 года, положила начало глубочайшему экономическому кризису, равных которому до той поры не случалось. Кризис длился целых пять лет. Всего за несколько месяцев почти 4 миллиона трудящихся стали безработными, а вскоре уровень безработицы в стране достиг 20 %.

По всей стране горячо обсуждали причины спада производства и искали способы предотвратить такие кризисы в будущем. Те, кто считал депрессию 1893 года, по сути, кризисом перепроизводства, утверждали, что США необходимы новые рынки сбыта за рубежом, где можно реализовать избыточный товар. С другой стороны, социалисты, активисты профсоюзов и реформаторы пришли к выводу, что кризис 1890-х годов возник в результате недопотребления, и предложили другой выход: перераспределить доходы таким образом, чтобы трудящиеся смогли покупать товары, поступающие в продажу с американских заводов и ферм. Мало кто из капиталистов одобрил такой подход – вместо этого они предпочли активизировать участие США в мировых делах, что привело к коренным изменениям и во внешней, и во внутренней политике страны.

Для того чтобы заявить притязания на зарубежные рынки и природные ресурсы, Соединенным Штатам были необходимы современный военно-морской флот и базы для него по всему миру. В 1889 году США аннексировали бухту тихоокеанского острова Паго-Паго, а в период с 1890 по 1896 год полностью обновили свой флот.

Остров Паго-Паго стал лишь началом. В 1893 году владельцы сахарных плантаций, с благословения посланника США в Гонолулу и при поддержке американской морской пехоты и кораблей ВМС, свергли гавайскую королеву Лилиуокалани и избрали своим президентом американца Сэнфорда Балларда Доула, кузена «ананасового» магната Джеймса Доула. В 1898 году США аннексировали Гавайи. Это событие тогдашний президент Уильям Мак-Кинли назвал исполнением «божественного предопределения»<sup>29</sup>.



*Сатира на зарождающийся американский империализм и жестокость американцев по отношению к жителям заморских стран. На этой карикатуре из выпуска сатирического иллюстрированного журнала *Risk*, вышедшего в свет в январе 1899 года, Филиппины, Пуэрто-Рико и Куба изображены в виде детишек, которых поучает дядя Сэм. Дети, сидящие на задних партах, читают книги, на обложках которых можно разглядеть названия американских штатов. В дальнем углу комнаты изображен маленький индеец, который держит книгу вверх ногами, а на пороге «открытых дверей» стоит китайчонок. В верхнем левом углу – афроамериканец, который моет, как обычно, окно в классе. На доске написано: «В теории согласие подданных – дело хорошее, но в жизни оно встречается редко. Англия правит своими колониями независимо от их согласия. Не дожидаясь их согласия, она продвинула мировую цивилизацию далеко вперед. США должны править своими новыми территориями независимо от того, согласны ли на это их жители, пока те не научатся управлять собой самостоятельно».*

25 апреля 1898 года Соединенные Штаты объявили войну Испании, якобы для того чтобы освободить Кубу от испанской тирании. Но начались сражения за тысячи миль от Кубы, в Манильской бухте на Филиппинах, где 1 мая коммодор Джордж Дьюи уничтожил испанскую Тихоокеанскую эскадру. По этому поводу один из противников американского империализма заметил: «Дьюи захватил Манильскую бухту ценой жизни всего лишь одного человека – и всех наших государственных установлений»<sup>30</sup>. Через три месяца испано-американская война закончилась.

Государственный секретарь Джон Хэй назвал ее «блестящей маленькой войной»<sup>31</sup>. Но так считали далеко не все. 14 июня 1898 года Антиимпериалистическая лига попыталась воспрепятствовать присоединению к США Филиппин и Пуэрто-Рико. В этой организации состояли такие выдающиеся люди, как Эндрю Карнеги, Кларенс Дарроу, Марк Твен, Джейн Аддамс, Уильям Джеймс, Уильям Дин Хоуэллс и Сэмюэль Гомперс. Но нация, опьяненная военной славой и легкой победой в борьбе «за правое дело», осталась глуха к их призывам.

Когда улеглись все страсти, США заложили основы своей будущей империи, аннексировав Гавайи и отобрав у Испании Пуэрто-Рико, остров Гуам и Филиппины. Филиппины рассматривались как идеальная база для дозаправки кораблей, следующих в Китай. Президент Мак-Кинли долго не мог решить, каким статусом наделить приобретенные территории, – он не спал ночами, места себе не находил, расхаживая взад-вперед по своему кабинету в Белом доме, и молился Всевышнему, чтобы тот направил его на путь истинный. В конце концов он решил попросту аннексировать захваченные земли, подарив населяющим их «неполноценным» народам возможность приобщиться к цивилизации. Так США взвалили на себя то, что Редьярд Киплинг называл «бременем белого человека»<sup>32</sup>.

Филиппинцы под предводительством Эмилио Агинальдо много лет вели борьбу против испанских колонизаторов. Они наивно решили, что США помогут им добиться независимости. Составили проект конституции и 23 января 1899 года провозгласили Филиппины республикой, а Агинальдо избрали президентом своей страны. 4 февраля американские солдаты открыли огонь по филиппинцам в Маниле. Американские газеты сообщили об этом как о неспровоцированном нападении филиппинцев на безоружных солдат Вооруженных сил США, в результате чего погибло 22 американца, а от 125 до 200 человек были ранены. Потери филиппинцев, по оценкам журналистов, исчислялись тысячами. Газеты сразу предсказали, что это нападение поможет добиться поддержки имперских притязаний со стороны граждан США, а сенат ратифицирует договор, о котором шли жаркие дебаты: согласно договору, США должны были выплатить Испании 20 миллионов долларов за Филиппины. В газете *New York World* появилась заметка, автор которой отметил, что Соединенные Штаты «внезапно, без предупреждения, столкнулись с имперскими реалиями... Чтобы править, надо завоевывать. Чтобы завоевывать, приходится убивать»<sup>33</sup>. Давление на противников договора усиливалось с каждым днем – американским войскам срочно требовалась поддержка. Генерал Чарльз Гровенор, конгрессмен от штата Огайо, заявил: «Они стреляли в наш флаг. Они убили наших солдат. Кровь наших павших воинов обагрила эту землю, их души жаждут мести!»<sup>34</sup>

*Chicago Tribune* назвала дебаты в сенате самой яростной полемикой «со времен импичмента Эндрю Джонсона»<sup>35</sup>. Сенатор от Массачусетса Джордж Фрисби Гор заявил в ходе дебатов, что США превратятся «в обычную, заурядную империю, где господствует грубая сила, подчиняющая себе более слабые народы и зависимые государства; в ней всегда будет править лишь один класс, а все остальные обречены вечно подчиняться»<sup>36</sup>. После длительного давления на сенаторов и заверений, что договор не означает вечного господства США над Филиппинами, удалось добиться его ратификации большинством всего в один голос сверх требуемых по закону двух третей. Гор позднее говорил: США «уничтожили республику, созданную для себя филиппинским народом, лишили его независимости и силой американского оружия навязали

ему правительство, в котором этот народ не представлен и которого он не желает»<sup>37</sup>. А сенатор Ричард Петтигрю назвал попрание независимости Филиппин «величайшим международным преступлением века»<sup>38</sup>.

Филиппинцы всячески поддерживали повстанческую армию, снабжали ее бойцов провизией, давали им пристанище. Американские войска использовали тактику, благодаря которой им удалось одержать верх над коренными американцами, и действовали с крайней жестокостью. После очередной засады, в которую попали американцы, генерал Ллойд Уитон отдал приказ уничтожить все поселения в радиусе 30 километров и убить всех их жителей. Когда повстанцы внезапно нанесли удар по американской базе в городке Балангига на острове Самар, в результате чего погибло 54 из 74 солдат, полковник Джейкоб Смит приказал своим подчиненным казнить всех местных жителей старше десяти лет и превратить остров в «безлюдную пустыню»<sup>39</sup>. Распоряжение было выполнено, причем некоторые солдаты делали это с удовольствием. В письме своим домашним один из них написал: «Мы загорелись боевым духом, все хотели отомстить этим “ниггерам”... Охота на кроликов даже близко не идет в сравнение с такой захватывающей охотой на двуногую дичь»<sup>40</sup>. Сотни тысяч филиппинцев были брошены американскими офицерами в концентрационные лагеря.

Одним из самых решительных сторонников захвата Филиппин Соединенными Штатами был сенатор от штата Индиана Альберт Беверидж. Он лично посетил остров, чтобы получить информацию о положении дел из первых рук. Все с нетерпением ожидали, что он скажет, – ведь он единственный из всех сенаторов побывал на Филиппинах. В начале января 1900 года он выступил в переполненном зале заседаний сената и произнес одну из самых ярких речей в анналах американского империализма, на редкость откровенную и пропитанную ярким шовинизмом:

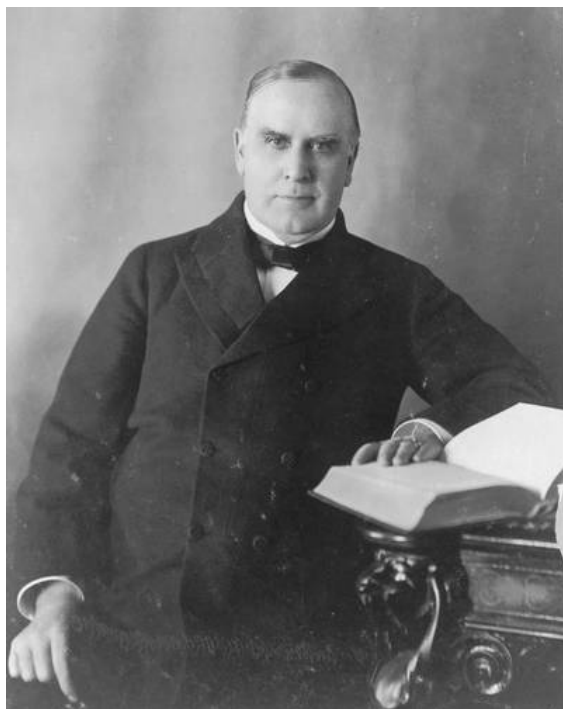
«Филиппины наши на веки вечные... Эта островная империя была последней “ничейной” землей в Мировом океане... Теперь мы должны всемерно развивать свою торговлю с Азией. Тихий океан – наш океан. Европа производит все больше и больше товаров и скоро будет сама покрывать почти все свои потребности, получая львиную долю сырья из своих колоний. Где же мы сможем сбывать излишки своего производства? Ответ на этот вопрос дает география. Нашим естественным потребителем является Китай... А Филиппины послужат нам опорным пунктом у врат Востока... Войны теперь будут вестись преимущественно за рынки сбыта. И господствующее положение в мире займет та держава, которая подчинит себе Тихий океан. Благодаря Филиппинам такой державой стала и навеки останется Американская Республика... Бог сделал своим избранным народом американцев, которым Он предназначил вести к возрождению весь мир. Такова божественная миссия Америки, и она сулит нам высшую выгоду, славу и счастье, о каких только может мечтать человек. На нас возложено руководство прогрессом человечества, мы стоим на страже справедливого мира на Земле. Это о нас сказал Господь Бог: “В малом вы были верны, над многим вас поставлю”<sup>7</sup>»<sup>41</sup>.

Но для Мак-Кинли главным призом в войне был сказочно богатый китайский рынок, который Япония и европейские державы делили между собой на исключительные сферы капи-

---

<sup>7</sup> Слегка перефразированное изречение из Матф. 25: 23.

таловложений. Опасаясь, что Соединенные Штаты не будут допущены на этот рынок, госсекретарь Джон Хэй в 1899 году обратился к ведущим державам с нотой, где впервые выдвинул требование «открытых дверей», предлагая всем странам предоставить друг другу равный доступ к коммерческой деятельности в своих сферах влияния. Ответы на эту ноту были уклончивыми, и все же в марте следующего года Хэй объявил, что на принцип «открытых дверей» согласились все. Китайские патриоты, однако, не смирились с господством чужеземцев и поднялись на массовое восстание против оккупантов и их союзников-миссионеров. В подавлении Боксерского восстания вместе с войсками европейских стран и Японии приняли участие и 5 тысяч американских солдат.



*В ходе выборов 1900 года за президентское кресло боролись республиканец Уильям Мак-Кинли (слева), сторонник Американской империи и ярый защитник интересов истеблишмента востока США, и демократ Уильям Дженнингс Брайан (справа), популист со Среднего Запада, решительно выступавший против имперских замашек. К глубокому сожалению, после победы Мак-Кинли предостережения Брайана против имперской политики были позабыты.*

Таким образом, во время президентских выборов 1900 года, когда за пост главы государства боролись Мак-Кинли и Уильям Дженнингс Брайан, американские вооруженные силы были задействованы в Китае, на Кубе и Филиппинах. На национальном съезде Демократической партии Брайан назвал выборы борьбой «демократии с плутократией» и обрушился на империализм со страстной критикой. До самых дальних уголков зала доносился его звучный баритон, когда Брайан опирался в этой критике на принципы, заложенные Томасом Джефферсоном и Авраамом Линкольном, и цитировал слова Джефферсона: «Если существует принцип, вошедший в плоть и кровь каждого американца, то состоит он только в одном: мы никогда и ни за что не должны становиться завоевателями»<sup>42</sup>. Голоса на выборах разделились почти поровну, но все же большинство поддержало новый имперский курс, предложенный Мак-

Кинли и его советниками, – или хотя бы не стало ему противодействовать. Социалист Юджин Дебс был зарегистрирован кандидатом, но на большинстве избирательных участков его фамилию даже не внесли в бюллетени.

Уже после выборов в печать стали просачиваться сведения о зверствах, творимых американцами на Филиппинах: убийствах, изнасилованиях и применении пыток (в частности, имитации утопления). В ноябре 1901 года корреспондент газеты *Philadelphia Ledger* сообщал из Манилы:

«Эта война отнюдь не похожа на бескровную игру, как в комической опере. Наши солдаты действуют безжалостно: они истребляют мужчин, женщин, детей, пленных, захваченных мирных жителей, вооруженных повстанцев, просто тех, на кого падает подозрение, в том числе детей старше десяти, – почти все американцы считают, что филиппинцы ненамного лучше собак, которым пристало рыться в мусорных кучах. Наши солдаты заливают в пленных соленую воду, чтобы “заставить их говорить”, хватают тех, кто поднял руки, не имея оружия, а уже час спустя, без намека на какие бы то ни было доказательства, объявляют их мятежниками, выстраивают на мосту и расстреливают одного за другим, после чего несчастные падают в воду и плывут по течению в назидание каждому, кто увидит их изрешеченные пулями тела»<sup>43</sup>.

Один солдат опубликовал в *Omaha World-Herald* следующую заметку:

«Филиппинца заставляют лечь на землю, четыре солдата наступают ногами на его руки и ноги, потом вставляют в рот бамбуковую трубку и заливают в рот и нос ведро воды. Если тот продолжает молчать, в него вливают еще ведро. Человек раздувается, как лягушка. Поверьте, на такое даже смотреть страшно»<sup>44</sup>.

Бои продолжались три с половиной года, пока президент Теодор Рузвельт смог объявить, что на Филиппинах установился мир. В боевых действиях со стороны США участвовало в общей сложности 126 тысяч солдат, из которых 4374 так и не вернулись домой<sup>45</sup>. Потери филиппинцев были куда больше: вероятно, тысяч двадцать партизан и не менее 200 тысяч мирных жителей (большинство из них стали жертвами холеры)<sup>46</sup>. Американцы утешали себя тем, что принесли цивилизацию отсталому народу, заплатив за это кругленькую сумму в 400 миллионов долларов. Сенатор Беверидж считал, что деньги потрачены не зря, но он недооценил истинную цену войны. Созданная Вашингтоном и Джефферсоном республика, которая своим примером вдохновляла демократические и революционные движения по всему миру, скатилась на путь, который вскоре превратит ее в противника любых разумных перемен, в упорного защитника статус-кво.



*Американские солдаты пытаются заставить филиппинца говорить. По словам одного газетчика, «наши солдаты вливают в него соленую воду, чтобы заставить говорить».*

В феврале 1901 года, когда американские войска, по словам Мак-Кинли, поднимали филиппинскую нацию, приобщали ее к цивилизации и христианству, конгресс США развеял последние иллюзии относительно уважения независимости Кубы, приняв так называемую поправку Плата. Она закрепляла право США вмешиваться в дела Кубы, устанавливала предел ее внешнего долга, ограничивала ее права заключать международные договоры. Кроме того, США получали военно-морскую базу в заливе Гуантанамо, призванную прикрывать восточные подступы к Панамскому перешейку. Соединенные Штаты ясно дали понять, что не выведут с территории Кубы свои войска, пока эта поправка не станет частью кубинской конституции.



*Тела убитых филиппинцев.*

После войны американские бизнесмены жадно набросились на все, до чего только могли дотянуться. *United Fruit* завладела 769 тыс. гектаров земли, пригодной для выращивания сахарного тростника, по цене всего 40 центов за гектар. А корпорация *Bethlehem Steel* и ряд других американских компаний к 1901 году стали собственниками 80 с лишним процентов полезных ископаемых Кубы.

В сентябре 1901 года 28-летний анархист Леон Чолгош застрелил Мак-Кинли во время Панамериканской выставки в Буффало. Один из анархистов сообщил впоследствии, что Чолгош возмущался «бесчинствами, которые творят власти США на Филиппинских островах»<sup>47</sup>. По иронии судьбы, это убийство привело к тому, что пост главы государства занял Тедди Рузвельт – еще более ярый империалист.

Нового президента привлекла перспектива постройки на Панамском перешейке канала, который соединил бы Карибское море с Тихим океаном. Но Панама в то время была провинцией Колумбии, которая решительно отказалась продать свои суверенные права Соединенным Штатам за 10 миллионов долларов. Рузвельт взял решение этого вопроса в свои руки и в конце концов силой отобрал зону будущего канала у «этих головорезов из Боготы»<sup>48</sup>. США организовали в этой провинции «революцию», выслали военные корабли, чтобы не допустить туда колумбийскую армию, и поспешно признали независимость Панама. США не только завладели зоной Панамского канала, но и получили право на такое же вмешательство во внутренние дела новой страны, какое раньше сумели вырвать у Кубы. Американский военный министр Элиу Рут откровенно заявил, что постройка канала вынудит США в обозримом будущем «наводить порядок» во всем регионе.



*Вспашика земли на кубинской сахарной плантации.*

И США взялись за «наведение порядка» там задолго до завершения строительства канала в 1914 году. В конце XIX – начале XX века объем капиталовложений США в Центральной Америке рос не по дням, а по часам. Поэтому *United Fruit* и другие крупные корпорации настаивали на том, чтобы в странах региона к власти пришли устойчивые и послушные правительства, которые будут защищать их интересы. Американцы прибрали к рукам банановые и кофейные плантации, шахты, железные дороги и другие стратегически важные предприятия. Под производство товаров на экспорт отвели такое количество земель, что попавшие в зависимость от США страны были вынуждены ввозить продовольствие для собственных граждан. Доходы от экспорта позволяли хотя бы частично погашать их растущий долг иностранным банкам.



*Здание United Fruit в Новом Орлеане. Испано-американская война принесла бизнесменам США колоссальную прибыль. Сразу после окончания войны эта компания приобрела 769 тыс. гектаров кубинской земли по цене всего 40 центов за гектар.*

Для защиты увеличивающихся инвестиций американских бизнесменов требовалось постоянное военное вмешательство США, которое поддерживало у власти продажные диктаторские режимы и подавляло революционные движения. Уже в 1905 году Рут, который стал к тому времени Госсекретарем, открыто признал: «Южноамериканцы нас искренне ненавидят

– главным образом потому, что, по их мнению, мы презираем их и пытаемся запугать»<sup>49</sup>. В период с 1900 по 1925 год США постоянно прибегали к вооруженным интервенциям в Латинской Америке. Американские войска вторгались в Гондурас в 1903, 1907, 1911, 1912, 1919, 1924 и 1925 годах; на Кубу – в 1906, 1912 и 1917-м; в Никарагуа – в 1907, 1910 и 1912-м; в Доминиканскую Республику – в 1903, 1914 и 1916-м; на Гаити – в 1914-м; в Панаму – в 1908, 1912, 1918, 1921 и 1925-м; в Мексику – в 1914-м; в Гватемалу – в 1920 году<sup>50</sup>. И единственной причиной, по которой эти интервенции не проводились еще чаще, было то, что частенько американские солдаты не уходили быстро, а оккупировали эти страны на долгий срок: Никарагуа – с 1912 по 1933 год, Гаити – с 1914 по 1933-й, Доминиканскую Республику – с 1916 по 1924-й, Кубу – с 1917 по 1922-й, а Панаму – с 1918 по 1920 год.

Гондурас находился под властью сначала испанцев, затем англичан, а уж потом на смену им пришли американцы. К 1907 году внешний долг этого государства достиг 124 миллионов долларов, а национальный доход составлял 1,6 миллиона долларов<sup>51</sup>. В период с 1890 по 1910 год принадлежащие иностранцам банановые компании полностью изменили облик этой страны. Вначале братья Ваккаро, а вслед за ними и «банановый король» Сэм Земюррей скупили огромные плантации, а правительственные чиновники хотели убедиться, что дела ведутся честно. Вскоре к Ваккаро и Земюррею присоединилась бостонская *United Fruit*. Период политической нестабильности, начавшийся в 1907 году, дал США предлог для военной интервенции в Гондурас. У власти было восстановлено послушное правительство Мануэля Бонильи. Американские банкиры, оттеснив своих английских коллег, стали контролировать выплату Гондурасом его внешнего долга. Поскольку политический климат стал еще более благоприятным, *United Fruit* расширила свои владения с 5,6 тысячи гектаров в 1918 году до 24,6 тысячи гектаров в 1922-м и до 35,6 тысячи гектаров в 1924 году<sup>52</sup>. В 1929 году Земюррей продал *United Fruit* свои плантации и возглавил ее совет директоров. Народ же Гондураса с тех пор так и не может выбраться из нищеты.

Никарагуанцам повезло не больше. В 1910 году в страну вторглись американские морские пехотинцы под командованием Смедли Батлера с задачей посадить у власти правительство, пекущееся об интересах США. Когда же усиливающийся диктат США вызвал в Никарагуа справедливый гнев, морские пехотинцы Батлера вернулись и потопили в крови восстание, убив в бою 2 тысячи никарагуанцев. Тогда Батлер и начал понимать, что главная его задача – защищать интересы американских торговцев и банкиров. В перерыве между боями он писал жене: «Ужасно, что мы вынуждены терять столько наших солдат в сражениях ради этих проклятых свиней – только потому, что братья Браун<sup>8</sup> вложили сюда свои денежки»<sup>53</sup>. Когда Центральноамериканский суд, который Рузвельт с большой помпой учредил в 1907 году для мирного урегулирования конфликтов в регионе, осудил американскую интервенцию в Никарагуа, власти США игнорировали его постановление, раз и навсегда подорвав авторитет этой инстанции, а их войска оккупировали страну на следующие 20 лет.

В 1922 году газета *The Nation* опубликовала язвительную передовицу под названием «Республика братьев Браун», которая перекликалась с утверждениями Батлера: морская пехота оказалась в Никарагуа, выполняя волю братьев Браун. В статье подробно говорилось о том, как банкирам удастся неустанно держать под контролем таможенную службу Никарагуа, ее железные дороги, национальный банк и поступления в госбюджет благодаря тому, что «Госдепартамент в Вашингтоне и американский посланник в Манагуа действуют в качестве агентов банка и вводят войска, когда нужно навязать [никарагуанцам] волю банкиров»<sup>54</sup>.

Аугусто Сандино принадлежал к числу тех многих никарагуанцев, которые всей душой жаждали свергнуть американское иго. В 1927 году его партизанский отряд столкнулся в кро-

<sup>8</sup> *Brown Brothers and Company* – в то время один из крупнейших инвестиционных банков США.

вопролитном бою с американскими морскими пехотинцами, после чего ушел в горы. Он вернулся через год и при поддержке широких народных масс повел партизанскую войну против американских оккупантов и их прислужников из Национальной гвардии Никарагуа. Один американский плантатор написал госсекретарю Генри Стимсону, что военная интервенция «стала катастрофой для американских кофейных плантаторов. Теперь нас все ненавидят и презирают из-за того, что наше правительство посылает морскую пехоту охотиться на никарагуанцев и убивать их на их собственной земле»<sup>55</sup>. Разделяя это мнение и опасаясь того, что интервенция США в Центральной Америке лишит его возможности протестовать против японской агрессии в Маньчжурии, Стимсон добился вывода американских войск из Никарагуа в январе 1933 года. Там американцы решили опираться на Национальную гвардию под командованием Анастасио Сомосы. После ухода американцев Сандино объявил, что готов начать переговоры, но национальные гвардейцы Сомосы схватили его и убили. В 1936 году Сомоса завладел постом президента и установил в стране режим беспощадной диктатуры. Еще 43 года он, а затем два его сына правили в Никарагуа, пока Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) не сверг власть этого семейства. Революция повлекла за собой новый виток враждебных действий со стороны США в годы президентства Рональда Рейгана.

Пожалуй, никто не имел такого богатого опыта вторжений в другие страны, как генерал-майор Смедли Батлер. В 16 лет он пошел служить в морскую пехоту – в 1898 году, как раз тогда, когда началась испано-американская война. Вначале он сражался против филиппинских повстанцев, затем участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае. Вскоре он уже руководил множеством военных интервенций в Центральную Америку. Уже получив две Почетные медали конгресса, он стал командиром 13-го полка во Франции во время Первой мировой войны. За подвиги там его наградили медалью «За выдающиеся заслуги» Сухопутных войск США, такой же медалью ВМС США и французским орденом Черной звезды. Будучи невероятно деятельным человеком, Батлер написал книгу под названием «Война – это попросту рэкет», которую и по сей день нередко цитируют и которой восхищаются многие американские военные.



*Генерал Смедли Батлер сражался на Филиппинах, в Китае и Центральной Америке. В своей книге он написал, что был «первоклассным ракетиром, который служил воротилам американской промышленности,*

*Уолл-стрит и банкирам... был настоящим гангстером – наемником капиталистов».*

Когда его долгая служба, отмеченная множеством наград, подошла к концу, он написал о своих годах, проведенных на поле боя, следующее:

«Тридцать три года и четыре месяца я провел на действительной военной службе в составе самого мобильного рода войск – Корпуса морской пехоты США. Прошел все офицерские звания от второго лейтенанта до генерал-майора. И все это время я был первоклассным рэкетиrom, который служил воротилам американской промышленности, Уолл-стрит и банкирам... я был настоящим гангстером – наемником капиталистов.

В 1914 году я помог обеспечить интересы американских нефтяных магнатов в Мексике, в частности в Тампико. Потом помогал превратить Гаити и Кубу в стабильный источник доходов для парней из *National City Bank*. Я участвовал в насилии над полудюжиной республик Центральной Америки ради прибылей Уолл-стрит. Этот список можно продолжать и продолжать. Без меня не обошлась чистка Никарагуа на благо международного банкирского дома братьев Браун в 1909–1912 годах. В 1916 году я принес свет в Доминиканскую Республику – в интересах американских сахарозаводчиков. В Китае я расчищал дорогу для компании *Standard Oil*...

Все эти годы я занимался тем, что сегодня шепотом называют модным словечком “рэкeт”. Оглядываясь назад, в прошлое, я понимаю, что у меня мог бы поучиться сам Аль Капоне. Ведь все, на что он оказался способен, – это рэкет в каких-то трех районах. А я занимался этим на трех континентах»<sup>56</sup>.

Много лет спустя после ухода Батлера в отставку войны так и остались видом рэкета, поскольку войска и агенты разведки США по-прежнему действуют по всему миру, оберегая экономические и геополитические интересы американского капитала. Иногда при этом им удавалось изменить к лучшему жизнь тех, кого они оставили в живых. Но чаще, как мы подробно расскажем в этой книге, они несли с собой только нищету и страдания. В истории Американской империи мало хорошего. Но необходимо честно и открыто говорить о ней, если мы хотим, чтобы Соединенные Штаты когда-нибудь отважились пойти на коренные реформы, которые позволят им играть ведущую роль в продвижении человечества вперед, вместо того чтобы всячески тормозить его прогресс.

## Глава 1

### Первая мировая война: Вильсон против Ленина

На выборах 1912 года разгорелась ожесточенная борьба между четырьмя кандидатами: наряду с Теодором Рузвельтом и Уильямом Говардом Тафтом, уже занимавшими президентское кресло, а также представителем Социалистической партии Юджином Дебсом место в Белом доме оспаривал Вудро Вильсон, губернатор штата Нью-Джерси, бывший президент Принстонского университета. Хотя в коллегии выборщиков Вильсон без труда одержал победу, разрыв в голосах рядовых избирателей оказался не так уж велик: Вильсон получил 42 %, кандидат от Прогрессивной партии Т. Рузвельт – 27 %, Тафт – 23 %, а Дебс, принимавший участие в выборах уже в четвертый раз, собрал 6 % голосов.

От своего предшественника и нескольких преемников на высшем государственном посту Вильсон отличался тем, что его личность наложила колоссальный отпечаток и на президентскую политику, и на жизнь страны в целом. Потомок пресвитерианских священников как по отцовской, так и по материнской линии, он мог быть как ярким моралистом, так и раздражающе самодовольным упрямым. Его жесткость зачастую проистекала из опасной убежденности в том, что он осуществляет Божий замысел. Как и его предшественники, он полагал, что Соединенным Штатам предначертана всемирно-историческая миссия. В 1907 году Вильсон, тогда президент Принстонского университета, заявил: «Двери держав, запертые сейчас, необходимо взломать... Привилегии, полученные финансистами, должны охранять представители [нашего] государства, даже если при этом будет нарушен суверенитет тех стран, которые не склонны идти нам навстречу»<sup>1</sup>. Придерживаясь данной позиции, он не раз будет нарушать суверенитет «тех стран, которые не склонны идти нам навстречу». Кроме того, он разделял убеждение своих предков-южан в отношении превосходства белой расы и, находясь у власти, упорно возрождал расовую сегрегацию федеральных служащих. В 1915 году Вильсон даже пригласил в Белый дом членов кабинета министров с семьями для просмотра новаторского, но скандально расистского фильма Д. У. Гриффита «Рождение нации». Особого внимания заслуживают те кадры, где отважные всадники Ку-клукс-клана в последний момент успевают вырвать белых южан, и прежде всего беспомощных женщин, из лап жестоких, похотливых бывших рабов и их продажных белых союзников. В то время такую извращенную версию истории отстаивали, хоть и в менее резкой форме, Уильям Даннинг и его студенты в Колумбийском университете. После просмотра киноленты Вильсон заявил: «Фильм словно молнией осветил нашу историю, и я жалею лишь о том, что все показанное здесь – чистая правда»<sup>2</sup>.

Ричард Хофштадтер больше 70 лет тому назад заметил, что политика Вильсона «корнями уходила на Юг, а его мышление основывалось на английских традициях». Из всех английских мыслителей Вильсона больше всего привлекали консервативные взгляды Уолтера Бэджета. Влияние Бэджета особенно ярко заметно в брошюре Вильсона «Государство» (1889), где написано следующее: «В политике ни одна радикальная перемена не может быть безопасной. Никакого более или менее значимого результата достичь нельзя... кроме как путем медленного и постепенного развития, осторожного приспособления и неспешного увеличения роста». В Войне за независимость США, известной в англоязычных странах под названием «Американской революции», ему нравилось именно то, что – с его точки зрения – революцией это явление не было. С другой стороны, Французскую революцию он категорически не принимал. Вильсон осуждал положительное восприятие Томасом Джефферсоном революции в целом и Французской революции в частности; осуждал радикальные движения рабочих и фермеров и куда больше симпатизировал деловым кругам, чем пролетариату. В целом Вильсон испытывал глубокое отвращение к радикальным переменам, какие бы формы они ни принимали<sup>3</sup>.

Ненависть Вильсона к революции и его яростное отстаивание интересов американских экспортеров и инвесторов значительным образом повлияли на его политику на посту президента – как внутреннюю, так и внешнюю. «Нет ничего, что бы интересовало меня в большей степени, чем максимально полное развитие нашей торговли и предначертанное свыше завоевание зарубежных рынков», – заявил он в 1914 году на собрании учредителей Национального совета по внешней торговле<sup>4</sup>.

Все эти взгляды предопределили политику Вильсона в отношении Мексики, где от исхода революции зависели крупные прибыли американских банкиров и бизнесменов, особенно нефтепромышленников. С 1900 по 1910 год американские капиталовложения в Мексике удвоились и составили почти 2 миллиарда долларов, в результате чего в руках американцев оказалось 43 % мексиканской недвижимости – на 10 % больше того, чем владели сами мексиканцы<sup>5</sup>. Одному только Уильяму Рэндольфу Херсту принадлежало почти 7 миллионов гектаров земель.

В течение трех десятков лет правления диктатора Порфирио Диаса американские и английские корпорации процветали, присвоив практически все минеральное сырье, железные дороги и нефть Мексики<sup>6</sup>. В 1911 году, когда революционные силы Франсиско Мадеро свергли Диаса, у корпораций возникла обоснованная тревога за будущее. Многие американские бизнесмены вскоре невзлюбили новый режим и не скрывали радости, когда в последний период правления администрации Тафта Викторiano Уэрта, при поддержке посла США в Мексике Генри Лейна Вильсона, отстранил Мадеро от власти<sup>7</sup>. Но Вудро Вильсон, придя в Белый дом, не только отказался признать новое правительство, в чьей легитимности он сомневался, но и отправил к границе с Мексикой десятки тысяч солдат, а к нефтепромыслам у города Тампико и порта Веракрус – корабли ВМС США.

Вильсону, который и раньше заявлял, что желает «показать латиноамериканцам, как выбирать добрых мужей»<sup>8</sup>, не терпелось найти предлог для непосредственного вмешательства: свергнуть Уэрту и преподать остальным мексиканцам урок в управлении государством. Желаемое Вильсон получил 14 апреля 1914 года, когда американских моряков, приставших на шлюпках к берегу Тампико, арестовали за незаконное нахождение в зоне военных действий. Несколько часов спустя командующий мексиканскими войсками отпустил арестованных и принес извинения и морякам, и командующему американской эскадрой адмиралу Генри Майю. Однако адмирал Майю чувствовал себя настолько глубоко оскорбленным всей ситуацией, что извинения принять отказался и потребовал от мексиканцев дать флагу США салют из 21 орудия. Генерал Уэрта, в свою очередь, принес ему личные извинения и пообещал наказать виновных в инциденте. Вильсон же, невзирая на возражения госсекретаря Уильяма Дженнингса Брайана и министра ВМС Джозефуса Даниельса, поддержал адмирала Майю. Он отклонил предложение Уэрты о взаимном приветствии сторон салютом и обратился с просьбой к конгрессу разрешить Вооруженным силам США осуществить «как можно более полную защиту прав и достоинства Соединенных Штатов»<sup>9</sup>. Конгресс охотно выполнил просьбу, и Вильсон направил в Мексику 7 линкоров, 4 военных транспорта с полной загрузкой десанта и большое число эсминцев. Мексиканцы в Веракрус оказали сопротивление, потеряв при этом не менее 150 человек убитыми. Семь месяцев длилась оккупация города 6 тысячами американских морских пехотинцев.

В августе 1914 года Уэрту сместил Венустиано Карранса, которого поддерживали США. Однако, будучи ярким националистом, Карранса отказался вступать в сделку с Вильсоном, и тогда американский президент сделал ставку на Панчо Вилья, начав тем самым длительное, безуспешное, но агрессивное политическое и военное вмешательство в ход мексиканской революции.

Пока США занимались надзором за южными соседями, в Европе происходили куда более зловещие события. Убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда сербским фанати-

ком 28 июня 1914 года повлекло за собой цепь событий, которые в августе того же года привели к началу такого разгула кровопролития и разрушений, какого человечество до тех пор не знало. Первая мировая война – это по большей части европейское кровопускание – станет лишь началом целого столетия бесконечных войн и ужасающей жестокости, невообразимых масштабов человеческого варварства с использованием новейшей техники, а затем войдет в историю под названием «американского века».

Начало XX века было отмечено всплеском небывалого оптимизма. Война казалась полузабытым пережитком жестокого первобытного прошлого. Многие разделяли оптимистичную убежденность, изложенную Норманом Энджеллом в книге «Великая иллюзия» (1910): цивилизация достигла такого уровня развития, на котором война уже невозможна. Подобный оптимизм оказался воистину величайшей иллюзией.

Европу захлестнуло соперничество между империями. Великобритания благодаря могучему флоту играла ведущую роль в мире на протяжении всего XIX столетия. Но теперь ее экономическая модель, основанная на пожирании все большего числа стран и отказе от капиталовложений в собственное, внутреннее производство, вела к упадку. Примером закоренелого общественного устройства и отсутствия внутренних инвестиций может служить тот факт, что по состоянию на 1914 год полное среднее образование получил лишь 1 % молодых британцев, в то время как в США количество выпускников школ по отношению ко всей молодежи страны составляло 9 %<sup>10</sup>. В результате США обогнали Великобританию в сфере промышленного производства, но еще более угрожающим предзнаменованием являлось то, что основным соперником Великобритании в Европе – Германия не уступала ей в производстве стали, электроэнергии, продуктов нефтехимии и сельского хозяйства, железа, угля и текстильных товаров. Немецкие банки и железные дороги развивались, а в борьбе за нефть, это новое стратегическое топливо, необходимое для современных кораблей, немецкий торговый флот быстро догонял британский. Теперь Великобритания на 65 % зависела от поставок нефти из США, а на 20 – из России и бросала жадные взгляды на потенциальные источники нефти на Ближнем Востоке, принадлежавшие уже разваливавшейся Османской империи.

Опоздав к разделу колониального пирога, Германия считала себя обделенной и намерена была восстановить справедливость. Ее экономическое и политическое влияние на Османскую империю вызвало беспокойство Великобритании. А Германия уже устремила свой алчный взор в сторону Африки. Ей все было мало.

Появились и другие тревожные признаки. В Европе разворачивалась гонка вооружений и на суше, и особенно на море, ведь Германия и Англия сражались за господство над океаном. Наличие у Англии таких боевых кораблей, как дредноуты с мощным артиллерийским вооружением, давало ей преимущество, но лишь на текущий момент. В Европе все больше юношей призывали в регулярную армию.

Разветвленная система политических союзов грозила перерастанием локальных конфликтов в мировой пожар. И в августе 1914 года, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, то, что сначала казалось всем третьей Балканской войной, быстро вышло из-под контроля. Центральные державы (Германия, Турция и Австро-Венгрия) вместе выступили против стран Тройственного соглашения, или Антанты (Франции, Великобритании, Италии, Японии и России). Вскоре вступят в войну и другие страны, и потоки крови станут заливать поля сражений.

Только социалистические и рабочие партии Европы и крупные профсоюзы могли предотвратить гибель множества людей. Многие вступали в ряды социалистического Второго интернационала. Они понимали: наиболее значимый конфликт происходит между капиталом и пролетариатом, а не между немецкими рабочими и их британскими товарищами. Они поклялись: если капиталисты развяжут войну, рабочие откажутся в ней участвовать. Почему, спрашивали они, рабочие должны гибнуть лишь для того, чтобы обогатить своих эксплуататоров? Многие поддержали идею всеобщей забастовки. Более радикальные представители, такие как В. И.

Ленин и Роза Люксембург, поклялись свергнуть капиталистические режимы, если те приведут народы к войне. Надежды на прекращение безумия возлагались на Германию, где социал-демократы были крупнейшей партией в парламенте, и на Францию.

Но эти надежды рухнули, когда немецкие социалисты, заявившие о необходимости защищать страну от русских орд, проголосовали за военные кредиты, а французы, раньше клявшиеся выступить против германского самодержавия, последовали их примеру. Социалисты выполнили свои обещания только в России и Сербии. В одной стране за другой национализм одерживал верх над интернационализмом, верность государству перевешивала верность классу. Наивная европейская молодежь дружными рядами шла на смерть во имя Бога, славы, денег и Отечества. Человечество получило такой удар, от которого в итоге так и не смогло оправиться.

Началось массовое истребление людей, и цивилизация погрузилась, по словам Генри Джеймса<sup>11</sup>, в «пучину крови и тьмы». Вот как описывает сокрушительное воздействие войны на реформаторов во всем мире американский социалист-реформатор, преподобный Джон Хейнс Холмс: «Внезапно, в мгновение ока, триста лет прогресса оказались брошены в пламенный котел. Цивилизация исчезла, на смену ей пришло варварство»<sup>12</sup>.

Большинство американцев симпатизировали борьбе Антанты с центральными державами, но лишь немногие требовали вступить в битву: американцы всех политических убеждений боялись, что их затянет в европейскую мясорубку войны. Юджин Дебс убеждал рабочих противостоять войне и мудро отмечал: «Пусть капиталисты сами сражаются и сами погибают за свои интересы – тогда на земле больше никогда не будет войн»<sup>13</sup>. Антивоенные настроения усилились, когда в США стали поступать сообщения о ходе боевых действий. В 1915 году самой популярной стала песня «Не для войны я сыновей растила».

Несмотря на широко распространенные среди простых американцев симпатии к союзникам, США провозгласили нейтралитет. Однако многие американцы, в особенности немецкого, ирландского, итальянского происхождения, симпатизировали центральным державам. «Мы должны сохранять нейтралитет, – пояснил Вильсон, – иначе наши граждане разной крови начнут воевать друг с другом»<sup>14</sup>. Однако нейтралитет оказался скорее формальным, чем подлинным. Экономические интересы однозначно подталкивали США к тому, чтобы присоединиться к Антанте. Между 1914 годом, когда война началась, и 1917-м, когда в нее вступили США, американские банки выдали странам Антанты кредитов на общую сумму в 2,5 миллиарда долларов, в то время как центральным державам – всего лишь 27 миллионов. Особенно активно выдавал займы «Дом Морганов», выступавший в 1915–1917 годах в качестве единственного торгового посредника Великобритании. Через руки Моргана прошло 84 % вооружений стран Антанты, приобретенных в США в тот период<sup>15</sup>. На фоне общей суммы в 3 миллиарда долларов, на которую США к 1916 году продали боеприпасов и военной техники Великобритании и Франции, сумма в 1 миллион долларов, полученная США от Германии и Австро-Венгрии, кажется ничтожной. И хотя глубоко укоренившаяся обида на Великобританию, восходящая к периоду Войны за независимость и англо-американской войны 1812 года, еще не полностью утихла, большинство американцев ассоциировали страны-союзницы с демократией, а Германию – с репрессивным самодержавным режимом. Впрочем, участие в войне царской России на стороне Антанты не позволяло проводить эту линию с какой бы то ни было четкостью. И кроме того, обе стороны конфликта постоянно нарушали права США как нейтрального государства. Великобритания, полагаясь на свои превосходящие военно-морские силы, организовала блокаду портов Северной Европы. Германия отомстила ей, начав «войну подводных лодок» (*U-boat*, как называли их немцы – сокращенно от *Unterseeboot*), угрожавшую навигации в нейтральных водах. С блокадой портов союзниками Вильсон смирился, однако действия немцев повлекли за собой его резкие протесты. Брайан прекрасно понимал, что симпатия Вильсона к

странам Антанты неминуемо втянет США в войну, и пытался добиться более беспристрастной политики. Он выступил против предоставления финансовой помощи любой воюющей стороне и предупредил Вильсона: «Деньги – худший из всех контрабандных товаров, ибо они управляют всем остальным»<sup>16</sup>. Хотя Вильсон и намеревался придерживаться нейтралитета, чтобы сохранить возможность выступить в качестве посредника при заключении мира, он свел к нулю все попытки Брайана запретить гражданам США путешествовать на кораблях стран – участниц войны.

В мае 1915 года Германия потопила английский пассажирский лайнер «Лузитания», в результате чего погибло 1200 человек, в том числе 128 американцев. Рузвельт призвал США вступить в войну. Потопленный лайнер вез в Великобританию значительный груз оружия и боеприпасов, хотя поначалу англичане это отрицали. Брайан потребовал от Вильсона осудить блокаду англичанами Германии, как и нападение немецкой лодки на «Лузитанию», рассматривая и то и другое как посягательства на права США как нейтральной страны. Когда Вильсон не прислушался к этим рекомендациям, Брайан в знак протеста подал в отставку. И хотя Вильсон снова выиграл на выборах 1916 года благодаря лозунгу «Он не позволил втянуть нас в войну», президент все чаще приходил к выводу: если США не вступят в войну, то будут лишены возможности принимать участие в формировании послевоенного мира<sup>17</sup>.

22 января 1917 года Вильсон, впервые со времен Джорджа Вашингтона, торжественно обратился к сенату с официальным посланием. Он четко изложил свое видение голокружительного будущего – мира без войн. Он призвал к «миру без победы», основанному на главных американских принципах: самоопределении народов, свободе судоходства и неограниченном международном сотрудничестве без военных союзов, которые лишают государства свободы действий. Центральным элементом нового мирового порядка должен был стать всеобщий союз государств (Лига Наций), способный всеми средствами поддерживать мир – требование, которое первоначально выдвинули некоторые группы американского движения борцов за мир, такие как Женская партия мира.

Когда он закончил речь, сенат взорвался аплодисментами. Сенатор от штата Колорадо Джон Шафрот назвал выступление президента «величайшим посланием столетия»<sup>18</sup>. Газета *Atlanta Constitution* писала: «Среди высказываний сенаторов звучали такие: “поразительно”, “ошеломительно”, “изумительно”, “самое благородное высказывание, слетевшее с уст со времен Декларации независимости”». Сам президент уже после своего выступления сказал следующее: «Я произнес именно то, что все жаждали услышать, но считали невозможным. А теперь оказалось, что это вполне возможно»<sup>19</sup>. Несмотря на ворчание республиканцев, призыв Вильсона к миру затронул струны души большинства американцев. Однако европейцы, вот уже два с половиной года проливающие реки крови, отреагировали на его выступление отнюдь не столь благодушно. Французский писатель Анатоль Франс заметил, что «мир без победы» – все равно что «хлеб без дрожжей», «верблюд без горбов» или «город без борделя... пресная штука», которая непременно окажется «зловонной, постыдной, непотребной, гнойной, геморроидальной»<sup>20</sup>.

Возобновление Германией подводной войны 31 января 1917 года, после почти годичного перерыва, а также ее неуместный призыв к Мексике заключить военный союз, который позволил бы мексиканцам отвоевать Техас, Нью-Мексико и Аризону, усилили антинемецкие настроения и давление на Вильсона с требованием вступить в войну. Но всерьез президент руководствовался лишь своим твердым убеждением: только участие в войне даст ему право голоса на будущих мирных переговорах<sup>21</sup>. 28 февраля, когда Джейн Аддамс и другие лидеры Федерации за немедленный мир посетили Вильсона в Белом доме, президент объяснил им следующее: «Как глава государства, участвующего в войне, президент Соединенных Штатов займет место за столом мирных переговоров, но если он останется президентом нейтральной

страны, то в лучшем случае сможет “кричать в дверную щель”». По сути, он особенно напирал на то, что «внешняя политика, которой мы с таким неумеренным пылом жаждем, может получить шанс лишь в том случае, если он, Вильсон, окажется за столом переговоров и получит возможность всячески ее проталкивать, но никак не наоборот»<sup>22</sup>.

2 апреля 1917 года Вильсон призвал конгресс объявить войну Германии, заявив, что «для развития демократии мир необходимо сделать безопасным». Против выступили шесть сенаторов, включая Роберта Лафоллета, сенатора от штата Висконсин, а в палате представителей против проголосовали 50 человек, включая Джанет Рэнкин от штата Монтана – первую женщину, избранную в конгресс. Оппоненты обвинили Вильсона в том, что он – послушное оружие дельцов с Уолл-стрит. «Еще немного, и мы поместим знак доллара прямо на американский флаг!» – возмутился Джордж Норрис, сенатор от штата Небраска<sup>23</sup>. Лафоллет преувеличивал, говоря, что американский народ проголосует против войны в соотношении десять к одному, но оппозиция действительно оказалась очень сильной. Несмотря на попытку правительства призвать в армию миллион добровольцев, сообщения об ужасах окопной войны и применении газов отнюдь не способствовали энтузиазму. За первые полтора месяца призыва откликнулись лишь 73 тысячи добровольцев, что вынудило конгресс объявить всеобщую мобилизацию. Среди тех, кто все-таки вызвался добровольцем, был будущий историк Уильям Лангер, который позднее вспоминал «сильное желание призывников попасть во Францию, но более всего – попасть на фронт. Казалось, – рассуждал он, – что теперь, спустя почти четыре года после начала войны, после чрезвычайно подробных и реалистичных описаний страшных боев на реке Сомма и под городом Верден, не говоря уже о повседневных ужасах окопной войны, – будет просто невозможно пополнить ряды наших солдат без какого-либо принуждения. Но все оказалось совсем не так. Мы вызвались добровольцами, и наше количество исчислялось тысячами... Я не могу припомнить ни единого серьезного обсуждения американской политики или волнующих военных проблем. Мы, мужчины (в основном молодые), были просто в восторге от перспективы предстоящих приключений и уже видели себя героями. Думаю, большинство из нас догадывалось, что жизнь – если, конечно, нам удастся выжить – потечет дальше по знакомому, обыденному руслу. Мы получили возможность познать риск, сделать свою жизнь захватывающей. И мы не могли позволить себе упустить такую возможность»<sup>24</sup>.

Среди тех, кто вызвался пополнить ряды американской армии, был и 58-летний Тедди Рузвельт: 10 апреля он предстал перед Вильсоном и попросил разрешения повести в бой добровольческую дивизию. Рузвельту так не терпелось отправиться на фронт, что он даже пообещал прекратить свои нападки на президента. Однако Вильсон его просьбу отклонил. Рузвельт тут же обвинил его в том, что принятое решение основывалось на политической конъюнктуре. Среди осудивших отказ Вильсона был и будущий премьер-министр Франции Жорж Клемансо, считавший, что присутствие Рузвельта укрепит боевой дух солдат.

Воодушевленные воинственным духом и патриотизмом своего отца, все четыре сына Рузвельта записались в армию и участвовали в сражениях. Тед-младший и Арчи получили боевые ранения. Тед еще и попал под газовую атаку под городом Кантиньи. Двадцатилетний Квентин, самый младший из братьев, погиб в июле 1918 года, когда его самолет был сбит, – от этого удара его отец так и не оправился. Здоровье Теодора Рузвельта резко пошатнулось, и через полгода он умер в возрасте шестидесяти лет, после того как, пусть и с безопасного расстояния, увидел все ужасы современной ему войны.

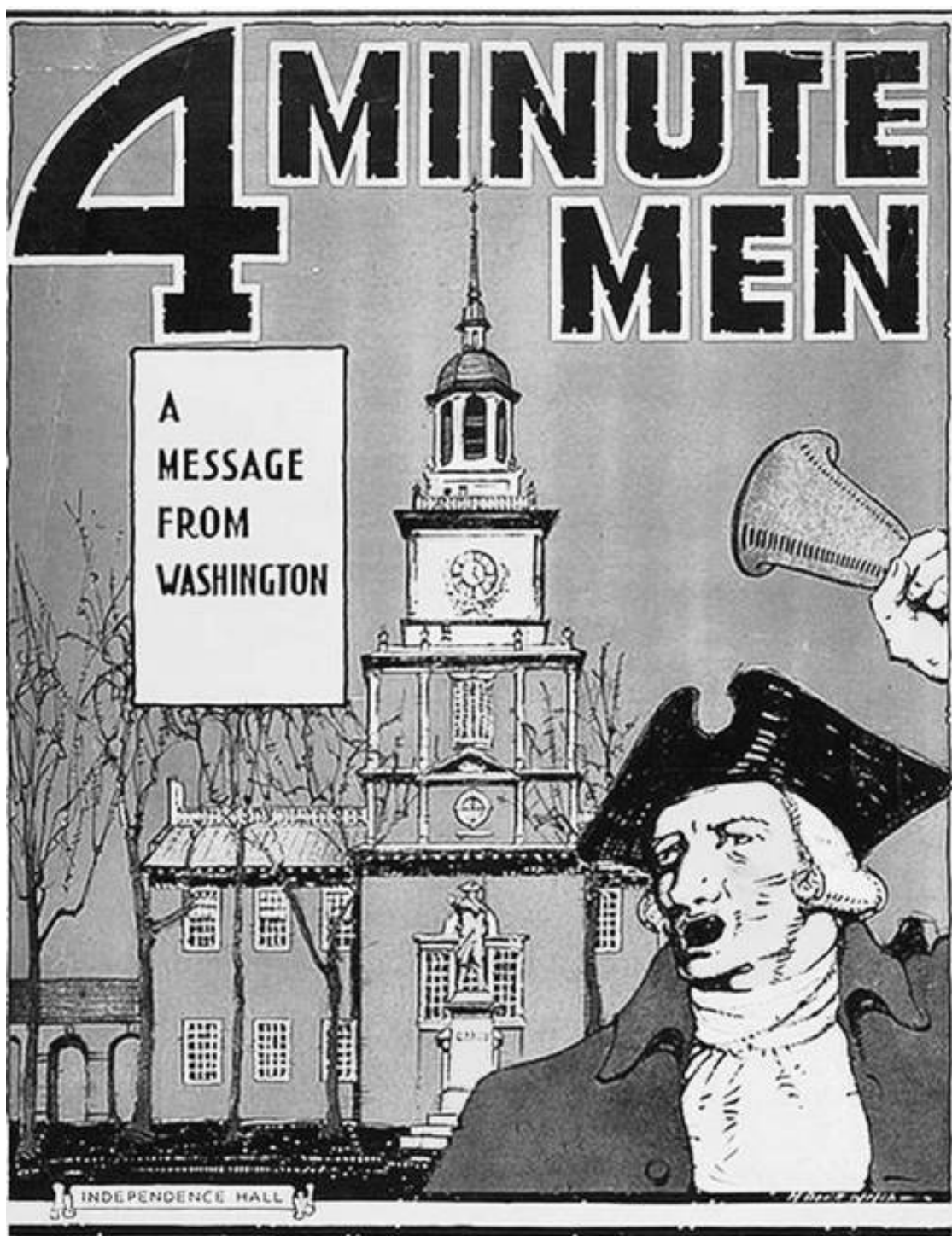
К несчастью для Вильсона, не все американцы оказались такими по-детски восторженными и полными энтузиазма, как Рузвельты. Поскольку антивоенные настроения успели укорениться среди значительной части населения, правительству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, пытаясь убедить скептически настроенных граждан в том, что война с Германией – дело правое. С этой целью правительство организовало целое агентство пропа-

ганды – Комитет общественной информации (КОИ) – во главе с журналистом из Денвера Джорджем Крилом. Комитет набрал 75 тысяч добровольцев, которых прозвали «четыrehминутчиками» за их короткие патриотические выступления. Выступали они по всей стране, в общественных местах: торговых центрах, трамваях, кинотеатрах, церквях. Комитет наводнил страну пропагандистскими материалами, расхваливающими войну как благородный поход за демократию, и поощрял газеты публиковать статьи о зверствах немцев. Это агентство также призывало американцев доносить на сограждан, критиковавших мобилизацию. Рекламные объявления КОИ призывали читателей иллюстрированных журналов доносить в Министерство юстиции на «тех, кто распространяет пессимистические заявления... призывает к миру или преуменьшает наши усилия одержать победу»<sup>25</sup>.

В основе заявлений Вильсона во время войны и акценте КОИ на продвижении «демократии» лежало осознание того, что для многих американцев демократия стала чем-то вроде «светской религии», которая могла существовать только лишь в условиях капиталистической системы. Многие к тому же ассоциировали ее с «американским патриотизмом». Она означала нечто большее, чем просто набор узнаваемых институтов. Как однажды сказал Крил, это «теория духовного прогресса». Чуть позже, уже в другой ситуации, он пояснил: «Для меня демократия – своего рода религия, и всю свою сознательную жизнь я проповедую, что Америка – это надежда для всего мира»<sup>26</sup>.

Газетчики безо всякого принуждения поддержали эту пропаганду, как поддержали ее в 1898 году и как станут поддерживать все войны, в которых США предстоит участвовать. Удивительно и показательно, что исследование прессы военного периода, проведенное Виктором Кларком по заказу Национального совета США по историческому наследию (НСИН), пришло к следующему заключению: «Добровольное сотрудничество американских издателей газет привело к более эффективной стандартизации информации и доводов, предлагаемых американскому народу, чем те, которые существовали в условиях официальной военной цензуры в Германии»<sup>27</sup>.

К делу также активно подключились историки. Крил организовал в КОИ Отдел гражданских и образовательных связей, возглавляемый Гаем Стэнтоном Фордом – историком из Университета штата Миннесота. Несколько ведущих американских историков, и среди них Чарльз Бирд, Карл Беккер, Джон Р. Коммонс, Дж. Франклин Джеймсон и Эндрю Маклафлин, помогали Форду одновременно пропагандировать цели США и демонизировать образ врага. Введение, написанное Фордом к одной из брошюр КОИ, содержит уничижительные отзывы о «пропрусских крысоловах» и такие утверждения: «Перед ними – бог войны, в жертву которому они принесли свой разум и человечность; позади – созданный ими уродливый образ немецкого народа, чье искаженное злобой, запятнанное кровью лицо парит над развалинами цивилизации»<sup>28</sup>.



*Комитет общественной информации, официальное агентство пропаганды, созданное правительством США во время войны, принял на службу 75 тысяч добровольцев, известных как «четырёхминутчики», которые выступали с короткими патриотическими речами по всей стране. Они наводнили страну пропагандой войны и призывали доносить на «тех, кто распространяет пессимистические заявления... призывает к миру или преуменьшает наши усилия одержать победу».*

Предпоследняя брошюра КОИ, «Немецко-большевистский заговор», оказалась самой спорной. Основанная на документах, добытых главой иностранного отдела и бывшим заместителем председателя КОИ Эдгаром Сиссоном, брошюра излагала версию о том, что Ленин, Троцкий и их соратники – платные немецкие агенты, предававшие русский народ в пользу правительства Германской империи. Документы, за которые Сиссон так щедро заплатил, в Европе считались подделкой, да и Госдепартамент США отнесся к ним с подозрением. Главный советник Вильсона по вопросам внешней политики полковник Эдвард Хаус записал в своем дневнике, что объяснил президенту: их обнародование означает «фактическое объявление войны правительству большевиков», с чем Вильсон согласился. Обнародование документов отложили на четыре месяца. В конечном итоге Вильсон и КОИ проигнорировали все предупреждения и пустили материал в печать в семи последовательных выпусках газет начиная с 15 сентября 1918 года<sup>29</sup>. Большинство американских газет послушно опубликовали легенду, не анализируя ее и не ставя под сомнение. Так, *New York Times* напечатала статью под заголовком «Документальное подтверждение сотрудничества Ленина и Тротцкого (sic!) с немцами»<sup>30</sup>. Но споры разгорелись, как только *New York Evening Post* поставила под сомнение подлинность документов, отметив следующее: «Самые серьезные обвинения в документах, предоставленных господином Сиссоном, были опубликованы в Париже еще несколько месяцев назад, и все они в общем и целом оказались несостоятельны»<sup>31</sup>. Буквально неделю спустя газеты *New York Times* и *Washington Post* процитировали заявление С. Нуортева, главы Финского информационного бюро, о том, что документы – «бесстыдная фальшивка»<sup>32</sup>. Однако Сиссон и Крил продолжали настаивать на подлинности документов. Крил резко раскритиковал обвинения, выдвинутые Нуортева: «Это ложь! Документы для публикации предоставило правительство Соединенных Штатов, их подлинность подтверждается правительством. Это все большевистская пропаганда, а если ничем не подтвержденную критику высказывают большевики, слушать их совершенно не стоит»<sup>33</sup>. И он отправил редактору *Evening Post* сердитое письмо, полное неприкрытых угроз:

«Ставлю вас в известность о том, что газете *New York Evening Post* не удастся избежать обвинений в предоставлении помощи врагам Соединенных Штатов в час национального кризиса. Эти документы были опубликованы с официального разрешения правительства. Обнародование состоялось лишь после того, как исчезли всякие сомнения в их подлинности... Я не стану выдвигать обвинений в том, что *New York Evening Post* принадлежит немцам или что она принимала финансовые средства от Германии, но открыто заявляю следующее: услуги, которые газета оказала врагам США, с радостью были бы куплены этими самими врагами, и с точки зрения общественного спокойствия и промышленной стабильности эта якобы американская газета нанесла Америке удар куда более чувствительный, [чем] могли бы нанести сами немцы»<sup>34</sup>.

Прислушавшись к просьбе Крила, НСИН организовал комитет, куда входили Джеймсон, глава Отдела исторических исследований Института Карнеги, и Сэмюэл Харпер, специалист по русскому языку, профессор Чикагского университета, чтобы они проанализировали документы. Они подтвердили подлинность большинства подделок. Газета *Nation* заявила, что и сами документы, и отчет НСИН запятнали «доброе имя правительства и объективность американских ученых-историков»<sup>35</sup>. И только в 1956 году Джордж Кеннан раз и навсегда доказал то, о чем многие подозревали: документы на самом деле были фальшивками<sup>36</sup>.

Соучастие историков и других ученых в распространении военной пропаганды навлекло на их головы заслуженный позор в период между войнами. В 1927 году журнал *American Mercury* Г. Л. Менкена осудил необдуманный патриотический конформизм, запятнавший все наиболее престижные колледжи и университеты страны. Чарльз Ангофф, главный редактор *American Mercury*, писал: «Бактериологи, физики и химики соперничали с философами, литературоведами и ботаниками в том, кто громче выкрикнет проклятия гуннам [так в странах Антанты называли немцев], и тысячами принялись шпионить за своими собратьями, выказывавшими малейшие сомнения в священном характере войны... Такой грех против американского идеализма являлся достаточным основанием, в глазах всех патриотически настроенных президентов и советов директоров университетов, для немедленного увольнения предателей»<sup>37</sup>.

Несмотря на заслуженную критику, контроль над общественным мнением стал центральным элементом во всем последующем военном планировании. Гарольд Лассуэл объяснил важность такого контроля в своей книге «Техника пропаганды в мировой войне», вышедшей в 1927 году. Он писал следующее: «Во время войны пришло осознание того факта, что мобилизация людских ресурсов и средств недостаточна; надо мобилизовать и общественное мнение. Власть над мнением, как власть над жизнью и собственностью, перешла в руки администраций, поскольку опасность вольностей оказалась больше, нежели опасность правонарушений. Не возникает ни малейших сомнений в том, что государственное управление умами является неизбежным следствием современной широкомасштабной войны. Единственное, что по-прежнему вызывает вопросы, – это степень, до которой правительство должно пытаться вести пропаганду скрытно, и степень, до которой пропаганда должна осуществляться открыто»<sup>38</sup>.

Университетские городки превратились в рассадники нетерпимости. Преподавателей, открыто выступавших против войны, увольняли. Остальных запугивали, принуждая к молчанию. Приводим слова президента Колумбийского университета Николаса Мюррея Батлера, объявившего о том, что академическим свободам в университетах пришел конец: «То, на что раньше смотрели снисходительно, стало нетерпимым. Что считалось ошибочным мнением, то стало подстрекательством к мятежу. Что считалось сумасбродством, то стало изменой родине... в Колумбийском университете (как в рядах преподавателей, так и среди студентов) нет и не будет места человеку, который сопротивляется или одобряет сопротивление эффективному осуществлению американских законов, а также тому, кто своими действиями, словами или статьями осуществляет измену родине. Такой человек будет изгнан из стен Колумбийского университета, как только станет известно о его преступлении»<sup>39</sup>.

И это была не пустая угроза. В октябре следующего года Колумбийский университет объявил об увольнении двух выдающихся преподавателей за то, что они открыто высказались против войны. Профессора Джеймс Маккин Кэттелл, один из ведущих психологов США, и Генри Водсворт Лонгфелло Дейна с кафедры английского языка и сравнительного литературоведения, внук знаменитого поэта, подверглись резкой критике коллег, членов попечительского совета и самого Батлера. В заявлении университетских властей утверждалось, что они «нанесли колоссальный вред университету своей публичной агитацией против вступления США в войну». По этому поводу газета *New York Times* дала следующий комментарий: «С самого объявления войны Германии личность профессора Кэттелла стала особенно неприемлемой для Колумбийского университета из-за открытого и резкого осуждения военной политики нашего правительства». Дейну уволили из-за его активной роли в антивоенном Народном совете<sup>40</sup>. Приветствуя действия университета, *New York Times* опубликовала следующую передовицу: «Мираж “академической свободы”... не может защитить профессора, который одобряет неповиновение властям и как письменно, так и устно призывает к государственной измене. Нельзя допустить, чтобы учитель преподавал молодежи призыв к бунту и государ-

ственной измене, чтобы он заражал (или даже только стремился заразить) юные умы идеями, пагубными для их понимания долга перед страной»<sup>41</sup>.

На следующей неделе в знак протеста подал в отставку, наверное, самый крупный американский историк первой половины XX столетия профессор Чарльз Бирд. Хотя Бирд уже давно и горячо отстаивал идею вступления США в войну и резко критиковал немецкий империализм, он осудил контроль над университетом со стороны «небольшой, но очень активной группы попечителей, не представляющих никакой ценности в мире образования, реакционных и ограниченных личностей в мире политики, а в религиозном отношении – узколобых проповедников средневекового мракобесия». Бирд пояснил: несмотря на то что сам он всячески одобряет вступление США в войну, «тысячи моих соотечественников придерживаются иных взглядов. И эти взгляды невозможно изменить с помощью проклятий или угроз физической расправы. Гораздо больше могут принести обращения к их разуму и логическому мышлению»<sup>42</sup>. Бирд уже вызвал раздражение некоторых попечителей весной предыдущего года, когда на одной из конференций заявил: «Если мы вынуждены подавлять все, что не желаем слышать, это означает, что наше государство зиждется на довольно шаткой основе. Наша страна была основана на отрицании авторитетов, на отказе от поклонения им, и сейчас не то время, чтобы отказываться от свободного обсуждения». В знак солидарности заявление об уходе подали еще как минимум два преподавателя, а историк Джеймс Г. Робинсон и философ Джон Дьюи осудили увольнение несогласных и высказали сожаление в связи с отставкой Бирда<sup>43</sup>. В декабре Бирд заявил, что попечители-реакционеры рассматривали войну как возможность «вытеснить, унижить или запугать любого, кто имеет прогрессивные, либеральные, нешаблонные взгляды по вопросам политики, совершенно не связанным с войной». Аналогичные «чистки» преподавателей, придерживавшихся левых взглядов, как и применение «очень сильного» давления на учителей государственных и частных школ, происходило по всей стране<sup>44</sup>.

Военное министерство США пошло еще дальше, превратив покорные его воле университеты в военно-учебные лагеря. 1 октября 1918 года 140 тысяч студентов более чем 500 университетов по всей стране были одновременно призваны в ряды Службы военной подготовки студентов (СВПС) сухопутных войск. Они получали звание рядового, после чего их обеспечивали образованием, жильем, обмундированием и пропитанием за государственный счет<sup>45</sup>. Получали они и положенное рядовым жалованье. Газета *Chicago Tribune* сообщала: «Веселые деньки настали для американских студентов... Отныне колледж превратился в серьезное дело – главным образом в тщательную подготовку к серьезному делу войны»<sup>46</sup>. 11 часов в неделю отводилось на строевую подготовку, а еще 42 часа – на занятия по военным «профильным» и «смежным» предметам. Подготовка студентов учебных заведений – участников программы включала и насыщенный пропагандой курс «Вопросы войны»<sup>47</sup>.

Нанеся серьезный урон противникам своей личной кампании за «безопасные для демократии» университеты, Батлер пошел еще дальше и призвал к изгнанию Роберта Лафоллета из сената США за его изменническое осуждение войны. Батлер заявил 3 тысячам встретивших его бурными аплодисментами делегатов ежегодного съезда Ассоциации американских банкиров, проходившего в Атлантик-Сити, что они «с тем же успехом могли бы подсыпать яду мальчишкам», отправляющимся на войну, если «будут и дальше позволять этому человеку вести войну со страной в стенах конгресса»<sup>48</sup>. Лафоллета критиковали и преподаватели Висконсинского университета, более 90 % которых подписали петицию, осуждающую антивоенную позицию Лафоллета, а кое-кто, если процитировать одного из лидеров кампании, даже стал выступать за то, чтобы «выставить Лафоллета и всех его приспешников вон из политики»<sup>49</sup>.

Лафоллету удалось выстоять в кампании национальных масштабов, направленных на его изгнание, – в отличие от Билля о правах: конгресс принял ряд самых репрессивных законов

за всю историю США. Закон о борьбе со шпионажем 1917 года и Закон о подстрекательстве 1918 года ограничили свободу слова и создали атмосферу нетерпимости по отношению к инакомыслящим. Нарушителям Закона о борьбе со шпионажем грозил штраф в размере 10 тысяч долларов и до 20 лет тюремного заключения – за создание помех военным операциям в военное время. Закон был направлен против «любого, кто в период войны преднамеренно вызовет или попытается вызвать нарушение воинской дисциплины, несоблюдение присяги, мятеж или отказ от исполнения воинского долга военнослужащими сухопутных или военно-морских сил США либо умышленно препятствует работе вербовочной службы США»<sup>50</sup>. Закон уполномочивал Альберта Берльсона, министра связи США (не способного, по словам социалиста Нормана Томаса, «отличить социализм от ревматизма»), запрещать отправку почтой любой литературы, которая, по его мнению, пропагандирует государственную измену или мятеж либо препятствует призыву на военную службу<sup>51</sup>. На следующий год министр юстиции США Томас В. Грегори убедил конгресс распространить действие закона и на тех, кто «произносит, пишет, печатает или публикует любые изменнические или порочащие высказывания в отношении государственного строя США либо Конституции США, а равно Сухопутных или Военно-морских сил США... и на всех, кто словом или делом поддерживает или поощряет интересы любого государства, с которым США находятся в состоянии войны, или же словом или делом противится осуществлению интересов США»<sup>52</sup>.

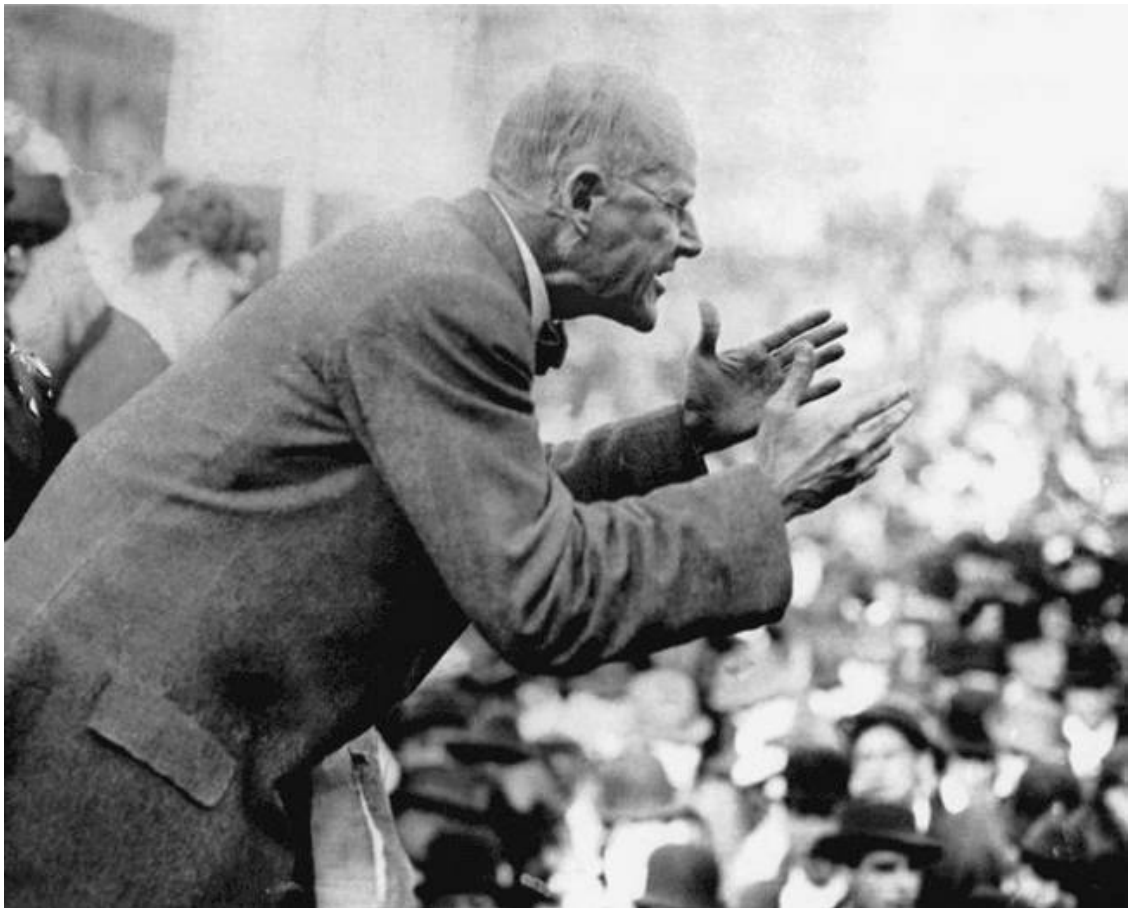


*Роберт Лафоллет по прозвищу Борец Боб из Висконсина был одним из шести сенаторов, которые проголосовали против вступления США в Первую мировую войну.*

Агенты, нанятые для подавления инакомыслящих, были частью процветающей федеральной бюрократии. Федеральный бюджет, который в 1913 году не дотягивал и до миллиарда долларов, всего пять лет спустя разбух до более чем 13 миллиардов.

За критику войны сотни человек бросили в тюрьму, включая лидера международного профсоюзного объединения «Индустриальные рабочие мира» Хейвуда (Большого Билла) и социалиста Юджина Дебса. Дебс неоднократно выступал с осуждением войны, и в июне 1918 года его наконец арестовали – после того, как он выступил в городе Кантон, штат Огайо, перед большим числом граждан, собравшихся у стен тюрьмы, куда бросили трех социалистов за выступления против призыва в армию. Дебс высмеивал саму мысль о том, что США – демократическое государство, если они позволяют себе арестовывать граждан только за выражение тех или иных взглядов: «Нам говорят, что мы живем в великой свободной республике; что все наши органы управления демократичны; что мы – свободный и самоуправляющийся народ. Это уже слишком, и даже не смешно»<sup>53</sup>. О самой войне он сказал сжато: «В течение всей истории войны велись для завоеваний и грабежа... Это, в двух словах, и есть суть войны. Войну всегда объявлял класс угнетателей, в то время как в боях всегда участвовал класс угнетенных»<sup>54</sup>.

Федеральный прокурор Северного Огайо Ю. С. Верц, игнорируя советы Министерства юстиции, предъявил Дебсу обвинения по десяти пунктам нарушения Закона о борьбе со шпионажем. В знак солидарности со своими товарищами, осужденными по всему миру, Дебс признал себя виновным по всем пунктам обвинения. Присяжным он заявил: «Меня обвинили в том, что я препятствую войне. Сознаюсь в этом. Господа, я ненавижу войну. Я бы высказывался против войны, даже если бы не имел сторонников... Я сочувствую страдающим, но борющимся людям во всем мире. Не имеет никакого значения, под каким флагом они родились и где живут». Перед вынесением приговора он обратился к судье: «Ваша честь, много лет назад я признал свое родство со всеми живыми существами и смирился с тем, что ни на йоту не лучше ничтожнейшего на земле. Я говорил ранее и скажу сейчас: пока существует низший класс – я отношусь к нему, пока есть преступники – я один из них, пока хоть одна душа томится в тюрьме – я не свободен»<sup>55</sup>.



*Руководствуясь Законом о борьбе со шпионажем 1917 года, США бросили в тюрьму сотни протестующих против призыва в армию и войны в целом, в том числе лидера ИРМ Хейвуда (Большого Билла) и социалиста Юджина Дебса. Дебс (на снимке он выступает на митинге в Чикаго в 1912 году) призывал рабочих выступить против войны, заявив: «Пусть капиталисты сами сражаются и сами погибают за свои интересы, и тогда на земле больше никогда не будет войн».*

Упрекнув тех, «кто выбивает меч из руки нашей страны, в то время как она защищается от жестокой иностранной державы», судья приговорил Дебса к десяти годам тюремного заключения<sup>56</sup>.

Публикации социалистов запретили пересылать почтой. Головорезы-«патриоты» и представители местных властей врываются в социалистические организации и залы заседаний профсоюзов. Борцов за права трудящихся и противников вступления США в войну избивали, а иногда и убивали. *New York Times* назвала линчевание Фрэнка Литла, члена исполкома «Индустриальных рабочих мира», произошедшее в городке Бьютт, штат Монтана, «прискорбным и отвратительным преступлением. Лиц, совершивших его, необходимо найти, судить и наказывать согласно закону и справедливости, которые они нарушили». Но *New York Times* намного больше огорчило то, что забастовки, организованные ИРМ, подрывают военное производство, и привело к такому выводу: «Агитаторы ИРМ, в сущности (а возможно, и на самом деле), немецкие шпионы. Федеральным властям следует побыстрее расправиться с этими заговорщиками и изменниками родины»<sup>57</sup>.

Все немецкое сурово критиковалось, и эта нетерпимость рядилась в личину патриотизма. Школы, многие из которых теперь требовали от учителей присяги на верность стране, вычеркнули немецкий язык из учебных программ. Штат Айова, не желая рисковать, пошел еще дальше: губернатор штата в 1918 году издал «Вавилонский указ», запрещающий разговоры на любом иностранном языке – как в общественных местах, так и по телефону. Примеру Айовы последовала и Небраска. Библиотеки по всей стране отказывались выдавать немецкие книги, оркестры выбрасывали из репертуара произведения немецких композиторов. Так же как невежественный конгрессмен, негодующий по поводу неприятия Францией американского вторжения в Ирак в 2003 году, переименовал картофель фри, известный в США под названием «французского» (*French fries*), в «свободный картофель» (*freedom fries*), его коллеги времен Первой мировой войны переименовали гамбургеры в «бутерброды свободы» (*liberty sandwiches*), квашеную капусту (*sauerkraut*) – в «капусту свободы» (*liberty cabbage*), краснуху (*German measles*) – в «корь свободы» (*liberty measles*), а немецких овчарок (*German shepherds*) – в «полицейских собак» (*police dogs*)<sup>58</sup>. Американцы немецкого происхождения сталкивались с дискриминацией во всех сферах жизни.

Учитывая широкое распространение требования «стопроцентного американского урапатриотизма», неудивительно, что диссиденты не только подвергались остракизму, но и погибали иной раз от рук патриотически настроенных толп<sup>59</sup>. Газета *Washington Post* заверяла читателей, что случающиеся время от времени суды Линча – невысокая цена за здоровый рост патриотических настроений. В апреле 1918 года эта газета напечатала следующую передовицу: «Несмотря на перегибы, такие как суды Линча, в американской глубинке происходит здоровое и полезное пробуждение. Вражескую пропаганду необходимо прекратить, даже если это может привести к судам Линча»<sup>60</sup>.

Действительно, американская «глубинка» не спешила сплотиться вокруг общего дела. Еще в начале войны консервативная газета *Beacon-Journal*, выходившая в городе Акрон, штат Огайо, отмечала, что «фактически нет ни одного политического обозревателя... который стал бы отрицать, что если бы выборы прошли сегодня, то Средний Запад США немедленно затопила бы мощная волна социализма». Страна «еще никогда не участвовала в более непопулярной войне», – заключили газетчики. На антивоенные митинги собирались тысячи человек. По всей стране количество голосов, отдаваемых за кандидатов от Социалистической партии, в 1917 году росло в геометрической прогрессии. В законодательном собрании штата Нью-Йорк социалисты завоевали десять мест<sup>61</sup>.

Несмотря на остракизм, массовые аресты и организованное насилие, социалистов и радикальных лейбористов, известных как «индустриальщики», не заставили замолчать. И пока некоторые американцы шли на войну под торжественно-бодрые звуки популярной песни «Вперед, вперед», «индустриальщики» отвечали им пародией на популярный церковный гимн «Вперед, Христово воинство!», назвав пародию «Воинствующие христиане», где первые строки звучали так: «Вперед, Христово воинство! Долг ваш очень прост: резать братьев по вере – или ползти на погост!» Заканчивалась песня так: «История скажет о вас: “Дурачье несчастное”»<sup>62</sup>.

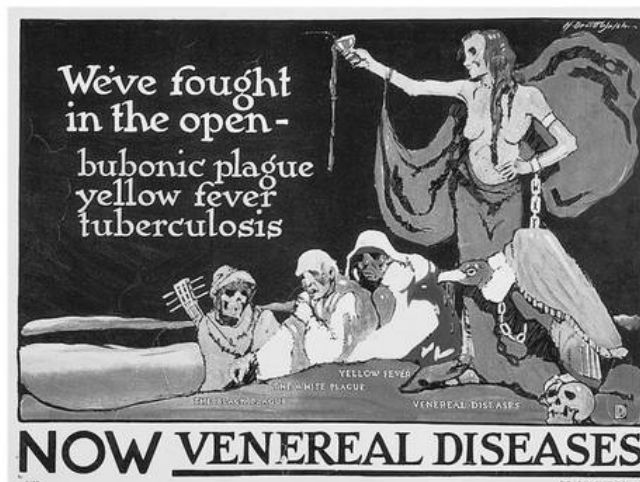
Напыщенность речей Вильсона и его заверения в том, что война необходима, что она положит конец всем войнам, соблазнили многих прогрессивных деятелей США, включая Джона Дьюи, Герберта Кроули и Уолтера Липпмана. Они убедили себя в том, что война предоставляет уникальную возможность осуществить давно лелеемые внутривнутриполитические реформы. Прогрессивные лидеры со Среднего Запада, настроенные против войны, такие как

<sup>9</sup> Перечисленные названия в английском языке включают в себя слово «немецкий» или были заимствованы из немецкого языка. – Прим. пер.

сенаторы Лафоллет и Норрис, уже поняли, что война предвещает похоронный звон любой серьезной реформе.

Среди тех, кто ухватился за возможность осуществить давно чаемые перемены, были и реформаторы морали, особенно те, кто считал войну возможностью сразиться с сексуальными пороками. Якобы беспокоясь о здоровье солдат, они вели агрессивную кампанию против проституции и венерических заболеваний. Кварталы красных фонарей закрывались по всей стране, вынуждая проституток уйти в подполье или перейти под контроль сутенеров и других эксплуататоров<sup>63</sup>. Суровые меры еще усилились в 1918 году, после принятия закона Чемберлена–Кана, согласно которому любую женщину, идущую мимо военной базы, следовало арестовать, заключить под стражу и принудить к гинекологическому осмотру – последний реформаторы окрестили «изнасилованием при помощи гинекологического зеркала». Женщин, у которых обнаруживали венерические заболевания, изолировали в федеральных учреждениях<sup>64</sup>.

Комиссия по наблюдению за деятельностью военно-учебных лагерей (КВУЛ) также пыталась обуздать мужскую сексуальность с помощью кампании воздержания, а именно – подвергая сомнению патриотизм солдат, подхвативших венерическую болезнь. КВУЛ обклеивала стены лагерей плакатами с надписями: «Немецкая пуля чище шлюхи» и «Солдат, получивший венерическую болезнь, – предатель». В одной листовке спрашивали: «Как ты можешь равняться на флаг, если завяз в гонорее?»<sup>65</sup> Хотя процент венерических заболеваний среди солдат рос не так быстро, как опасались некоторые, процент беременностей среди учениц старших классов школ, живущих около военных баз, значительно вырос.



*Плакаты периода Первой мировой войны против венерических заболеваний. Комиссия по наблюдению за деятельностью военно-учебных лагерей (КВУЛ) пыталась обуздать мужскую сексуальность с помощью кампании воздержания, подвергая сомнению патриотизм солдат, подхвативших венерическую болезнь.*

Генерал Джон Першинг по прозвищу Черный Джек, командовавший во время войны американскими экспедиционными войсками (АЭВ), попытался сдержать своих солдат, когда они добрались до Франции, но эта задача оказалась потруднее, чем нанести поражение немцам на поле битвы. Глава КВУЛ Раймонд Фосдик обратил внимание на колоссальные различия между сексуальными установками французов и американцев. Французы, по его наблюдениям, «были убеждены, что армия не может существовать без сексуальной терпимости, а попытки ограничить сексуальные желания непременно вызовут недовольство, снижение боевого духа и здоровья, а возможно, даже приведут к бунту». Премьер-министр Франции Клемансо предложил организовать лицензируемые бордели для американских солдат – наподобие тех, которые обслуживали его собственных бойцов. Получив письмо с предложением Клемансо, военный министр США Ньютон Бейкер якобы выпалил: «Ради бога... не показывайте это президенту, иначе он прекратит наше участие в войне»<sup>66</sup>.

Но предупреждения оказались бесполезными. Заразившихся отселяли от остальных солдат и подвергали остракизму. Реформаторы морали боялись, что ветераны возвратятся домой и заразят американских женщин. Но на этом тревоги не заканчивались. Реформаторы также опасались, что войска, познав, если использовать модное тогда выражение, «французский стиль», станут утолять свои новооткрытые пристрастия к оральному сексу с невинными американскими девушками. Полковник Джордж Уокер из урологического отдела медико-санитарной службы сухопутных войск рвал и метал: «Стоит задуматься о том, что в Соединенные Штаты возвращаются сотни и сотни тысяч молодых людей, чье чувство собственного достоинства слабеет из-за этих новых дегенеративных привычек, а следовательно, они уже не могут оказывать решительного сопротивления моральному разложению, – тревоги на сей счет, несомненно, оправданны»<sup>67</sup>.

По большей части старания реформаторов использовать войну как лабораторию для социально-экономического эксперимента оказались сведены на нет непродолжительностью участия США в боевых действиях. Однако за годы войны произошел беспрецедентный сговор между крупными корпорациями и правительством в попытке рационализировать и стабилизировать экономику, взять под контроль неограниченную конкуренцию и гарантировать прибыль. На попытки добиться всего вышеперечисленного у крупнейших банкиров и руководителей корпораций ушло не одно десятилетие. В результате во время войны американские банки и корпорации процветали, а лидировали в этом отношении производители боеприпасов. Рэндольф Бурн, в своей уничтожающей статье «Сумерки идолов» порицавший жульнические утверждения его коллег по Прогрессивной партии о пользе войны, в другом месте и сам заметил, что «война – это здоровье государства»<sup>68</sup>.

Пока реформаторы тяжело трудились, американские войска наконец начали прибывать в Европу, где и внесли значительный вклад в победу Антанты. Их появление подняло боевой дух армий союзников, и, кроме того, американцы помогли одержать победу в некоторых крупных сражениях. Поскольку американцы далеко не сразу включились в военные действия, им удалось избежать самых тяжких мук окопной войны, выпавших на долю европейцев по обе стороны линии фронта во время тяжелейшего периода 1916 года: например, за один-единственный день англичане потеряли на Сомме 60 тысяч человек убитыми и ранеными. В битве при Вердене совокупные потери Франции и Германии составили почти миллион человек. Из-за приказов атаковать немцев, ошестившихся пулеметами и артиллерией, Франция потеряла половину своих мужчин в возрасте от 15 до 30 лет. Американцы же впервые вступили в серьезный бой только в мае 1918-го, за полгода до конца войны, когда помогли осажденным французам переломить ситуацию и прогнать немцев от берегов реки Марны. В сентябре 600 тысяч американцев отважно прорвали немецкий фронт. 11 ноября 1918 года немцы капитулировали. В целом из 2 миллионов американских солдат, прибывших во Францию, погибло более 116

тысяч, ранено было 204 тысячи. Сравним эти цифры с поистине ужасными потерями европейцев: по разным оценкам, до 10 миллионов погибших солдат и 20 миллионов жертв среди мирного населения; последние в основном умерли от голода и болезней.

Если бы война затянулась, количество жертв, возможно, было бы намного выше. Беспрецедентная мобилизация науки и техники для военных нужд уже начала менять саму суть войны, а впереди маячили еще более пугающие новшества.

В начале этого списка находилось новое поколение химического оружия. Запрет на использование химического оружия и других ядовитых веществ в войне идет со времен древних греков и римлян. На протяжении столетий предпринимались неоднократные попытки официально запретить использование ядов в военных целях. Так, в 1863 году «Кодекс Либера», предложенный Военным министерством США, запретил «использование яда в любой форме, будь то отравление колодцев или пищи или применение отравленного оружия»<sup>69</sup>. Всего годом ранее, в 1862-м, Джон У. Даути, школьный учитель из Нью-Йорка, послал Эдвину Стэнтону, военному министру, чертеж снаряда, наполненного взрывчатыми веществами в одной части и жидким хлором в другой. С помощью таких снарядов можно было бы выкурить войска конфедератов из укреплений. Однако Военное министерство не воспользовалось ни этим предложением, ни следующим, поданным Форрестом Шепардом, бывшим профессором экономической геологии и агрохимии университета Западного резервного района<sup>10</sup>, чтобы вывести из строя солдат Конфедерации с помощью паров хлористого водорода. Во время Гражданской войны в США разрабатывались и другие способы ведения химической войны. Статья в *Scientific American*, вышедшая в 1862 году, сообщила своим читателям об изобретении «нескольких типов зажигательных снарядов и снарядов с удушающим газом, распространяющих жидкий огонь и вредные испарения вокруг места взрыва».

В 1905 году в некрологе химика Уильяма Тилдена, опубликованном в газете *Washington Evening Star*, содержалась следующая интригующая новость: «Тилден придумал, как с помощью химии быстро заканчивать войны: придавать им ужасающе разрушительный характер. Говорят, он обратился с предложением к генералу Гранту, но после беседы с последним немедленно отказался от своей идеи. Генерал Грант объяснил ему, что цивилизованные страны не должны допускать использование подобного средства уничтожения людей»<sup>70</sup>.

Точку зрения Гранта на то, как должны вести себя цивилизованные страны, разделяли и другие. Гагская декларация 1899 года о запрете применения удушающих газов поставила вне закона использование в военных целях «снарядов», чьим «единственным назначением» было «распространять удушающие или вредоносные газы»<sup>71</sup>.

Германия нарушила дух, если не букву, Гагской конвенции, впервые успешно применив ядовитый газ во второй битве при Ипре 22 апреля 1915 года, после неудавшейся попытки применить его в боях у местечка Болимву на Восточном фронте. Зеленовато-желтый шлейф газообразного хлора накрыл французские окопы на протяжении 6,5 километра, что привело к катастрофическим результатам. Вскоре более 600 солдат умерло. Еще большее число временно ослепло, многие попали в плен. Газета *Washington Post* озаглавила свою передовицу «Обезумевшие от газовых бомб» и сообщила об угрозах немцев применить еще более мощное газовое оружие<sup>72</sup>. Немцы обвинили Францию в том, что это она первая применила такое оружие. На самом деле в начале войны французы первыми использовали химический раздражитель, но в ограниченном масштабе. В битве под Ипром все было гораздо серьезнее. *Post* сообщала, что французские солдаты умерли от «мучительного удушья», их тела почернели, позеленели или пожелтели, а перед смертью они сходили с ума. «Подобное применение ядовитых газов, – предсказывала *Post*, – несомненно, войдет в историю как самое поразительное новшество нынешней

<sup>10</sup> Название части штата Огайо.

войны, подобно тому как все крупные войны прошлого были отмечены особенно удивительным методом уничтожения жизни»<sup>73</sup>. Передовица *New York Times* осудила применение ядовитого газа, но не потому, что он убивал людей более жестоко, чем другие методы, а из-за страданий уцелевших, отличавшихся, «по словам жертв и наблюдателей-экспертов, такой силой, какая не имела равных себе за всю ужасную историю войн». После этого резкого осуждения *Times* со вздохом признала: если одна сторона конфликта использует такое оружие, «другие будут вынуждены, в качестве самообороны, последовать прискорбному примеру. Не зря говорится: на войне как на войне»<sup>74</sup>. Англичане действительно попытались отомстить немцам, применив ядовитый газ в битве при Лоосе в сентябре, однако ветер переменялся, и газ отнесло обратно на английские окопы, в результате чего британцы пострадали сильнее, чем немцы.

Европейские армии разработали довольно эффективные контрмеры против этих относительно мягких газов – по крайней мере, им удалось снизить количество погибших. С апреля 1915 по июль 1917 года в британских вооруженных силах потери от газовой войны составили 21 908 человек, из них 1895 погибшими. 12 июля 1917 года Германия использовала против англичан намного более мощное оружие – горчичный газ, и снова под Ипром. С этого момента и до конца войны в ноябре следующего года англичане потеряли 160 970 человек, из них 4167 погибшими. Следовательно, к тому времени, когда американские войска вступили в войну, обе стороны уже применяли более смертоносные виды газов, включая фосген, цианистый водород и горчичный газ. Потери в целом резко возросли, но в относительном выражении число погибших почти так же резко сократилось<sup>75</sup>. Американские химики были полны решимости изменить ситуацию.

США начали крупномасштабную программу исследований военного применения химических веществ, первоначально под эгидой нескольких министерств и ведомств, но 28 июня 1918 года программа полностью перешла под управление недавно созданной военно-химической службы (ВХС). Программы исследований первоначально распределялись между несколькими университетами, но в сентябре 1917 года были полностью переданы экспериментальной станции Американского университета в Вашингтоне, округ Колумбия. Большинство ведущих химиков страны приехали в этот университет, чтобы проводить исследования. В конечном итоге в программе приняли участие более 1700 химиков, работающих в более чем 60 зданиях, многие из которых были построены наспех. К концу войны в вооруженных силах служили уже 5400 химиков, работая на Первую мировую войну, или, как ее еще называли, «войну химиков»<sup>76</sup>.

Горя желанием послужить своей стране, американские химики шли по стопам своих европейских коллег. Военно-химические исследования Германии проводились в основном в престижном Институте физической химии и электрохимии, где предлагали свои услуги такие светила, как Фриц Габер, Джеймс Франк, Отто Ган, Вальтер Немст и Рихард Вильштеттер. Директор института Габер сплотил остальных ученых под девизом «В мирное время ученый принадлежит миру, но во время войны он принадлежит своей стране»<sup>77</sup>. В Великобритании ученые в 33 лабораториях проверили 150 тысяч органических и неорганических соединений, стараясь обнаружить наиболее смертоносные смеси. Только в одном из крупнейших объединений работало более тысячи ученых одновременно<sup>78</sup>.

Ученые всего мира стремились внести свой вклад в войну.

Физик Дж. С. Эймс из Университета Джонса Хопкинса писал: «Впервые в истории науки люди, посвятившие ей жизнь, получили возможность незамедлительно доказать стране свою ценность. Это потрясающий шанс; и университеты по всей стране хватаются за него». Роберт Милликен, физик из Чикагского университета, восторженно заметил: «Война пробудила мир, заставив его по-новому оценить то, что может сделать наука»<sup>79</sup>.

Военно-химическая служба ставила быстроту превыше безопасности. В результате были зарегистрированы многочисленные несчастные случаи со смертельным исходом, как утверждает инженер-электрик Джордж Темпл, в то время возглавлявший Отдел технического обслуживания автотранспорта в «Лагере Американского университета». Много лет спустя в интервью *Eagle*, студенческой газете Американского университета, Темпл описал несколько таких случаев. В одном из них «три человека сгорели заживо, получив смертельную дозу газа. Тела увезли куда-то на прицепе, причем “с костей у них кусками отваливалось мясо”»<sup>80</sup>. Каждое утро, во время переключки, среди рабочих вызывали добровольцев на сварочные работы с экспериментальными газами. Темпл вызывался семь раз. В лабораториях часто происходили утечки. Рядом со сварщиками всегда находились клетки с канарейками. Смерть канарейки означала, что пришло время эвакуировать людей из здания<sup>81</sup>.

Темпл описывает, что происходило, когда в конце дня, проведенного в лабораториях, ученые отправлялись по домам: «После работы сотрудники лагеря, не сменив пропитанной газом одежды, садились в трамвай. Когда трамвай приближался к центру города, туда также садились гражданские. Скоро они все начинали чихать или плакать – в зависимости от того, с каким именно газом работали днем военные»<sup>82</sup>. Однако, как выяснил бывший американский сенатор Натан Скотт, проживание вблизи университетского городка также было небезопасным. Скотт, его жена и сестра отравились газом из «облака», вырвавшегося из лаборатории городка. Скотт и его сестра лечились сначала у врача экспериментальной станции, а затем в местной больнице<sup>83</sup>.

Среди служащих лабораторий в Американском университете был и выпускник Гарварда, молодой химик Джеймс Конант – во время следующей мировой войны он возглавит прикладную науку США. Успешное исследование отравляющего вещества люизит обеспечило ему в июле 1918 года повышение по службе. Новоиспеченного 25-летнего майора отправили в пригород Кливленда – следить за осуществлением проекта по серийному производству люизита. Работая в цехах завода *Ben Hur Motor Company* в Уиллоуби, штат Огайо, команда Конанта выпускала артиллерийские снаряды и авиабомбы, начиненные смертоносным веществом, самый незначительный контакт с которым, как полагали, вызывал «невыносимые мучения и смерть спустя несколько часов»<sup>84</sup>.

Военно-химическая служба расположила крупнейшие производственные мощности недалеко от испытательного полигона в Абердине, штат Мэриленд. В начале 1919 года *New York Times* описала производственный процесс на участке под названием Эджвудский арсенал – «крупнейшем заводе по производству отравляющих веществ на земле»: он производил в три-четыре раза больше газа, чем Англия, Франция и Германия, вместе взятые. Репортер Ричард Барри, которому устроили экскурсию по заводу, написал: «Я был в больницах и видел людей, получивших поражение дьявольским газом во время работы: у одних руки, ноги и туловище иссохли и покрылись шрамами, словно после ужасного пожара; другие покрылись язвами, источающими гной даже спустя несколько недель интенсивного лечения». Барри предположил, что потери среди рабочих превысили потери любой дивизии, сражавшейся во Франции<sup>85</sup>.

Завод был огромен: он включал в себя почти три сотни зданий, соединенных 45 километрами железнодорожных путей и 24 километрами автодорог. В день он выпускал 200 тысяч химических авиабомб и снарядов. 1200 ученых и 700 ассистентов изучали более 4 тысяч потенциально ядовитых веществ<sup>86</sup>. Барри взял интервью у полковника Уильяма Х. Уокера, бывшего заведующего кафедрой химической технологии Массачусетского технологического института, на тот момент работавшего начальником испытательного полигона. Уокер сообщил, что за два месяца до перемирия США разработали новый подход к использованию смертоносного химического оружия. США были готовы сбрасывать с самолетов на укрепленные немецкие города контейнеры, содержащие тонну горчичного газа. Одна тонна газа охватит полгектара или даже

больше, и, как заверил читателей Уокер, «этого не переживет ни одно живое существо, включая крыс». Новое оружие было готово к применению уже в сентябре 1918 года, но союзники постоянно переносили сроки его применения. Наконец Англия согласилась, но Франция, боясь ответного удара, заявила, что не даст согласия до тех пор, пока союзники не оттеснят немцев так далеко, чтобы газ не отнесло на французскую территорию, и не обеспечат контроль над «воздушным пространством, исключая всякую возможность нанесения ответного удара». Эти условия удалось выполнить только к весне 1919 года.

На тот момент, отмечает Уокер, США могли бы перевезти во Францию тысячи тонн горчичного газа. «Мы могли бы стереть с лица земли любой немецкий город, какой захотим... а может, и целый ряд городов, через несколько часов после получения соответствующего приказа». Уокер пришел к следующему выводу: знание немцами планов союзников сыграло «значительную роль в [их] капитуляции». В день заключения перемирия ВХС прекратила работу в Эджвуде; на тот момент на пристанях готовились к погрузке 2500 тонн горчичного газа. «Как бы там ни было, нас обманом лишили добычи», – сожалеет Уокер, но утешается верой в то, что именно газ ускорил капитуляцию Германии<sup>87</sup>.

В 1920 году, на слушаниях в конгрессе о преобразовании армии, Бенедикт Крауэлл, помощник военного министра, ясно дал понять, насколько важную роль использование химического оружия играло в американском наступлении, запланированном на 1919 год. Крауэлл свидетельствовал: «Наше наступление в 1919 году благодаря химическому оружию должно было стать легкой прогулкой до самого Берлина. Конечно, это держалось в тайне»<sup>88</sup>.

Во время войны воюющие стороны использовали в общей сложности 124 тысячи тонн отравляющих веществ 39 различных видов; носителями послужили главным образом 66 миллионов артиллерийских снарядов. Среди немцев, пострадавших от газа в октябре 1918 года, был и ефрейтор Адольф Гитлер, который так описал случившееся в книге «Моя борьба»: «Мои глаза превратились в пылающие угли, и окружающее померкло»<sup>89</sup>.

По словам Барри, когда он посетил Эджвудский арсенал в декабре 1918 года, то увидел, что завод «демонтируют. Станки осторожно разбирают, смазывают, упаковывают и складывают на хранение – до следующей войны, если таковая случится». Он также добавил, что избавиться от загрязненных деталей и газа будет гораздо сложнее, чем просто демонтировать оборудование, и прежде всего потому, что США произвели достаточно газа, чтобы уничтожить всех жителей как Северной, так и Южной Америки<sup>90</sup>.

Уокер понимал: химическое оружие можно сделать куда более смертоносным, если сбрасывать его с самолетов. Писатели-фантасты – такие, как Жюль Верн в романе «Воздушный корабль» (1886) и Герберт Дж. Уэллс в «Воине в воздухе» (1908), – предвидели пугающий потенциал обычной бомбардировки в будущих войнах. Мир получил возможность наглядно представить себе, как это будет происходить, еще до Первой мировой войны: атаки с использованием воздушных шаров происходили еще во Франции в конце XVIII столетия, а в 1849 году Австрия применила наполненные воздухом аэростаты для бомбардировки Венеции. С 1911 по 1913 год Италия, Франция и Болгария применяли воздушную бомбардировку, хоть и в незначительных масштабах, в мелких вооруженных столкновениях<sup>91</sup>. Перспектива использования самолетов для сбрасывания химического оружия была еще более пугающей.

Первая мировая война впервые продемонстрировала возможности ведения воздушной войны, хотя и была лишь намеком на будущие масштабы. Германия нанесла удар первой – 6 августа 1914 года. Ее цеппелины сбросили бомбы на бельгийский город Льеж. Германия стала первой страной, подвергшей воздушной бомбардировке мирное население, когда в августе 1914-го, в результате нападения на парижскую железнодорожную станцию, бомба не попала в цель и убила женщину. В сентябре, во время первой битвы на Марне, немецкие летчики несколько раз бомбили Париж. Первая бомбардировка города с воздуха, осуществленная союз-

никами, произошла в декабре, когда французские летчики бомбили Фрайбург. К весне 1918 года в результате немецких бомбежек погибли более тысячи мирных жителей, более 4 тысяч получили ранения. Хотя война с воздуха велась в ограниченном масштабе, ее потенциал был очевиден. К началу войны в английских вооруженных силах насчитывалось всего 110 боевых самолетов, однако еще до конца войны Англия вместе с Францией выпустили еще 100 тысяч самолетов, Германия – 44 тысячи<sup>92</sup>.

На протяжении 1920-х годов Англия широко применяла воздушную бомбардировку для защиты своей обширной империи и поддержания порядка в таких отдаленных местах, как Афганистан, Египет, Индия, Йемен, Сомали и особенно Ирак, оккупированный британскими войсками после поражения Османской империи. Прикрываясь эвфемизмом «воздушного контроля», Королевские ВВС провели массовые бомбардировки Ирака, сопротивлявшегося британской колонизации. Командир 45-й эскадрильи отмечал: «Они [т. е. арабы и курды] теперь знают, что такое настоящая бомбежка, которая измеряется в жертвах и разрушениях; они теперь знают, что любая их деревня... может быть стерта с лица земли за 45 минут, а треть жителей убита или ранена четырьмя или пятью самолетами»<sup>93</sup>.

В тех же 1920-х итальянский специалист по воздушной стратегии Джулио Дуэ утверждал, что отныне именно воздушные бомбардировки являются ключом к победе в войне, а проводить различия между солдатами и мирными жителями стало невозможно. Тех же взглядов придерживался и главный поборник военной авиации в США генерал Уильям (Билли) Митчелл. В своей книге «Крылатая защита», вышедшей в 1925 году, он предупреждал: «Если страна, стремящаяся к мировому господству, “становится на крыло” в войне будущего, у нее есть все шансы действительно контролировать весь мир... Следовательно, если страна достигает полного контроля над воздушным пространством, она может куда сильнее приблизиться к настоящему мировому господству, чем это было возможно в прошлом»<sup>94</sup>. Другие пытались выразить свое восхищение воздушной войной в более реальном ключе. Так, начальник химических войск армии США генерал Амос Фрайс придумал следующий причудливый девиз своего ведомства: *«Любое развитие науки, создающее методы ведения войны более универсальные и более научные, способствует постоянному миру, делая войну более невыносимой»*<sup>95</sup>.

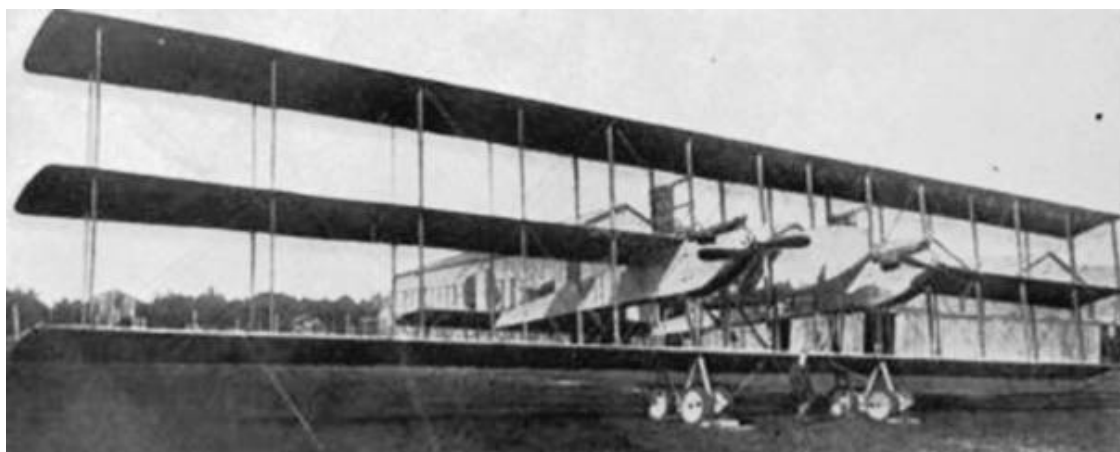
В то время как одни готовились к войне, другие готовились к миру, опасаясь, что очередная война предвещает еще большее опустошение. Книга Уилла Ирвина «Следующая война», вышедшая в 1921 году, выдержала 12 переизданий. Ирвин, журналист, работавший в Комитете общественной информации, нарисовал мрачную картину будущего. Он напомнил читателям, что ко времени перемирия США производили люизит. Он перечислил качества, делавшие газ таким эффективным и таким ужасным:

«Он был невидим; этот газ опускался, поражая беженцев, укрывшихся в землянках и подвалах; если его вдохнуть, он убивал мгновенно – и не только через легкие. Соприкасаясь с кожей, он превращался в яд, проникал в организм и нес почти неминуемую гибель. Он поражал любые живые клетки, что животные, что растительные. Противогазы сами по себе совершенно от него не спасали. Кроме того, площадь его распространения в 55 раз превышала такую площадь у любого ядовитого газа, использовавшегося в войне до того времени. Один специалист как-то сказал, что десяток начиненных люизитом самых мощных авиабомб, применявшихся в 1918 году, при благоприятном ветре мог бы уничтожить все население Берлина. Возможно, он преувеличил, но, думаю, не сильно. Подписано перемирие, но исследования боевых отравляющих веществ не прекратились. Сейчас у нас почти готов газ с гораздо большей поражающей способностью, чем

люизит... Одна-единственная капсула этого газа, помещенная в маленькую гранату, может уничтожить все живое на многих квадратных метрах или даже гектарах»<sup>96</sup>.

Химики, наиболее консервативная и наиболее тесно связанная с промышленностью часть научного сообщества, гордились своим вкладом в военную экономику. И вклад их не остался незамеченным. Газета *New York Times* объявила, что работу химиков «широкая публика должна признать с благодарностью. Наши химики – одни из лучших солдат демократии» и «наилучшие защитники нашей страны»<sup>97</sup>.

После окончания войны химики присоединились к военным и промышленникам, пытавшимся не допустить запрещения химического оружия в будущем. В 1925 году Лига Наций приняла Женевский протокол, объявив применение химического и бактериологического оружия вне закона. Правительство президента США Кулиджа поддержало это решение Лиги Наций. Оппозицию протоколу возглавили объединения ветеранов войны, Американское химическое общество (АХО) и владельцы химических предприятий. Совет АХО во время августовского заседания в Лос-Анджелесе единогласно постановил: «Исходя из соображений гуманизма и интересов национальной безопасности, выступить решительно против ратификации Женевского протокола о ядовитых газах». Химики (500 человек из которых по-прежнему числились офицерами запаса военно-химической службы) пытались убедить общественность, что химическое оружие на самом деле гуманнее любого другого, что США должны быть готовы применить его в следующей войне и что в результате подписания Женевского протокола вся американская химическая промышленность может перейти под контроль Лиги Наций. Джозеф Рэнделл, сенатор от штата Луизиана, надеялся, что резолюцию [о ратификации] «вернут в комитет по внешней политике и похоронят столь глубоко, что мы никогда больше ее не увидим»<sup>98</sup>. Его желание исполнилось. Комитет так и не внес резолюцию на голосование сената. В течение следующих десяти лет договор ратифицировали 40 стран, в том числе все великие державы, кроме США и Японии<sup>99</sup>.



*Итальянские, английские и немецкие бомбардировщики. Во время Первой мировой войны военные впервые бомбили наземные цели, не щадя и мирных жителей. Германия начала бомбардировки в 1914 году, выбрав в качестве цели бельгийский город Льеж. К весне 1918 года от немецких бомб погибло около тысячи мирных жителей Англии, более 4 тысяч получили ранения.*

Наибольшие успехи газовая война принесла на Восточном фронте против слабо оснащенных русских войск: потери России от газовых атак составили 425 тысяч человек, в том

числе 56 тысяч убитыми<sup>100</sup>. Первая мировая война во всех отношениях оказалась губительной для России, потерявшей на фронтах 2 миллиона убитыми и 5 миллионов ранеными. В марте 1917 года русский народ, сытый по горло безразличием царя к нуждам простых людей, сверг Николая II с престола. Но многие почувствовали себя обманутыми вторично, когда правительство реформатора Александра Керенского, при поддержке президента США Вильсона, решило не выводить Россию из войны. Народные массы потребовали решительно порвать с прошлым.

7 ноября 1917 года большевики во главе с Владимиром Ильичом Лениным и Львом Давидовичем Троцким захватили власть, кардинально изменив ход мировой истории. Их вдохновляли идеи мыслителя XIX века Карла Маркса, немецкого еврея, который считал, что классовая борьба в конечном счете приведет к социалистическому обществу, основанному на равенстве людей. Забавно, что сам Маркс сомневался в возможности победы социалистической революции в экономически и культурно отсталой России. Игнорируя предупреждения Маркса, большевики принялись коренным образом реформировать российское общество: национализировать банки, делить среди крестьян помещичьи земли, доверять рабочим управление заводами и фабриками, конфисковывать церковную собственность. Ленинская Красная гвардия перерыла старое Министерство иностранных дел и без всяких церемоний предала огласке все, что нашла, а именно целый пакет секретных соглашений между союзниками 1915 и 1916 годов, согласно которым весь послевоенный мир делился на зоны влияния. Подобно тому как США в 2010 году отреагировали на публикацию *Wikileaks* американских дипломатических телеграмм, союзники были возмущены таким бесцеремонным нарушением прежнего дипломатического протокола, открывшим лживость призыва Вильсона «к самоопределению народов» после войны. Среди опубликованных договоров было и соглашение Сайкса—Пико о разделе Османской империи между Великобританией, Францией и Россией. Создавая новые государства независимо от их исторических и культурных реалий, оно сеяло семена будущих войн на богатом нефтью Ближнем Востоке.

Со времен Французской революции, случившейся за 125 лет до описываемых событий, Европа не знала таких глубоких потрясений и преобразований. Ленинское понимание всемирной коммунистической революции завладело умами рабочих и крестьян по всему земному шару, неся с собой нешуточную угрозу образу либеральной капиталистической демократии, как она представлялась Вильсону.

Госсекретарь в правительстве Вильсона Роберт Лансинг, слывший англофилом, разочарованно сообщил, что коммунистические призывы Ленина встречают у рабочих поддержку. 1 января 1918 года он предупредил Вильсона, что призыв Ленина обращен к «пролетариям всех стран, всем неграмотным и слабоумным, которые по своей природе стремятся стать господами. Здесь, как мне кажется, лежит весьма реальная опасность, если учесть социальные волнения, происходящие во всем мире»<sup>101</sup>.

Вильсон, в свою очередь, решил сделать смелый шаг и попытаться перехватить у Ленина инициативу. 8 января 1918 года он огласил свои «Четырнадцать пунктов»<sup>11</sup>. Этот либеральный, открытый антиколониальный план мирного урегулирования провозглашал самоопределение, разоружение, свободу судоходства, свободу торговли и создание Лиги Наций. Только такие высокие цели могли оправдать продолжение «столь трагического и ужасного кровопролития и разбазаривания богатств». «Дни завоеваний и территориальной экспансии давно миновали, как и дни секретных договоров», — торжественно заявил он в своем выступлении, которое

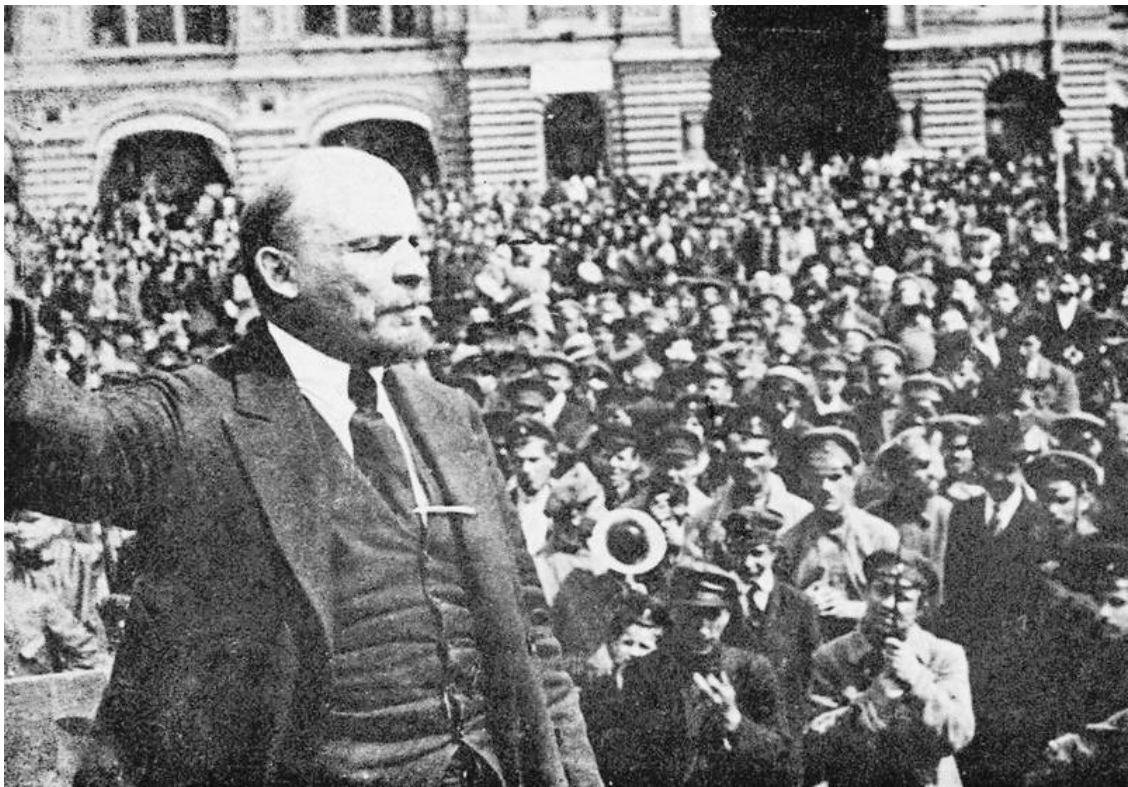
<sup>11</sup> «Четырнадцать пунктов» Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). «Четырнадцать пунктов» Вильсона были альтернативой разработанному В. И. Лениным Декрету о мире, который был куда менее приемлемым для западных держав.

вскоре окажется наглой ложью<sup>102</sup>. Но неожиданно на повестку дня встали два противоположных образа послевоенного мира.



*Американские солдаты, проходящие обучение противохимической защите в лагере Дикс, штат Нью-Джерси. Несмотря на то что химическое оружие столетиями находилось под запретом у разных цивилизаций, во время Первой мировой войны оно стало широко применяться. Во время газовых атак люди умирали тысячами.*

Ленин снова застал капиталистический мир врасплох. 3 марта, за восемь месяцев до перемирия на Западном фронте, он подписал мирный договор с Германией, выводя русские войска из войны. Ленин так горячо желал мира, что согласился даже на суровые условия Брест-Литовского мирного договора, несмотря на то что это означало отказ от власти России над Польшей, Финляндией, Прибалтикой, Украиной, Грузией и другими областями общей площадью более 700 тысяч квадратных километров с населением в 50 миллионов человек. Вильсон и союзники негодовали и отреагировали незамедлительно.



*7 ноября 1917 года В. И. Ленин и большевики захватили власть в России, кардинально изменив ход мировой истории. Ленинское понимание всемирной коммунистической революции завладело умами рабочих и крестьян по всему земному шару, неся с собой нешуточную угрозу образу либеральной капиталистической демократии, как она представлялась Вильсону.*

Против большевиков поднялись все реакционные силы, началась безжалостная контрреволюция. Отдельные армии нападали на новую Россию со всех сторон: белогвардейцы и белокосаки, чехословацкий корпус, сербы, греки, поляки на западе, французы на Украине и приблизительно 70 тысяч японцев на Дальнем Востоке. Против всех этих сил соратник Ленина по революции Л. Д. Троцкий двинул созданную самыми суровыми мерами Красную армию численностью около 5 миллионов человек. Бывший первый лорд британского Адмиралтейства

Уинстон Черчилль, человек прямолинейный, выразил мнение всех капиталистов, когда заявил, что большевизм нужно задуть в колыбели.

В Россию прибыло приблизительно 40 тысяч английских солдат, часть из которых перебросили на Кавказ для защиты бакинских нефтепромыслов. Хотя Гражданская война и бои с интервентами в основном закончились к 1920 году, отдельные очаги сопротивления сохранялись до 1923-го, а сопротивление исламского повстанческого движения в Средней Азии продолжалось вплоть до 1930-х годов<sup>12</sup>, как бы предвосхищая будущие события, которые развернутся лет на шестьдесят позднее.



*Президент Вудро Вильсон выступает в Греческом театре в Беркли, штат Калифорния, в сентябре 1919 года. Переизбранный президентом в 1916 году благодаря лозунгу «Он не позволил втянуть нас в войну», Вильсон вступил в Первую мировую войну в 1917 году, надеясь добиться участия США в определении судеб послевоенного мира.*

Англия, Франция, Япония и ряд других стран Антанты отправили в Россию десятки тысяч солдат – отчасти для помощи белогвардейцам, пытавшимся свергнуть едва родившийся большевистский режим. США поначалу не решились присоединиться к ним, но в итоге отправили более 15 тысяч солдат на Дальний Восток и на север России в надежде поддержать Восточный фронт против Германии, находившейся в стесненных обстоятельствах, и не позволить японцам на Дальнем Востоке захватить слишком много. Вильсон отклонил предложения члена английского кабинета Уинстона Черчилля, главнокомандующего армиями Антанты маршала Фердинанда Фоша и других видных деятелей Антанты пойти на прямую интервенцию, чтобы свергнуть большевиков. Вильсон отбивался от настойчивых просьб Фоша, заявив, что «любая

---

<sup>12</sup> Большевики и их сторонники называли исламских повстанцев басмачами; самоназвание – моджахеды («борцы за веру»), «воины ислама».

попытка справиться с революционным движением посредством переброски войск равнозначна тому, чтобы пытаться метлой сдержать прилив. Кроме того, войска могут пропитаться тем самым большевизмом, на борьбу с которым их отправляют»<sup>103</sup>. Тем не менее американские войска оставались в России до 1920 года, много времени спустя после того, как исчезла первоначальная военная необходимость. Американское участие в этой операции с самого начала испортило отношения США с новым советским правительством<sup>104</sup>. Оно также углубило недоверие к Вильсону и его побуждениям со стороны ключевой группы прогрессивных сенаторов, главным образом представляющих Средний Запад США, и недоверие это даст о себе знать, когда он будет отчаянно пытаться достичь осуществления своей мечты – Лиги Наций.

Эти «сторонники мира и прогресса», по выражению Роберта Дэвида Джонсона и других историков, по-разному относились к новому революционному правительству России, но их всех одинаково пугала перспектива американского военного вмешательства. Ведущую роль в этой группе играл сенатор-республиканец от штата Калифорния Хайрам Джонсон. Он утверждал, что США должны бороться с тем, что породило большевизм: «угнетением, нищетой и голодом», – а не пытаться свергнуть новое правительство путем военной интервенции, что сенатор считал частью «войны Вильсона с революцией в любой стране». Он не хотел, «чтобы американский милитаризм силой навязывал нашу волю более слабым народам». Сенатор от штата Миссисипи Джеймс Вардаман утверждал, что интервенция осуществлялась в интересах международных корпораций, которые хотели получить те 10 миллиардов долларов, которые царское правительство взяло у них в долг. Роберт Лафоллет назвал это «насмешкой» над «Четырнадцатью пунктами» Вильсона, «ужаснейшим преступлением против демократии, “самоопределения” и “согласия управляемых”»<sup>105</sup>. Сенатор от штата Айдахо Уильям Бора заявил, что люди, вернувшиеся в Соединенные Штаты после нескольких месяцев пребывания в России, сообщают о тамошних условиях совсем не то, что правительство Вильсона. Бора слышал от них, что «подавляющее большинство русских поддерживает Советское правительство». И, продолжал он, «если Советское правительство представляет русский народ, если оно представляет 90 % русских, я склонен считать, что русские имеют такое же право установить у себя государство социалистического типа, как мы – свою республику»<sup>106</sup>. Джонсон внес резолюцию о прекращении финансирования интервенции. Резолюция получила широкую поддержку, но не прошла из-за равенства голосов: 33 за и 33 против<sup>107</sup>.

В то время как все больше американцев начинали подвергать сомнению многие дипломатические шаги Вильсона, он, казалось, оставался лучом надежды для измученных войной европейцев. Когда 18 декабря 1918 года он прибыл в Европу для участия в Парижской мирной конференции, его окружила толпа поклонников. Герберт Уэллс вспоминал: «На недолгое время Вильсон оказался символом всего человечества. Или по крайней мере он казался символом человечества. И в то недолгое время он вызвал могучий и небывалый отклик людей по всей земле... Он перестал быть простым государственным деятелем; он стал мессией»<sup>108</sup>.

Немцы сдались, положившись на «Четырнадцать пунктов» Вильсона и считая, что к ним отнесутся справедливо. Один немецкий город приветствовал возвращающихся с фронта солдат транспарантом, на котором было написано: «Добро пожаловать, храбрые солдаты, вы свое дело сделали; дальше – дело Бога и Вильсона»<sup>109</sup>. Немцы даже свергли кайзера и приняли республиканскую форму правления в знак честных намерений. Но расплывчато сформулированные «Четырнадцать пунктов» оказались слабой базой для переговоров. А Вильсон почему-то не стал добиваться их поддержки от союзников еще во время войны, когда у него было больше средств влияния. Он тогда наивно сказал полковнику Эдварду Хаузу: «Когда война закончится, мы сможем заставить [Англию и Францию] принять наш образ мыслей, поскольку... их финансы будут в наших руках»<sup>110</sup>.

Несмотря на все задолженности, союзники не стали соглашаться на условия Вильсона. Заплатив такую высокую цену за победу, они не особо прислушивались к высокопарным высказываниям Вильсона о гарантиях безопасности для демократии, свободе судоходства и «мире без победы». Они жаждали мести, новых колоний и господства на море. Вильсон уже предал один из своих основополагающих принципов, вмешавшись в Гражданскую войну в России и удерживая войска на ее территории. Но за этим последуют и другие предательства. Англичане очень ясно дали понять, что совершенно не намерены следовать призыву Вильсона к свободе судоходства, поскольку она ограничила бы возможности их флота обеспечивать британские торговые маршруты. Французы не менее понятно объяснили, что не примут соглашения о мире, если оно не будет включать карательных мер против Германии. Франция потеряла намного больше миллиона солдат, Англия – чуть менее миллиона. Английский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж отметил, что в США не было разрушено «ни единой лачуги»<sup>111</sup>. Французы, кроме того, не забыли своего поражения во Франко-прусской войне и подливали масла в огонь, желая истощить и расчлениить Германию.

12 января 1919 года в Париже собрались представители 27 стран. Перед ними стояла колоссальная задача. Османская, Австро-Венгерская, Германская и Российская империи в той или иной степени распались, на их обломках возникли новые государства. То тут, то там разгорались революции. Свирепствовал голод. Вспыхивали эпидемии. Искали пристанища беженцы. Мир отчаянно нуждался в мудром руководстве. Но Ллойд Джордж, Клемансо и премьер-министр Италии Витторио Орландо сошлись на том, что Вильсон, считавший себя «орудием Господа Бога», абсолютно невыносим<sup>112</sup>. Клемансо якобы даже сказал: «Как надоел мне мистер Вильсон с его “Четырнадцать пунктов”»; да ведь у самого Всевышнего их было только десять!»<sup>113</sup> Ллойд Джорджу отношение Клемансо к Вильсону понравилось чрезвычайно: «Если бы президент опять воспарил в лазурные дали, как ему иногда свойственно делать, не считаясь с обстановкой, то Клемансо распахнул бы глаза, растерянно заморгал и посмотрел бы на меня, словно говоря: “Ну вот, опять его понесло!” Я действительно полагаю, что прежде всего этот президент-идеалист считает себя миссионером, чья основная задача – спасти бедных язычников-европейцев». Ллойд Джордж превозносил собственную деятельность на конференции в столь трудных обстоятельствах: «Я сделал все, что мог, если учесть, что меня посадили между Иисусом Христом и Наполеоном Бонапартом»<sup>114</sup>.

В окончательный вариант договора вошли лишь немногие из «Четырнадцати пунктов» Вильсона. Победители, особенно Великобритания, Франция и Япония, распределили между собой бывшие немецкие колонии и владения в Азии и Африке в соответствии с границами, определенными тайным Лондонским договором 1915 года. Заодно подверглась разделу и Османская империя. Победители также придали более благородный вид своим поступкам, назвав колонии «подмандатными территориями». Вильсон сначала пытался воспротивиться, но в итоге сдался. Он логически обосновал свои уступки, заявив, что немцы «безжалостно эксплуатировали свои колонии», отказывая их гражданам в основных правах, в то время как союзники обращались со своими колониями очень гуманно<sup>115</sup>, – данная оценка была встречена со скептицизмом жителями колоний стран Антанты, как хорошо видно на примере Хо Ши Мина из Французского Индокитая. Хо Ши Мин взял напрокат смокинг и шляпу-котелок и нанес визит Вильсону и другим членам американской делегации на конференции; он вручил президенту США петицию с требованием независимости для Вьетнама. Как и большинство других мировых лидеров, представлявших зависимые страны и получивших на конференции право совещательного голоса, Хо Ши Мин вскоре поймет, что освобождение должно прийти с помощью вооруженной борьбы, а не благодаря щедрости колонизаторов. Подобное же разочарование высказал и Мао Цзэдун, тогда работавший помощником библиотекаря: «Вот тебе и “право на самоопределение”, – возмущался он. – По-моему, это просто бесстыдство!»<sup>116</sup> В

поиске компромисса Вильсон до такой степени отошел от собственных принципов, что даже посчитал приемлемым американский мандат над Арменией, так что Клемансо не выдержал и сухо заметил: «Когда вы уже не будете президентом, мы сделаем вас турецким султаном»<sup>117</sup>.

Главы стран Антанты почти не пытались скрывать расизм, лежавший в основе их длительного господства над темнокожими народами. Этот факт стал особенно очевиден, когда представители Японии – барон Макино Нобуаке и виконт Чинда Сутоми – предложили включить в Устав Лиги Наций статью о расовом равенстве. Звучала она следующим образом: «Поскольку основополагающим принципом Лиги Наций является равенство государств, Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются в кратчайшие сроки предоставить всем иностранным подданным государств – членов Лиги равное и справедливое обхождение во всех отношениях, не делая между ними различий, де-юре или де-факто, по признаку расовой или национальной принадлежности». Японское предложение было решительно отвергнуто защитниками Британской империи, включая английского министра иностранных дел Артура Джеймса Бальфура и премьер-министра Австралии Вильяма Хьюза. Как отметил член английского кабинета министров лорд Роберт Сесил, данная статья создала бы «чрезвычайно серьезные проблемы» для Британской империи<sup>118</sup>.

Поскольку еще до официального открытия конференции Вильсон признался Ллойд Джорджу, что его прежде всего интересует создание Лиги Наций, а не детали послевоенного урегулирования – ведь именно Лига Наций, с его точки зрения, должна была сыграть важнейшую роль в предотвращении будущей войны, – попытка американского президента добиться заключения соглашения, не предусматривающего применения карательных санкций к побежденным, которое он публично отстаивал, потерпела полное фиаско. Версальский договор предусматривал жесткие меры по отношению к Германии. В него включили статью о «виновности в развязывании войны», подготовленную будущим госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом: согласно ей, вся вина за развязывание войны возлагалась на Германию, которая должна была выплатить колоссальные репарации. Вильсон, не обращавший внимания ни на что, кроме создания Лиги Наций, пошел на серьезный компромисс и по этому вопросу, и по многим другим важнейшим вопросам, разочаровав даже самых горячих своих сторонников. Клемансо ехидно заметил, что Вильсон «говорил, как Иисус Христос, а поступал, как Ллойд Джордж»<sup>119</sup>. Экономист Джон Мейнард Кейнс осудил согласие Вильсона на этот «Карфагенский мир» – трагическое отречение от «Четырнадцати пунктов» – и предсказал, что договор приведет к новой европейской войне<sup>120</sup>.

Хотя Ленина в Париж не пригласили, незримое присутствие России омрачало заседания, как «призрак Банко»<sup>13</sup>, неизменно сидящий за столом конференции», по словам Герберта Гувера<sup>121</sup>. Ленин с самого начала отмахнулся от «Четырнадцати пунктов» Вильсона как от пустословия и заявил, что капиталистические страны никогда не откажутся от своих колоний и не примут мечту Вильсона о мирном урегулировании конфликтов. Его призыв к международной революции, к свержению всей империалистической системы стал находить все больше доброжелательных слушателей. В марте полковник Хауз записал в дневнике: «Судя по всему, кризис уже не за горами. Ропот недовольства слышится постоянно. Люди хотят мира. Большевизм набирает популярность. Только что его жертвой стала Венгрия»<sup>14</sup>. Мы сидим на открытом пороховом погребке, и достаточно одной искры, чтобы мы взлетели на воздух»<sup>122</sup>. Антанта была так обеспокоена коммунистическими революциями в Восточной Европе, что вставила в соглашение о перемирии пункт, запрещающий германской армии уходить из стран на Восточ-

<sup>13</sup> Банко – персонаж трагедии Шекспира «Макбет»: появление его призрака за пиршественным столом знаменовало предстоящую гибель Макбета, узурпировавшего трон.

<sup>14</sup> Имеется в виду революция 1919 года в Венгрии (Венгерская Советская Республика).

ном фронте, пока «союзники не сочтут, что время для этого пришло»<sup>123</sup>. Хотя коммунистическое правительство Белы Куна в Венгрии будет скоро свергнуто вторгшимися румынскими войсками, а попытка коммунистов захватить власть в Германии потерпит поражение<sup>15</sup>, у Хауза и Вильсона были причины всполошиться из-за мощной волны радикальных перемен, захлестнувшей Европу и вышедшей за ее пределы.

Активно участвовали в революционном движении и американские рабочие; первыми забастовали 365 тысяч сталелитейщиков, их примеру последовали 450 тысяч шахтеров и 120 тысяч текстильщиков. В Бостоне решили объявить забастовку полицейские, причем за это решение проголосовали 1134 человека, а против – двое, так что *Wall Street Journal* предупредила своих читателей: «Ленин и Троцкий уже близко». Вильсон назвал забастовку «преступлением против цивилизации»<sup>124</sup>. А всеобщую забастовку в Сиэтле возглавил, по образцу русских революционеров, Совет солдатских, матросских и рабочих депутатов. Мэр Сиэтла Оле Хэнсон осудил забастовку, назвав ее «попыткой революции». Забастовщики, бушевал он, «хотят захватить в свои руки наше американское правительство и пытаются создать здесь ту же анархию, что и в России»<sup>125</sup>. Только в том году бастовало более 5 миллионов рабочих. Когда усилий штрейкбрехеров, которых защищали вооруженные охранники, местная полиция и спешно приведенные к присяге помощники шерифов, оказалось недостаточно для того, чтобы подавить забастовки, на помощь призвали национальную гвардию и даже федеральные войска. В результате рабочему движению был нанесен удар, от которого оно не оправится десять с лишним лет. Хотя использование федеральных войск в интересах крупного капитала было очень спорным уже в 1877 году, рабочие все больше и больше осознавали, что, если они станут бороться за повышение заработной платы, улучшение условий труда и право организовываться в профсоюзы, против них единым фронтом выступят полиция, суд, армия и весь государственный аппарат.

---

<sup>15</sup> Имеется в виду Баварская Советская Республика (апрель—май 1919 года).



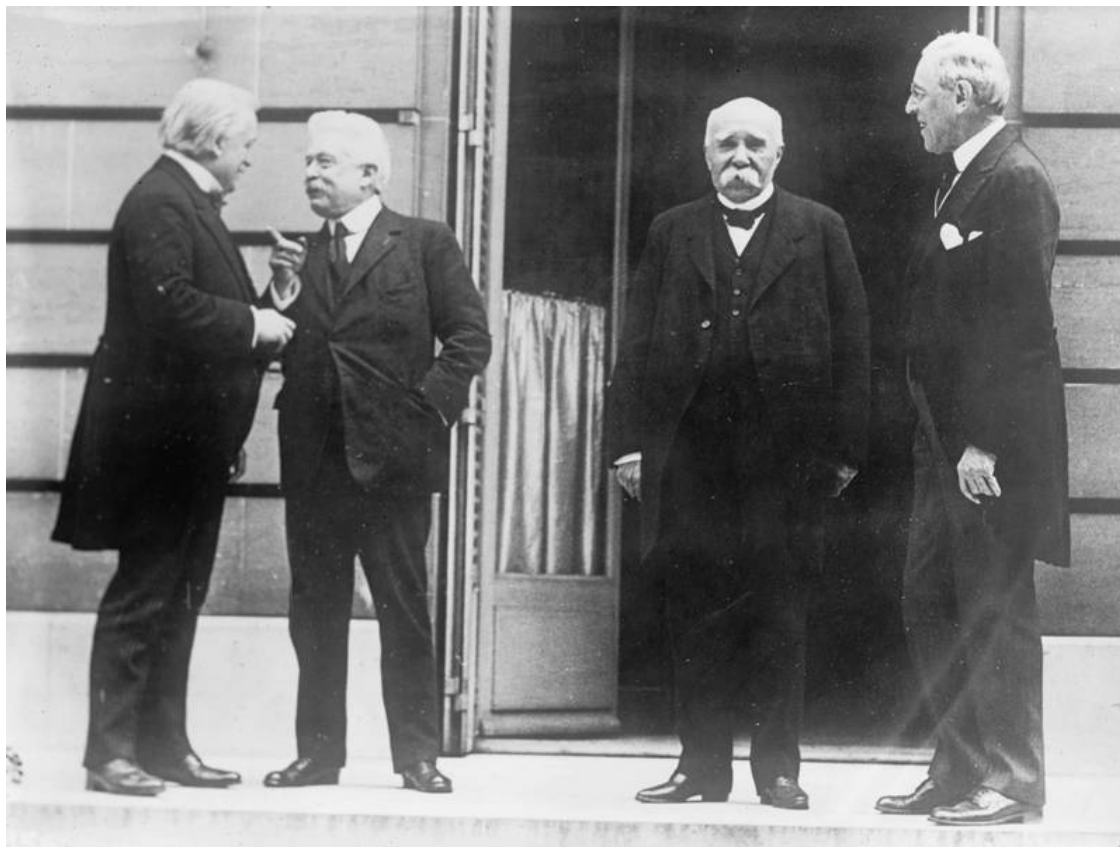
*Хо Ши Мин взял напрокат смокинг и шляпу-котелок и нанес визит Вильсону и другим членам американской делегации на конференции; он вручил президенту США петицию с требованием независимости для Вьетнама. Как и большинство других мировых лидеров, представлявших зависимые страны и получивших на конференции право совещательного голоса, Хо Ши Мин вскоре поймет, что освобождение должно прийти с помощью вооруженной борьбы, а не благодаря щедрости колонизаторов.*

Значительно ослабив левые партии и организации во время войны, правительственные чиновники теперь пытались и вовсе покончить с ними. В ноябре 1919 и январе 1920 года министр юстиции США А. Митчелл Палмер использовал волну безрезультатных, как правило, терактов со стороны анархистов как предлог для того, чтобы бросить федеральных агентов на разгром радикальных групп и рабочих организаций по всей стране. Хотя эту операцию и прозвали «рейдами Палмера», фактически руководил ею 24-летний начальник отдела общей разведки Министерства юстиции Дж. Эдгар Гувер, отвечавший за борьбу с радикальными элементами. По подозрению в революционной деятельности было арестовано более 5 тысяч человек, многих из них продержали за решеткой долгие месяцы без предъявления каких-либо обвинений. Уроженка России Эмма Гольдман<sup>16</sup> и сотни других активистов-иммигрантов были высланы из страны. Это вопиющее нарушение гражданских свобод не только нанесло сильный

---

<sup>16</sup> Гольдман Эмма (1869–1940) – знаменитая американская анархистка.


удар по прогрессивному движению, оно еще и способствовало тому, чтобы фактически приравнять любое инакомыслие к антиамериканской позиции. Но для Гувера это было только началом. К 1921 году в его картотеке, куда заносили все потенциальные «подрывные элементы»: отдельных лиц, организации и издания, – содержалось уже 450 тысяч учетных карточек<sup>126</sup>.



*Слева направо: премьер-министр Англии Дэвид Ллойд Джордж, премьер-министр Италии Витторио Орландо, премьер-министр Франции Жорж Клемансо и президент США Вудро Вильсон на Парижской мирной конференции. На конференции бо́льшая часть возвышенных идей «Четырнадцати пунктов» Вильсона была отброшена другими союзниками, искавшими мести, новых колоний и господства на морях в послевоенном мире.*

После Парижской конференции Вильсон восторженно воскликнул: «Наконец-то мир узнал Америку как своего спасителя!»<sup>127</sup> Когда Вильсон вернулся в США, противники Версальского договора отнюдь не приветствовали его как спасителя: он подвергся ожесточенной критике и слева, и справа. Вильсон решил оправдаться, устраивая встречи с избирателями по всей стране. Он утверждал, что США необходимо ратифицировать договор, чтобы вступить в Лигу Наций – единственный способ решить проблемы, порожденные Версальским миром. Сенатор Уильям Бора, возглавивший прогрессивное крыло оппозиции, в которую вошли такие видные деятели, как сенаторы Лафоллет, Норрис и Джонсон, заклеил предложенную Вильсоном международную организацию, назвав ее «лигой империалистов», стремящихся задуть революции и осуществить свои имперские притязания. Несмотря на все попытки Вильсона представить Версальский мир в более выгодном свете, Бора считал договор «жестоким, неконструктивным, несправедливым документом», который учредил «лигу, обеспечивающую

неприкосновенность Британской империи»<sup>128</sup>. Норрис осудил статью договора, по которой китайскую провинцию Шаньдун, родину Конфуция, передавали Японии, и назвал это «позорным насилием над невинным народом»<sup>129</sup>. К названным сенаторам присоединились изоляционисты и представители других политических взглядов, желавшие гарантий, что США без санкции конгресса не будут втянуты в военные действия.



**RUSSIA DID IT**

**SHIPYARD WORKERS**—You left the shipyards to enforce your demands for higher wages. Without you your employers are helpless. Without you they cannot make one cent of profit—their whole system of robbery has collapsed.

The shipyards are idle; the toilers have withdrawn even tho the owners of the yards are still there. Are your masters building ships? No. Without your labor power it would take all the shipyard employers of Seattle and Tacoma working eight hours a day the next thousand years to turn out one ship. Of what use are they in the shipyards?

It is you and you alone who build the ships; you create all the wealth of society today; you make possible the \$75,000 sable coats for millionaires' wives. It is you alone who can build the ships.

They can't build the ships. You can. Why don't you?


There are the shipyards; more ships are urgently needed; you alone can build them. If the masters continue their dog-in-the-manger attitude, not able to build the ships themselves and not allowing the workers to, there is only one thing left for you to do.

Take over the management of the shipyards yourselves; make the shipyards your own; make the jobs your own; decide the working conditions yourselves; decide your wages yourselves.

In Russia the masters refused to give their slaves a living wage too. The Russian workers put aside the bosses and their tool, the Russian government, and took over industry in their own interests.

There is only one way out; a nation-wide general strike with its object the overthrow of the present rotten system which produces thousands of millionaires and millions of paupers each year.

The Russians have shown you the way out. What are you going to do about it? You are doomed to wage slavery till you die unless you wake up, realize that you and the boss have not one thing in common, that the employing class must be overthrown, and that you, the workers, must take over the control of your jobs, and thru them, the control over your lives instead of offering yourselves up to the masters as a sacrifice six days a week, so that they may coin profits out of your sweat and toil.

71 

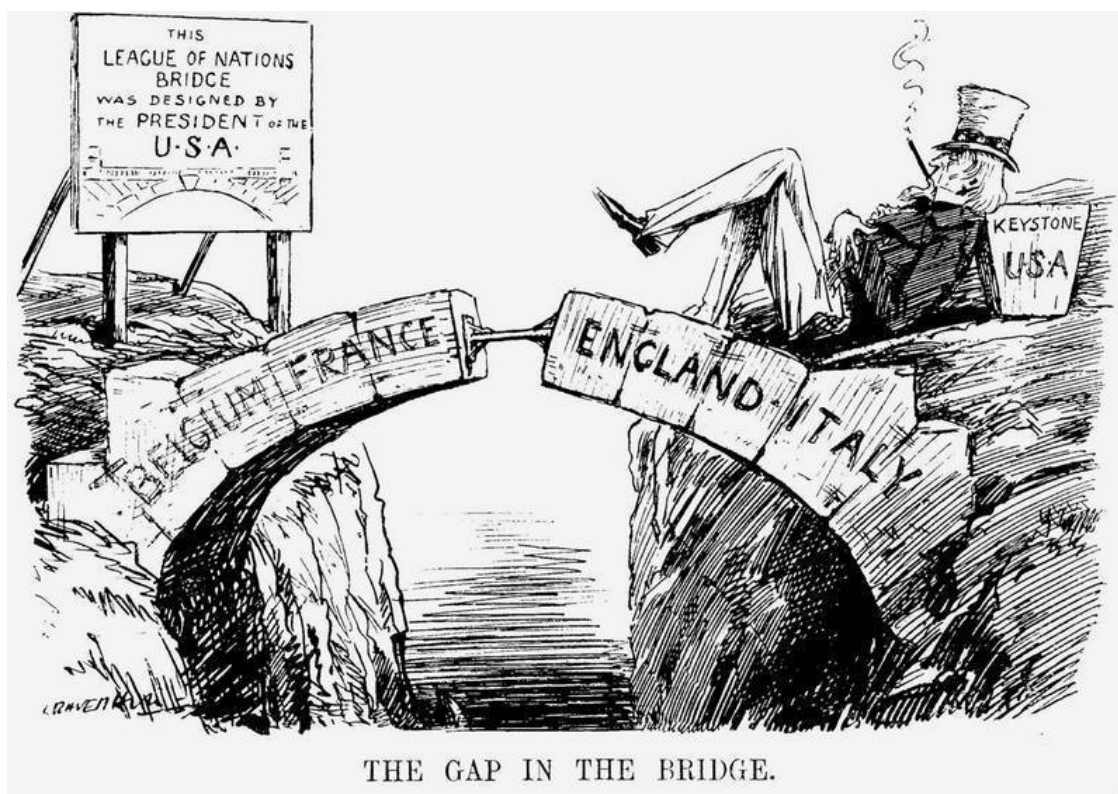
*В 1919 году более 4 миллионов американских рабочих боролись за повышение заработной платы, улучшение условий труда и право*

*организовываться в профсоюзы. Как видно из этой листовки, выпущенной в честь всеобщей забастовки в Сиэтле, русская революция помогла воспитать в рабочих боевой дух.*

Как ни странно, политика Вильсона в период войны лишила его многих самых горячих приверженцев. Глава КОИ Крил указал на этот факт потерявшему популярность президенту в конце 1918 года, заявив следующее: «Всех радикалов и либералов – сторонников вашей политики, направленной против империалистической войны, запугали и заставили замолчать. И сделать это вы позволили Министерству юстиции и Министерству почт. Некому больше поднять свой голос в защиту такого мира, какой видится вам. Нацию и общественность выпороли. Всей радикальной и социалистической прессе заткнули рот»<sup>130</sup>. Но упрямство Вильсона ухудшило и без того тяжелую ситуацию. Вместо того чтобы пойти на компромисс и принять предложенные поправки к договору, президент молча смотрел, как договор и членство США в Лиге Наций катятся к поражению. В итоге для ратификации не хватило семи голосов.

Самое тяжелое бремя Версальский мирный договор взвалил на Германию. Репарации составили 33 миллиарда долларов – меньше одной пятой того, что требовала Франция, но вдвое больше того, на что надеялась Германия, – и это в то время, когда платежеспособность последней резко сократилась из-за полной утраты колоний и территорий, населенных поляками. Германия лишилась также порта Данциг и Саарского угольного бассейна. К тому же немцев возмущала статья о «виновности в развязывании войны».

Экономические статьи договора были составлены явно под диктовку банкирского дома Морганов. Как отмечал лауреат ряда литературных премий Рон Черноу, биограф Морганов, «на Парижской мирной конференции 1919 года люди Моргана были буквально повсюду, и советник Вильсона Бернард Барух жаловался, что на переговорах всем заправляют “Джей-Пи-Морган энд компани”». Среди агентов Моргана особенно выделялся Томас Ламонт, ведущий партнер фирмы, на которого очень полагался Вильсон. Другой партнер фирмы, Джордж Уитни, заметил, что Вильсон доверял суждениям Ламонта по финансовым вопросам больше, чем мнению кого-либо другого. Ламонт доказывал, что репарации Германии следует установить на уровне 40 миллиардов долларов, а позднее даже уверял, что немцы, пожалуй, легко отделались. В Париже он и другие банкиры сделали все возможное, чтобы интересы банкирского дома Морганов были надежно обеспечены»<sup>131</sup>.



*Как видно из карикатуры, опубликованной в журнале Punch в декабре 1919 года, отказ сената от членства США в Лиге Наций во многом предопределил неэффективность этой организации. Стараниями Вильсона такой провал был гарантирован – ведь именно Вильсон во время войны заткнул рот антиимпериалистическим силам в США, которые могли бы поддержать вступление в Лигу.*

Хотя репарации и статья о «виновности в развязывании войны» создали в послевоенной Германии обстановку напряженности и нестабильности, их влияние на ситуацию несколько преувеличивалось. Репарации были тяжелыми скорее на бумаге, чем в действительности. Начиная с 1921 года фактические платежи неоднократно пересматривались в сторону уменьшения с учетом платежеспособности Германии. А в статье о «виновности в развязывании войны» (статья 231 договора) на самом деле ни о какой виновности речь не идет. В ней указывается, что Германия обязана выплатить репарации за «все потери и все убытки», возникшие «вследствие войны, которая была им [странам Антанты] навязана нападением Германии и ее союзников»<sup>132</sup>. Разумеется, никто не станет спорить, что Гитлер и другие правые в Германии эксплуатировали чувство национального унижения, связанного с поражением в войне и возмездием Антанты. Тот факт, что сражений на немецкой земле почти не было и что военная пропаганда заставила большинство немцев верить в неизбежность победы, еще меньше помогал немцам проглотить унижительный договор и добавлял доверия к разглагольствованиям Гитлера.

Экономические, социальные и политические беспорядки сотрясали и послевоенную Италию, где вооруженные фашисты — последователи Бенито Муссолини — постоянно провоцировали столкновения с левыми демонстрантами и забастовщиками. Посол США Роберт Джонсон предупреждал об опасностях, которыми был чреват захват власти крайне правыми силами под руководством Муссолини. Американское посольство сообщало в июне 1921 года:

«Похоже, именно фашисты выступают в качестве зачинщиков беспорядков, тогда как коммунисты... сумели отвести обвинения в беззаконии и насилии от революционной партии “красных” и переложить их на фашистов, самочинно объявивших себя защитниками “законности и порядка”». Позднее, когда в президентство Уоррена Г. Гардинга послом в Италии стал Ричард Чайлд, официальный представитель США развернулся на 180 градусов и принялся расхваливать Муссолини и поносить коммунистов. Чайлд и другие сотрудники посольства всячески преуменьшали правый экстремизм Муссолини, зато превозносили его антибольшевизм и готовность твердой рукой подавить рабочее движение. Американская поддержка продолжалась даже после того, как Муссолини установил в стране фашистскую диктатуру. Покровительство Муссолини оказывали такие ключевые фигуры деловых кругов США, как министр финансов Эндрю Меллон, Томас Ламонт, Дж. П. Морган и Ральф Изли из «Национальной гражданской федерации», одного из крупнейших объединений американских промышленников<sup>133</sup>.

Историки давно развенчали миф о том, что отвращение, вызванное войной и интригами европейской политики, якобы вынудило США к добровольной изоляции в 1920-е годы. На самом деле Первая мировая война положила конец господству европейских стран и привела к взлету США и Японии, двух настоящих победителей в этой войне. В 1920-е годы произошло быстрое распространение американского капитала по всему земному шару. Вместо Лондона центром мировой финансовой системы стал Нью-Йорк. Началась эра американского господства в мировой экономике. И лидировали в этом процессе нефтяные компании.

Война показала, что контроль над снабжением нефтью – основа расширения власти. Во время войны и Англия, и Германия пытались отрезать противника от поставок нефти. Англия, сильно пострадавшая от нападений немцев на танкеры, впервые выразила беспокойство в связи с нехваткой нефтепродуктов уже в начале 1916 года. Союзники тоже отрезали немцам доступ к нефтяным ресурсам, а английский полковник Джон Нортон-Гриффитс попытался разрушить нефтепромыслы в Румынии, когда немцы в конце 1916 года перешли в наступление, чтобы захватить их. Подчеркивая важность этих событий, лорд Керзон заметил вскоре после подписания перемирия, что «союзники приплыли к *победе* на волнах *нефти*». И ключом к этой победе стали США: они обеспечили 80 % потребностей союзников в нефти<sup>134</sup>. Но как только война закончилась, нефтяные компании приготовились захватить любые богатые нефтью территории. Как утверждалось в отчете компании Royal Dutch Shell за 1920 год, «мы не должны позволить другим опередить нас в борьбе за новые территории... наши геологи находятся всюду, где есть хоть малейший шанс на успех»<sup>135</sup>.

Royal Dutch Shell обратила свои взоры на Венесуэлу: правительство генерала Хуана Висенте Гомеса предлагало благоприятные и прочные условия, которые казались намного более выгодными, чем в Мексике, где политическое положение было все еще неясным, а производство снижалось<sup>136</sup>. Обеспокоенные английским влиянием в Венесуэле и убежденные в том, что добыча во время Первой мировой войны в значительной степени исчерпала внутренние ресурсы США, американские компании вскоре включились в борьбу за венесуэльскую нефть<sup>137</sup>. В своей книге «Добыча», посвященной проблемам нефтедобывающей промышленности, Дэниел Ергин называет Гомеса «жестоким, хитрым и жадным диктатором, который в течение 27 лет правил Венесуэлой ради личного обогащения»<sup>138</sup>. По словам историка Стивена Рейба, Гомес, по существу, превратил страну «в личную гасиенду», поскольку «накопил личное богатство, оцененное в 200 миллионов долларов, и 20 миллионов акров земли». Показательно: смерть диктатора в 1935 году была отмечена в Венесуэле недельной «вспышкой народных выступлений», во время которых демонстранты выплескивали свой гнев, уничтожая «его портреты, статуи и здания», и даже «учинили резню» части его «подхалимов»<sup>139</sup>.

Власть Гомеса зиждилась на местных каудильо (сильных лидерах), армии, укомплектованной его приверженцами, и широкой сети шпиков. Те, кто его осуждал, становились жерт-

вами преследований. Поверенный в делах США Джон Кэмпбелл Уайт сообщал, что с заключенными в Венесуэле обращаются со «средневековой жестокостью». А Соединенные Штаты были всегда готовы вмешаться, если им это потребуется. В 1923 году США отправили в Венесуэлу отряд командос для демонстрации поддержки Гомеса в связи со слухами о готовящейся революции – как оказалось, беспочвенными<sup>140</sup>.

Поскольку экономика страны все больше зависела от доходов с добычи нефти, Гомес привлек нефтяные компании к составлению выгодного для промышленников Закона о нефти 1922 года. Компании получали колоссальные прибыли. А вот их рабочие, как и окружающая среда, оказались в куда меньшем выигрыше: нередко происходили несчастные случаи и утечки нефти. Так, в результате прорыва скважины в 1922 году нефть разлилась на 5,7 тысячи кв. гектаров, почти миллион баррелей нефти вылился в озеро Маракайбо<sup>141</sup>.

В то время как Гомес купался в роскоши и зачинал, по слухам, 97 внебрачных детей, его родственники и приспешники, которых называли «гомесистами», скупали лучшие земельные участки, а затем перепродавали иностранным компаниям, нажив тем самым целые состояния для себя и своего вожака, тогда как их соотечественники владели нищенское существование. Тем временем производство нефти в стране подскочило с 1,4 миллиона баррелей в 1921 году до 137 миллионов баррелей в 1929-м: по добыче нефти Венесуэла уступала только США, а по объему экспорта вышла на первое место в мире. Из трех компаний, доминировавших на венесуэльском рынке, две были американскими: Gulf и Pan American – последнюю купила в 1925 году компания Standard Oil of Indiana<sup>142</sup>. Объединившись, эти две компании в 1928 году обошли английскую Royal Dutch Shell в качестве крупнейшего производителя нефти в Венесуэле, и к моменту смерти Гомеса на их долю приходилось 60 % нефтедобычи в стране<sup>143</sup>.

Но постепенно нарастала левая оппозиция диктатуре Гомеса и его преемников. Рабочие нефтяной промышленности время от времени бастовали, требуя улучшения условий труда и увеличения заработной платы, а в 1928 году студенты Центрального университета в Каракасе, которых потом называли «поколением двадцать восьмого года», подняли восстание против диктатуры, за более демократическую форму правления. В 1945 году, после многолетней борьбы, левая партия «Демократическое действие» Ромуло Бетанкура сумела свергнуть режим генерала Исаяса Медины Ангариты. Бетанкур добился таких отношений с нефтяными компаниями, которые больше отвечали интересам Венесуэлы. Его сместили с поста в 1948 году в результате военного переворота. Признавая необходимость иностранных инвестиций, эти прогрессивные реформаторы оставили потомкам в наследство опыт радикального патриотического и антиимпериалистического сопротивления эксплуатации венесуэльских ресурсов иностранными нефтяными компаниями<sup>144</sup>.

К 1920 году американцы уже устали от «идеализма» Вильсона. Они были готовы к тому, что Уоррен Гардинг назвал «возвращением к норме», а это, с точки зрения первых двух республиканских президентов того десятилетия, означало возвращение к посредственности. Правительства Гардинга, Кулиджа и Гувера искали возможность расширить американское экономическое влияние в Латинской Америке, не прибегая к тяжеловесной дипломатии канонеров, характерной для правления Рузвельта, Тафта и Вильсона. Во время избирательной кампании 1920 года Гардинг ухватился за реплику кандидата в вице-президенты (*от Демократической партии*) Франклина Д. Рузвельта о том, что, будучи помощником министра ВМС, он лично написал конституцию Гаити. Гардинг заверил своих слушателей: став президентом, он, Гардинг, не станет «уполномочивать помощника министра ВМС составлять конституцию для беспомощных соседей в Вест-Индии и заталкивать ее им в глотку штыками американских морских пехотинцев». Он перечислил и другие поступки Вильсона, которых сам никогда не совершит: «И я также не буду злоупотреблять президентской властью, чтобы под покровом тайны неоднократно и необоснованно вмешиваться во внутренние дела малых республик Западного полу-

шария, в результате чего за последние несколько лет мы не только нажили врагов среди тех, кто должен быть нашими друзьями, но и дискредитировали образ нашей страны как доброго соседа»<sup>145</sup>.



*Правление венесуэльского диктатора генерала Хуана Висенте Гомеса, отличавшегося жестокостью и жадностью, сделало его страну любимицей американских и английских нефтяных компаний. Сколачивая личное состояние, Гомес использовал местных каудильо, армию, укомплектованную его приверженцами, и широкую сеть шпионов, стремясь гарантировать, что Венесуэла всегда будет предана нефтяным интересам Запада.*

На самом деле Гардинг и его преемники-республиканцы обрели друзей скорее среди американских банкиров, чем среди жителей тех самых «малых республик». В мае 1922 года журнал *The Nation* сообщил, что в Никарагуа вспыхнуло восстание против «чрезвычайно непопулярного президента – ставленника банка “Браун бразерс”. Когда революционеры захватили крепость, господствующую над столицей, командир подразделения морской пехоты США просто предупредил их, что применит артиллерию, если они не отступят». *The Nation* счел этот случай обычным для политики США в Латинской Америке, где американские банкиры управляли целыми странами через марионеточные правительства, сидящие на американских штыках. Журнал яростно возмущался таким плачевным положением дел:

«К югу от наших границ лежат – или лежали – двадцать независимых республик. По крайней мере пять из них: Куба, Панама, Гаити, Санто-Доминго и Никарагуа – уже низведены до статуса колоний и обладают в лучшем случае фикцией самоуправления. Еще четыре: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика и Перу, – кажется, находятся в процессе низведения до того же статуса. Мистер Хьюз не относится к Мексике как к суверенному независимому государству. Как далеко это может зайти?.. Суждено ли США создать великую империю в нашем полушарии – империю, над которой конгресс и американский народ не имеют никакой власти, империю, управляемую горсткой банкиров Уолл-стрит, в чье распоряжение Госдепартамент и Министерство ВМС любезно предоставляют свои возможности? Это вопросы, которые люди – простые люди, чьи сыновья умирают от тропической лихорадки или от пули патриота, – имеют право задать»<sup>146</sup>.

После Великой войны США не только не проводили изоляционистскую политику, но и отыскивали для расширения пределов своей империи куда более эффективные средства, чем война. В действительности война оставила чрезвычайно горький привкус у большинства американцев. Хотя их участие в Первой мировой войне было относительно недолгим и почти по всем показателям чрезвычайно успешным, сама природа вооруженной борьбы, да еще и омраченная окопной и химической войной, а также шаткое послевоенное урегулирование в совокупности привели к тому, что слава войны поблекла. Постепенно американцы все больше разочаровывались. Война за безопасность мира и демократии, похоже, потерпела фиаско. Почти не осталось надежды и на то, что эта война положит конец всем войнам. И хотя кое-кто цеплялся за веру, что США участвовали в великом крестовом походе за свободу и демократию, для остальных эта фраза была пустым звуком. Это разочарование проявилось в литературе «потерянного поколения» – книгах Э. Э. Каммингса, Джона Дос Пассоса, Эрнеста Хемингуэя, Эзры Паунда, Томаса Бойда, Уильяма Фолкнера, Лоуренса Сталлингса, Ирвина Шоу, Форда Мэдокса Форда, Далтона Трамбо и других авторов, – когда страна снова поняла, что первоначальная эйфория войны будет стерта реальностью того, к чему на самом деле она приводит. В романе Дос Пассоса «Три солдата», написанном в 1921 году, раненый главный герой, Джон Эндрюс, с трудом переживает визит представителя Молодежной христианской органи-

зации, пытающегося поднять солдату настроение и потому говорящего: «Мечтаете, должно быть, поскорее вернуться на фронт и уложить там побольше гуннов? ... великое дело сознавать, что исполняешь свой долг... Гунны – варвары, враги цивилизации». Эндрюс испытывает отвращение при мысли, что «все самое лучшее» превратилось вот в это. Дос Пассос пишет: «Бешеная безысходная злоба сжигала его... Но должно же существовать в мире что-то еще, кроме ненависти, алчности и жестокости...»<sup>147</sup> [Пер. В. Азова].

Кое-кто открыто выражал свой гнев в отношении войны. Кто-то – лишь глубокое чувство разочарования. В 1920 году в книге «По эту сторону рая» Ф. Скотт Фицджеральд написал об Эймори Блейне и его молодых друзьях: «И вот новое поколение... выросло и узнало: все боги – мертвы, все войны – проиграны, все надежды на человечность – обмануты»<sup>148</sup>. Гертруда Стайн обнаружила то же самое чувство скуки у Эрнеста Хемингуэя и его вечно пьяных друзей и заметила: «Вся молодежь, побывавшая на войне. Вы – потерянное поколение»<sup>149</sup> [*«Праздник, который всегда с тобой»* в пер. М. Брука, Л. Петрова и Ф. Розенталя].

Кинематограф не отставал от литературы: Голливуд выпустил несколько успешных антивоенных фильмов, и некоторые из них до сих пор считаются классикой. «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921) Рекса Ингрэма принесли мгновенную славу Рудольфу Валентино. «Большой парад» Кинга Видора стал главным кассовым успехом 1925 года. «Крылья» (1927) Уильяма Уэллмана стали первым фильмом, получившим «Оскара» за лучший фильм, а потрясающая картина «На Западном фронте без перемен» (1930) Льюиса Майлстоуна остается одним из величайших антивоенных фильмов всех времен.

К тому же война, как выяснилось, приводит к падению морали в самых разных отношениях. Триумфальное продвижение цивилизации, наблюдавшееся до войны и основанное на вере в прогресс человечества, было перечеркнуто войной, которая наглядно показала всю глубину варварства и развращенности. Если говорить просто, то угасла вера в возможности человека и человеческую порядочность. Это, разумеется, стало очевидным по обе стороны Атлантики. Ярким примером может служить Зигмунд Фрейд, чье имя в 1920-х годах было известно каждой американской семье. Если до войны он в своей теории делал упор на столкновение принципа удовольствия и принципа реальности, то теперь ему на смену пришел глубокий пессимизм в отношении человеческой природы, выразившийся в повышенном интересе к инстинкту смерти.

Отрицательные представления о человеческой природе отразились и в утрате веры в присущие человеку возможности. Армия предоставила психологам обширную лабораторию для проведения экспериментов в области человеческого интеллекта, а 3 миллиона призывников обеспечили потрясающий резерв подопытных кроликов в человеческом обличье. Работая с военнотружениками, многие из которых проходили тестирование в Форт-Оглторпе (штат Джорджия), психологи провели проверку умственных способностей у 1 миллиона 727 тысяч новобранцев, включая 41 тысячу офицеров. Полученные сведения об уровне образования личного состава оказались неожиданными. Приблизительно 30 % новобранцев были неграмотны<sup>150</sup>. Уровень образования сильно отличался в зависимости от социальной группы и варьировался от среднего показателя в 6,9 класса у коренных белых американцев и 4,7 класса у иммигрантов – до 2,6 класса у чернокожих южан. Результаты проверок умственных способностей отрезвляли еще сильнее. Тесты – пусть приблизительные и не лишённые известной предвзятости – показали, что целых 47 % белых призывников и 89 % афроамериканцев «умственно отстают»<sup>151</sup>.

Но наиболее ярко процесс ухудшения представлений о человеческом интеллекте проявился в послевоенной рекламе. 1920-е часто считаются «золотым веком» рекламы – в это десятилетие она расцвела и превратилась в основной вид капиталистического искусства. Как показал Мерл Керти в своем исследовании журнала рекламного дела *Printer's Ink*, до 1910 года рекламодатели в целом считали потребителей людьми разумными и корыстными – следова-

тельно, реклама апеллировала именно к этим качествам. Однако между 1910 и 1930 годами большинство комментариев указывало на то, что рекламодатели стали считать потребителей людьми неразумными. В результате рекламные объявления все больше отказывались от причинно-следственного подхода и обращались к сфере воображения и эмоциям<sup>152</sup>. Один из ораторов на съезде рекламодателей в 1923 году в Атлантик-Сити уловил этот нюанс и предупредил слушателей: «Обратитесь в своей рекламе к разуму – и вас услышит не больше четырех процентов человечества»<sup>153</sup>. Среди рекламистов это изречение стало расхожей истиной. Уильям Эсти из *Walter Thompson Agency* сообщил коллегам, что, по мнению специалистов, «бесполезно обращаться к массам, апеллируя к их разуму или логике»<sup>154</sup>. Джон Бенсон, президент Американской ассоциации рекламных агентств, в 1927 году заметил: «Если сказать чистую правду, она может и не привлечь людей. Возможно, людей нужно дурачить для их же собственной пользы. Врачи и даже проповедники знают это и пользуются этим. Средний уровень интеллекта удивительно низок. Им намного эффективнее управлять, опираясь на подсознательные побуждения и инстинкты, чем с помощью рассудка»<sup>155</sup>.

Наиболее очевиден этот послевоенный пессимизм в письмах Уолтера Липпмана, являвшегося во многих отношениях ведущим американским интеллектуалом того десятилетия. В довоенный период Липпман был сторонником прогрессивных взглядов, одним из виднейших социалистов, но после войны его вера в разумность человека постоянно ослабевала. В своей классической работе «Общественное мнение» (1922) он ввел термин «стереотипы», называя так образы, возникающие в умах людей, но не отвечающие действительности. Он предлагал заменить специалистов с научной подготовкой представителями широкой публики, для которой мир стал слишком сложным. Через два года, когда он издал книгу «Призрачная общественность», его вера в демократию ослабела еще больше. Лучшее, что могут сделать люди, считал он, – это выбрать себе хороших руководителей. Затем, в классическом исследовании «Предисловие к нравам» (1929), он потерял веру в то, что само существование человека в бессмысленной вселенной имеет хоть какую-то цель, – эти взгляды отразили широкий экзистенциальный кризис, охвативший США в 1929–1930 годах.

Самым едким критиком демократии был, конечно, Г. Л. Менкен, «мудрец из Балтимора». Менкен называл человека обыкновенного, погрязшего в религии и других суевериях, «болваном», представителем вида «болван американский». Ученый выражал презрение к тем самым мелким фермерам, которых Джефферсон возвел в ранг основы демократии, и возмущенно восклицал: «Нас просят уважать этого хваткого идиота как... примерного гражданина, краеугольный камень государства! К черту его, и чтоб ему пусто было»<sup>156</sup>.

К началу 1920-х годов Америка Джефферсона, Линкольна, Уитмена и молодого Уильяма Дженнингса Брайена прекратила свое существование. На смену ей пришел мир Мак-Кинли, Тедди Рузвельта, Эдгара Гувера и Вудро Вильсона. Ошибки Вильсона во многих отношениях венчают период, в который уникальная американская смесь идеализма, милитаризма, алчности и политического прагматизма выдвинула страну в число ведущих мировых держав. Вильсон заявлял: «Америка – единственная идеалистическая нация в мире», – и поступал так, словно действительно верил в это<sup>157</sup>. Он надеялся распространить демократию, положить конец колониализму и преобразовать мир. Список сделанного им далеко не так хорош. Поддерживая право на самоопределение и выступая против формальной империи, он неоднократно вмешивался во внутренние дела других стран, включая Россию, Мексику и всю Центральную Америку. Поощряя реформы, он глубоко опасался фундаментальных, порой революционных перемен, которые на деле улучшили бы жизнь людей. Выдвигая на первый план социальную справедливость, он считал право собственности священным, не подлежащим никаким посягательствам. Поддерживая идеи общечеловеческого братства, он считал всех небелых низшими расами и восстановил расовую дискриминацию федеральных служащих. Превознося демокра-

тию и верховенство закона, смотрел сквозь пальцы на вопиющее попрание основных прав и свобод граждан. Осуждая империализм, одобрил сохранение имперских порядков во всем мире. Предложив мягкий мир без аннексий и контрибуций, молчаливо согласился на суровый мир с карательными санкциями и невольно способствовал созданию условий для прихода в будущем к власти Гитлера и нацистов. Удивительно топорная работа Вильсона в Версале и удивительная негибкость по возвращении в США помогли сенату провалить ратификацию мирного договора и вступление страны в Лигу Наций.

Таким образом, последствия войны не исчерпывались ужасами, пережитыми на полях сражений. США так и не стали членом Лиги Наций, в результате чего эта организация не имела силы остановить фашистских агрессоров в 1930-е годы. Разоблачение того, что США вступили в Первую мировую войну под надуманными предлогами, а в результате банкиры и производители оружия – позднее получившие прозвище «торговцев смертью» – загребали огромные прибыли, вызвало широко распространенный скептицизм в отношении американского участия в войнах за рубежом, когда США пришлось сражаться с настоящей «осью зла»: Германией, Италией и Японией. К тому времени, когда Соединенные Штаты наконец-то вмешались, во многих отношениях уже было поздно. Однако необходимость нанести окончательное поражение фашизму предоставит США возможность восстановить часть того демократического, эгалитарного наследия, на котором базировались их прежнее величие и моральное лидерство. И хотя США вступили во Вторую мировую войну достаточно поздно, они оказали существенную помощь в разгроме фашизма в Европе, а в разгроме милитаристской Японии сыграли решающую роль. Но, сбросив под конец войны атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, Соединенные Штаты еще раз доказали, что не готовы обеспечить такое лидерство, в котором отчаянно нуждался мир.

## Глава 2

### Новый курс: «Я приветствую их ненависть»

К моменту инаугурации Франклина Делано Рузвельта 4 марта 1933 года мир уже был мало похож на тот, в котором Рузвельт баллотировался в вице-президенты. В 1920 году весь мир залечивал раны Первой мировой войны. В 1933 году повсюду возникли трудности, казавшиеся непреодолимыми. США уже четвертый год не могли выбраться из трясины Великой депрессии – самого страшного кризиса за всю историю. Уровень безработицы достиг 25 %, валовой национальный продукт сократился вдвое, а доход от сельского хозяйства упал в два с половиной раза. Больше чем вдвое снизился и объем промышленного производства. Банковская система потерпела полный крах. Во всех городах выстроились длинные очереди безработных за бесплатным питанием. По улицам бродили бездомные. Нищета охватила большинство американцев, в воздухе витало отчаяние<sup>1</sup>.

Однако другие страны оказались даже в более бедственном положении, чем США. В отличие от США, которые пережили в 1920-х годах период относительного процветания, большинство воевавших стран так и не смогли оправиться от разрушений, причиненных военными действиями. У их граждан не было денег на «черный день», которые могли бы смягчить последствия жесточайшего экономического кризиса. Обстановка накалялась повсюду.

В Италии на тот момент уже 11 лет существовала диктатура, и Бенито Муссолини крепко держал бразды правления в своих руках. В Германии, воспользовавшись недовольством населения и экономическими трудностями, к власти пришли национал-социалисты во главе с Гитлером. Всего за неделю до того, как Рузвельт вступил в должность, Гитлер укрепил свою личную диктатуру, используя поджог Рейхстага как предлог для яростной травли немецких коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов и левой интеллигенции.

Тучи сгустились и в Азии. В сентябре 1931 года японские войска захватили Маньчжурию, на которую уже давно зарились. Это была богатая природными ресурсами область, расположенная между СССР, Китаем и Кореей, которую в 1932 году японцы переименовали в Маньчжоу-го<sup>17</sup>. В 1933 году, после ряда протестов других стран, Япония демонстративно вышла из состава Лиги Наций.

Несмотря на тяжелые последствия Великой депрессии, граждане США все же смотрели в будущее с оптимизмом. В день инаугурации Рузвельта на первой полосе *New York Times* появилась статья, автору которой удалось запечатлеть всеобщий восторг по поводу смены правительства:

«Американцы – это народ, в котором надежда не угасает никогда... Но граждане США никогда еще не ждали инаугурации президента с таким нетерпением, как в этом году... они проявили необычайное терпение и пережили множество трудностей, с которыми, по мнению миллионов, справится господин Рузвельт, придя в Белый дом... Господин Рузвельт производит впечатление человека жизнерадостного, он не

---

<sup>17</sup> Завершив в феврале 1932 года оккупацию Маньчжурии, Квантунская армия приступила к осуществлению плана создания на этой территории формально независимого государства под японским протекторатом. 1 марта 1932 года в Маньчжурии было образовано новое государство – Маньчжоу-го – со столицей в Чанчуне. Японские военные власти торопились осуществить это до приезда в Маньчжурию комиссии Лиги Наций во главе с Литтоном, чтобы поставить внешние державы перед свершившимся фактом. Главой этого марионеточного государства стал Пу И, последний представитель династии Цин, царствовавшей в Китае до Синхайской революции 1911–1913 годов. Весь чиновничий аппарат Маньчжоу-го полностью находился под контролем Квантунской армии, ей же принадлежала вся полнота власти в Маньчжоу-го.

унывает перед лицом бесчисленных трудностей, с которыми ему предстоит столкнуться... Даже граждане, пребывавшие прежде в унынии, не устают восхищаться президентом, который вступает в должность с верой в то, что “для Соединенных Штатов нет ничего невозможного”... Ни один президент США еще не приходил к власти, пользуясь таким безграничным доверием, ни на одного из предшественников Рузвельта еще не возлагали столько надежд<sup>2</sup>.

Рузвельт решил прибегнуть к радикальным мерам – и его поддержала вся страна. Демократы контролировали обе палаты конгресса, а народ требовал решительных действий. Уилл Роджерс, известный американский комик, как-то сказал о первых днях правления нового президента следующее: «Если бы он даже сжег Капитолий, то мы бы все радовались и говорили: вот видите, из искры возгорелось пламя»<sup>3</sup>.

В своей инаугурационной речи, которой с нетерпением ожидала вся страна, Рузвельт призвал нацию к борьбе. Сегодня его заявление о том, что «единственное, чего нам следует бояться, – это самого страха», кажется безрассудным, оторванным от действительности, учитывая масштабы кризиса. Но президент был связан с другой реальностью: с отчаянной необходимостью для Америки обрести новую надежду и веру в будущее. Именно это Рузвельт принял за возрождать с первых дней правления.

В своей речи он назвал тех, из-за кого страна оказалась в таком бедственном положении: «Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть в этот храм исконные ценности. Мерой такого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль». Президент призвал «установить строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью» и «положить конец спекуляциям с чужими деньгами»<sup>4</sup>.

Однако политику, которую Рузвельт собирался проводить на новой должности, он в своей речи не осветил. В ходе предвыборной кампании он изредка критиковал президента Герберта Гувера за неумеренную трату государственных средств и дефицит бюджета. Другой темой его выступлений были страдания простых людей и призывы к вступлению на «Новый курс». Теперь же ему предстояло решить ряд насущных проблем весьма практического характера. Гувер обвинил своего преемника в том, что тот лишь ухудшил положение дел, проигнорировав предложение теперь уже бывшего президента действовать сообща на протяжении четырех месяцев между избранием Рузвельта в ноябре и инаугурацией, назначенной на март. Но теперь ожиданию пришел конец, и реформе в первую очередь должна была подвергнуться банковская система.

В период с 1930 по 1932 год обанкротился каждый пятый банк в США. Остальные едва держались на грани краха. 31 октября 1932 года, в то время как губернатор штата Невада отправился в Вашингтон, чтобы получить заем из федеральной казны, вице-губернатор Морли Грисуолд объявил 12-дневные «банковские каникулы», в течение которых вкладчики не могли снять деньги со своих счетов и тем самым разорить банки. Мэры и губернаторы по всей стране внимательно следили за ситуацией в этом штате, но все же не решались последовать примеру Невады. Ситуация стала совсем тревожной, когда 14 февраля «банковские каникулы» продолжительностью в восемь дней объявили и в штате Мичиган, в результате чего временно прекратили работу 550 национальных банков и банков штата. *New York Times* заверила обеспокоенных читателей, что «нельзя считать случившееся [в Мичигане] созданием прецедента». И тем не менее, когда напуганные вкладчики выстроились в очереди перед местными банками, чтобы забрать оттуда все свои деньги, пока у них есть такая возможность, примеру Мичигана последовали Мэриленд и Теннесси, а также Кентукки, Оклахома и Алабама<sup>5</sup>. К моменту ина-

угурации Рузвельта деятельность банков была полностью заморожена или по меньшей мере серьезно ограничена уже по всей стране.



*Франклин Делано Рузвельт и Герберт Гувер по дороге на церемонию инаугурации Рузвельта, проходившую в Капитолии 4 марта 1933 года. Вступления нового президента в должность с нетерпением ожидала вся страна. Уилл Роджерс заметил по поводу первых дней правления Рузвельта следующее: «Если бы он даже сжег Капитолий, то мы бы все радовались и говорили: вот видите, из искры возгорелось пламя».*

Для радикальной реформы банковской системы на тот момент уже создались все необходимые предпосылки. Социальный протест против банкиров назревал еще с момента биржевого краха. Так, годом ранее, в феврале 1932-го, журналистка *New York Times* Энн О'Хара Маккормик писала о растущем недовольстве деятельностью банкиров с Уолл-стрит по всей стране: «В стране, которая пострадала от банкротства более двух тысяч банков за один прошлый год... именно банкиров винят во всех бедах, обрушившихся на нас и на весь мир. На памяти целого поколения, если не больше, американцы не испытывали такой ненависти к финансовым магнатам... Простые граждане всегда подозревали, что у финансовых воротил отсутствуют какие бы то ни было моральные устои, но теперь это недоверие вышло на новый уровень: люди впервые усомнились в наличии у банкиров здравого смысла»<sup>6</sup>.

Год спустя недоверие к банкирам с Уолл-стрит достигло своего апогея – масла в огонь подлили сенаторы, обратившие свои пристальные взоры на роль банков в развале экономики. Питер Норбек, председатель сенатского комитета по банкам и денежному обращению, поручил провести расследование по этому вопросу бывшему заместителю окружного прокурора Нью-Йорка Фердинанду Пекоре, который стал выводить на чистую воду ведущих банкиров США. Сообщив, что Чарльз Митчелл, влиятельный председатель правления *National City Bank*, крупнейшего банка в мире, предстанет перед судом для дачи свидетельских показаний, Норбек, республиканец от штата Северная Дакота, сделал следующее заявление: «В ходе расследования выяснилось, что некоторые крупные банки сыграли не последнюю роль в недавнем искусственном биржевом буме... некоторые из них участвовали в финансовых махинациях... По сути, они попросту вежливо обворовывали население». Норбек добавил: когда совет управляющих Федеральной резервной системы в Вашингтоне попытался замедлить рост курсов акций на бирже, Митчелл, председатель Нью-Йоркского федерального резервного банка, «проигнорировал мнение других членов правления и форсировал биржевой бум. Он наплевательски отнесся к решению совета и вышел сухим из воды»<sup>7</sup>.

Новостям о предстоящем слушании посвящали передовицы всех газет. Пекора уличал в мошенничестве и прочих прегрешениях одного банкира за другим, упрекая их за баснословные зарплаты, неуплату налогов, скрытые привилегии, неэтичное поведение и другие проступки. Митчелл, один из самых влиятельных людей в США, вынужден был уйти в отставку. Однако ему удалось добиться оправдания от обвинения в неуплате подоходного налога на сумму 850 тысяч долларов, из-за которых его чуть не приговорили к 10 годам тюремного заключения.



*«Набег на банк», февраль 1933 года. В период с 1930 по 1932 год обанкротился каждый пятый банк в США. К моменту инаугурации Рузвельта деятельность банков была полностью заморожена или по меньшей мере серьезно ограничена по всей стране.*

В прессе банкиров (по аналогии с гангстерами) все чаще стали называть «банкстерами». Как отмечалось в журнале *The Nation*, «если человек украл 25 долларов, его называют вором; если 250 тысяч – казнокрадом; а если два с половиной миллиона, то имя ему – финансист»<sup>8</sup>. Как видим, в сложившейся ситуации Рузвельт получил полную свободу действий. Советник Рузвельта из его «мозгового треста» Реймонд Моули писал по этому поводу следующее: «Критического момента недоверие народа к банкирам достигло 5 марта 1933 года – именно тогда из этой капиталистической системы и высосали последние соки». Сенатор Бронсон Каттинг пришел к выводу, что в тот момент Рузвельт «с легкостью» мог бы национализировать все банки. На этом же настаивал и Рексфорд Гай Тагуэлл, глава управления по регулированию сельского хозяйства, вместе с остальными советниками президента.

Но Рузвельт выбрал для своей страны более консервативный курс. Он объявил о начале четырехдневных национальных «банковских каникул» и в первый же день своего официального правления встретился с ведущими банкирами страны. После этого он созвал специальную сессию конгресса, на которой был принят ряд чрезвычайных законов, а затем выступил с радиообращением к обеспокоенным гражданам, которое стало первой из его так называемых «бесед у камина»<sup>18</sup>. Первым законодательным актом, принятым конгрессом и подписанным Рузвельтом, стал «Чрезвычайный закон о банках», в составлении которого принимали участие преимущественно сами банкиры. Согласно этому закону, реформа банковской системы должна была происходить без радикальных изменений. По этому поводу конгрессмен Уильям Лемке саркастически заметил: «4 марта президент изгнал меня из Капитолия, а 9 марта они все вернулись на свои места»<sup>9</sup>. Решение банковского кризиса станет образцом для проведения большинства реформ Рузвельта. Он действовал как истинный консерватор, пытаясь спасти капитализм от самих капиталистов. По словам министра труда Френсис Перкинс, которая стала первой женщиной – членом правительства в истории США, Рузвельт «принимал существующее положение в экономической системе как данность – такую же, как, скажем, любовь своих близких... Его все устраивало»<sup>10</sup>. Но реформы, с помощью которых он пытался удержать капитализм на плаву, были смелыми, дальновидными и человечными. Они изменяют жизнь американского народа на десятилетия, а возможно, и больше.

Но, пусть и не прибегая к радикальным мерам, уже в первые сто дней после вступления в должность Рузвельт предложил весьма амбициозный план восстановления экономики. В рамках этой программы президент создал ряд новых ведомств: так, например, Управление по регулированию сельского хозяйства должно было поставить на ноги сельскохозяйственную отрасль, а Гражданский корпус охраны природных ресурсов – привлечь молодежь к работе в лесах и парках, в то время как Федеральное управление по оказанию чрезвычайной помощи (ФЕРА) во главе с Гарри Гопкинсом должно было обеспечить помощь штатам на федеральном уровне. Наряду с этими учреждениями были созданы Управление общественных работ (УОР) под руководством Гарольда Икеса для осуществления крупных общественных работ и Национальное управление восстановления (НУВ) для обеспечения восстановления промышленно-

---

<sup>18</sup> «Беседы у камина» – радиообращения президента Ф. Д. Рузвельта, в которых он излагал свою позицию по основным внутренним и внешним проблемам и предлагал пути их разрешения. За 12 лет своего президентства Рузвельт провел не более 30 бесед.

сти. В тот же период был принят закон Гласса–Стиголла, по которому разделялись депозитные и инвестиционные функции банков и вводилось федеральное страхование банковских вкладов.

НУВ, созданное согласно Закону о восстановлении американской промышленности (Рузвельт считал его «самым важным и перспективным законодательным актом за всю историю работы американского конгресса»), выполняло отчасти те же функции, что и Совет по военной промышленности, который возглавлял Бернард Барух во время Первой мировой войны<sup>11</sup>. НУВ приостановило действие антитрестового законодательства, вколотив последний гвоздь в крышку гроба «свободной конкуренции». Централизованное управление должно было вдохнуть новые силы в расшатанную экономику страны. Под контролем НУВ каждая отрасль вырабатывала своего рода кодексы, определявшие уровень зарплаты, цен на продукцию, квоты выпускаемой продукции и условия труда. Однако в составлении этих кодексов решающее слово было за крупными корпорациями, а трудящиеся и потребители играли весьма скромную роль, и то не всегда.

В силу того что Закон о восстановлении американской промышленности составлялся в большой спешке, изначально в нем не были четко прописаны основные принципы, на которых основывался «Новый курс». Многие либералы встретили его с одобрением. Журнал *The Nation* окрестил его шагом к «коллективизированному обществу»<sup>12</sup>. Своим ярким колоритом НУВ обязано тому факту, что главой организации Рузвельт назначил генерала Хью Джонсона, помощника Баруха. Они тесно сотрудничали еще во времена Совета по военной промышленности. Оставив военную службу, Джонсон стал советником Баруха по деловым вопросам. Именно назначение Джонсона на руководящую должность позднее дало основание обвинять Рузвельта в том, что его «Новый курс» носит профашистский характер. Эту абсурдную и рискованную точку зрения позднее взял на вооружение Рональд Рейган, а вслед за ним – и наш современник, писатель-консерватор Иона Голдберг. Рейган многих задел за живое, заявив в ходе избирательной кампании 1976 года, что «именно фашизм был основой “Нового курса”»<sup>13</sup>.

Джонсон был скорее исключением, чем правилом. Он не скрывал своих симпатий к фашизму. В сентябре 1933 года он организовал парад НУВ, в котором приняли участие 2 миллиона американцев. Участники демонстрации прошли по Пятой авеню, где с трибуны за ними наблюдал сам Джонсон. В журнале *Time* по этому поводу писали следующее: «Генерал Джонсон с поднятой в фашистском приветствии рукой объявил парад “величайшей демонстрацией из всех, что я видел”»<sup>14</sup>. Джонсон, кроме того, подарил Френсис Перкинс экземпляр фашистского трактата «Корпоративное государство», написанного итальянцем Рафаэлло Вильоне. В конце концов Рузвельт вынужден был снять его с должности из-за эксцентричного поведения, несносного характера, пьянства и пренебрежительного отношения к рабочему классу. В своей необычайно эмоциональной прощальной речи он воспел «славное имя» Бенито Муссолини<sup>15</sup>.



*Трудовой отряд Гражданского корпуса охраны природных ресурсов за работой в национальном лесу Бойз, штат Айдахо. По распоряжению*

*Управления общественных работ (УОР) рабочие носят кирпичи для постройки новой средней школы в штате Нью-Джерси. Создание Гражданского корпуса охраны природных ресурсов и УОР было частью весьма амбициозного плана по восстановлению экономики, предложенного Рузвельтом уже в первые сто дней после вступления в должность.*

На тот момент было неизвестно, куда приведет Рузвельт свою страну, став президентом, а потому некоторые издания не побоялись сравнить США с фашистской Италией. Так, в журнале *Quarterly Review of Commerce* осенью 1933 года появились следующие строки: «Некоторым его программа кажется движением к созданию американской версии фашизма. Действительно: полная концентрация всей власти в руках президента; новые кодексы, созданные в рамках Закона о восстановлении американской промышленности с целью регулирования конкуренции; определение нижней границы заработной платы и верхней – продолжительности рабочего дня в каждой отрасли; вся политика экономического планирования и координирования производственного процесса, – эти нововведения в большинстве своем совпадают с фашистской программой в Италии». Автор статьи акцентировал внимание читателей на презрительном отношении Джонсона к рабочему классу, которое проявилось даже в его обращении к народу 10 октября, а именно: «...открыто предупреждал рабочий класс, что в плане Рузвельта “нет места забастовкам”, равно как и оппозиции»<sup>16</sup>.



*НУВ, созданное в рамках Закона о восстановлении американской промышленности (Рузвельт считал его «самым важным и перспективным законодательным актом за всю историю работы американского конгресса»), вкололо последний гвоздь в крышку гроба «свободной конкуренции», приостановив действие антитрестового законодательства и поддержав централизованное управление.*

Хотя в 1930-е годы и появилось множество организаций правого крыла, фашистская угроза, о которой в 1935 году предупреждал в своем романе «У нас это невозможно» Синклер Льюис, никогда не представляла серьезной опасности в США. Однако это не значит, что идеи Муссолини и Гитлера не пользовались здесь успехом. Так, журналы *Time* и *Fortune* открыто поддерживали Муссолини. В 1934 году издатели последнего опубликовали хвалебную ста-

тью об итальянском фашизме, который олицетворяет «такие добродетели, издревле присущие отдельным расам, как дисциплина, чувство долга, доблесть, величие, самоотверженность»<sup>17</sup>. Многие представители «Американского легиона» также находили в себе подобные качества. Командир легиона Элвин Оусли в 1923 году сказал буквально следующее: «Фашисты в Италии – то же самое, что “Американский легион” в Соединенных Штатах», а в 1930-м Муссолини пригласили выступить с речью на национальном съезде этой организации<sup>18</sup>. Даже политики, занимающие выборные должности, не скрывали своего восхищения идеями итальянского диктатора – например, сенатор штата Пенсильвания Дэвид Рид заявил: «Нашей стране сейчас как никогда нужен свой Муссолини»<sup>19</sup>.

У Гитлера в США тоже нашлось немало сторонников. Так, печальную известность снижал конгрессмен-республиканец от Пенсильвании Луис Томас Макфадден. В мае 1933 года он выступил в палате представителей с обличительной речью против всемирного еврейского заговора, зачитывая цитаты из «Протоколов сионских мудрецов» – антисемитского трактата о еврейской угрозе. Его речь была опубликована в официальном издании *Congressional Record*. В тот день он заявил, что президент совсем позабыл о золотом стандарте и «отдал золото и честно заработанные деньги страны международным финансистам-евреям, чьим близким другом является сам Франклин Рузвельт». «Наша держава попала под власть международных менял, – настаивал он. – Разве нас, гоев (неевреев), не оставили с тленными бумажками, в то время как евреи получили наше золото и деньги, нажитые честным трудом? И разве не сами еврейские менялы написали этот закон об аннулировании долгов, который наделил их вечной, непреходящей властью?»<sup>20</sup>

Печально известный «радиопроповедник», отец Чарльз Кофлин из городка Ройял-Оук (штат Мичиган), зачастил на радио, стремясь изложить свои фашистские убеждения, все сильнее делая упор на антисемитизм. В издаваемом им еженедельнике *Social Justice* были опубликованы упомянутые выше «Протоколы сионских мудрецов» – в своем издании он призывал читателей присоединиться к народному ополчению Христианского фронта. В 1938 году Американский институт общественного мнения Гэллапа упомянул в своем докладе, что 10 % американских семей, имеющих радио, регулярно слушают проповеди Кофлина, а еще 25 % слушают их периодически. 83 % постоянных слушателей разделяют убеждения этого религиозного деятеля<sup>21</sup>. Даже в 1940 году *Social Justice* продолжал пользоваться успехом и расходился каждую неделю тиражом более 200 тысяч экземпляров<sup>22</sup>.

В то время создавались и более радикальные, ультраправые движения, которые черпали вдохновение в деятельности чернорубашечников Муссолини и коричневорубашечников Гитлера. «Серебряный легион» Уильяма Дадли Пелли насчитывал в 1933 году порядка 25 тысяч членов. Джеральд Уинрод, «канзасский нацист», чей журнал *Defender* расходился тиражом в сотню тысяч экземпляров, в 1938 году баллотировался в Сенат США от штата Канзас и получил 21 % голосов республиканцев на праймериз<sup>23</sup>. Страну наводнили экстремисты, объединившиеся в такие организации, как «Рыцари белой камелии» в Западной Вирджинии, «Рубашки хаки» в Филадельфии, «Белые рубашки крестоносцев» в Теннесси и «Христианская мобилизация» в городе Нью-Йорк<sup>24</sup>. Особое место среди подобных объединений по праву принадлежит средне-западному «Черному легиону», отделившемуся в 1925 году от Ку-клукс-клана. Сменив белые костюмы клана на черную униформу, легион уже к 1935 году завербовал в свои ряды от 60 до 100 тысяч американцев. Глава этой организации электрик Вирджил Эффинджер в открытую заявлял о необходимости массового истребления американских евреев<sup>25</sup>, пока федеральное правительство не приняло жестких мер и не разогнало легион в 1937 году. Кстати, Гарри Трумэн, неудавшийся галантерейщик, не принадлежавший к названным движениям, подал было заявление о вступлении в Ку-клукс-клан, но вовремя одумался.

На самом деле влияние Хью Джонсона на «Новый курс» было совсем незначительным, а на фоне деятельности ультраправых группировок – и вовсе незаметным. «Новый курс» не признавал фашистских методов: для его реализации вообще не требовалось какой-либо единой, согласованной философии. Главная роль в нем отводилась системе разнообразных учреждений. Рэймонд Моули писал по этому поводу, что считать «Новый курс» последовательным, продуманным планом – это все равно что «поверить, будто мягкие игрушки, бейсбольные карточки, школьные флажки, старые теннисные туфли, инструменты, учебники по геометрии и химический набор для опытов были не просто разбросаны мальчишкой по собственной комнате, а специально разложены таким образом руками дизайнера». Рузвельта больше интересовала практическая сторона, а не идеологическая. Он отводил правительству роль существенно большую, чем могли себе представить его предшественники<sup>26</sup>.

Рузвельт с самого начала сосредоточился на том, чтобы вывести экономику США из кризиса и обеспечить американцев рабочими местами. Международные проблемы отошли на задний план, о чем он открыто заявил на Лондонской экономической конференции в июле 1933 года. В апреле он уже издал ряд указов о принудительном обмене золота, находившегося в руках частных лиц и организаций, на бумажные деньги, но тем не менее не отказывался от перспективы возвращения США и, возможно, остального мира к золотому стандарту. К лету, однако, его настроение в корне переменялось. Потому, оказавшись перед выбором между инфляционной политикой восстановления экономики в собственной стране и объединением усилий с Европой в стабилизации валюты и возрождении международного золотого стандарта, Рузвельт предпочел первый вариант. 54 мировые державы прибыли на лондонский саммит, находясь в полной уверенности, что Рузвельт подпишет совместную декларацию с Великобританией и другими членами «золотого блока» о возобновлении золотого стандарта и стабилизации курса валют, однако их ждало разочарование – 3 июля Рузвельт объявил, что США не вернутся к прежней монетарной системе и не станут способствовать стабилизации обмена валют. Конференцию закрыли, большинство европейских лидеров остались ни с чем. Многие из них, в том числе Гитлер, пришли к выводу, что США не интересуется мировой политикой.

По возвращении в Штаты Рузвельт столкнулся с неоднозначной реакцией. Такие финансовые и банковские титаны, как Фрэнк Артур Вандерлип, Джон Пирпонт Морган и Иренэ Дюпон, предложили государству свою помощь – во всяком случае, прозвучали соответствующие публичные заявления<sup>27</sup>. В свою очередь, Моули высказал предположение, что девять из десяти банкиров – «даже те, что работают в Нижнем Манхэттене», – поддержали решение Рузвельта отказаться от золотого стандарта<sup>28</sup>. Однако бывший кандидат в президенты от Демократической партии Альфред Смит, известный ярый противник «Нового курса», раскритиковал кредитно-денежную политику Рузвельта, выступив в поддержку «золотого доллара» против «надувного». Он не смог скрыть своего удивления политикой президента и заявил, что «демократическая партия обречена всегда быть партией толстосумов, сторонников “серебряного стандарта”, отцов резиновых стандартов и просто безумцев»<sup>29</sup>.

Но, несмотря на заверения Моули, многие банкиры все же решительно выступили против валютной политики Рузвельта. Совещательный совет Федеральной резервной системы, в состав которого входили ведущие банкиры США, предупредил членов совета управляющих системы, что для восстановления экономики золотой стандарт необходим. «Мы снова и снова убеждаемся в том, – настаивали члены совещательного совета, – что стимулирование денежной и последующей кредитной инфляции – трагическая ошибка»<sup>30</sup>. Однако самой резкой критике подвергла самого Рузвельта и его реформы Торговая палата. Отклонив резолюцию о поддержке кредитно-денежной политики президента, члены палаты штата Нью-Йорк аплодировали стоя, когда железнодорожный магнат Леонор Фреснел Лори заявил: «Отмена золотого стандарта была таким же нарушением доверия и отказом от прежних договоренностей, что и нападение

Германии на нейтральную Бельгию»<sup>1931</sup>. К маю следующего года, устав от непрерывного потока критики, Рузвельт вынужден был отправить письмо членам Торговой палаты США, собравшимся на ежегодный съезд, в котором призвал их «прекратить поднимать ложную тревогу» и «объединить усилия в восстановлении экономики»<sup>32</sup>. Однако после этого нападки предпринимателей на президента и предложенный им «Новый курс» только участились. В октябре 1934 года в журнале *Time* отмечалось, что вражда коммерсантов и Рузвельта приобрела более личный характер: «Теперь дело не в противоречиях между представителями деловых кругов и правительством – теперь предприниматели выступают против самого Франклина Делано Рузвельта»<sup>33</sup>.

Политика Рузвельта, направленная на восстановление хозяйственной жизни США, распространялась абсолютно на все сферы деятельности. Он отказался от прежних намерений вступить в Лигу Наций и без колебаний пожертвовал внешней торговлей ради восстановления национальной экономики. Он даже пошел на сокращение численности армии, составлявшей в те годы 140 тысяч человек, из-за чего к нему тут же явился военный министр Джордж Дерн. Глава военного ведомства привел на эту встречу генерала Дугласа Макартура, который заявил, что президент ставит под угрозу безопасность США. В своих мемуарах Макартур вспоминает следующее:

«Президент излил на меня весь свой сарказм. Если его раздражить, в выражениях он не стеснялся. Ситуация накалялась... Я повел себя опрометчиво: подлил масла в огонь, сказав, что, когда мы проиграем следующую войну и какой-нибудь юнец будет лежать в грязи с вражеским штыком в животе, задыхаясь под тяжестью сапога неприятеля на горле, – надеюсь, свое последнее проклятие он произнесет в адрес Рузвельта, а не Макартура. Президент пришел в ярость. “Да как вы смеее так говорить с президентом!” – прорычал он».

Взбешенный Макартур принес свои извинения, попросил освободить его от обязанностей начальника штаба [*сухопутных войск*] и бросился прочь из кабинета президента, после чего его вырвало прямо на ступенях Белого дома<sup>34</sup>.

Открытое противостояние Уолл-стрит и военным в США 1930-х годов было умной политикой, а Рузвельт был в высшей степени проницательным государственным деятелем. В 1934 году промежуточные выборы показали, насколько сильно страна сдвинулась влево. По сути, значительная часть избирателей оказалась левее «Нового курса». Сломав все стандарты избирательной кампании, правящая партия одержала уверенную победу над оппозицией. Переизбранию подлежали 35 сенаторов [*из общего числа 96*]. Кандидаты от демократов победили в борьбе за 26 мест в сенате, благодаря чему получили в верхней палате 69 мест, в то время как республиканцам удалось сохранить лишь 25. Одно место получила Прогрессивная партия, еще одно досталось Фермерско-рабочей партии Миннесоты. Разрыв в палате представителей составил 322 места к 103, еще семь мест досталось Прогрессивной партии и три – Фермерско-рабочей партии. Газета *New York Times* назвала результаты этих промежуточных выборов «самой ошеломительной победой в истории американской политики, которая упрочила положение президента... и... буквально уничтожила правое крыло Республиканской партии»<sup>35</sup>.

Увидев в поражении своей партии тревожный симптом, сенатор-республиканец от штата Айдахо Уильям Бора заявил репортерам, что «если Республиканская партия не сменит свое

---

<sup>19</sup> В Первую мировую войну.

реакционное руководство и не вернется к своим прежним либеральным принципам, то она разделит участь партии вигов и погибнет из-за собственного политического малодушия». Он раскритиковал руководство собственной партии за то, что республиканские политические лидеры выступили против «Нового курса», «даже не предложив собственной программы, которая могла бы его заменить». Бора сетовал, что, когда республиканцы всей страны просят руководство партии предложить альтернативу «Новому курсу», «им предлагают Конституцию. Увы, Конституцией народ не накормишь»<sup>36</sup>.

В воздухе витали радикальные идеи. Эптону Синклеру, автору социологического романа «Джунгли», не хватило совсем немногих голосов, чтобы одержать победу в борьбе за пост губернатора Калифорнии. Свою кампанию он вел под лозунгом «Покончим с бедностью в Калифорнии!». Чтобы наладить производство, Синклер предложил передать необработываемые угодья фермерам, а остановленные фабрики – рабочим. В то же время калифорнийский врач Френсис Таунсенд заручился широкой поддержкой населения, предложив выплачивать пенсию в размере 200 долларов в месяц безработным старше 60 лет с целью стимулирования экономики. Свое видение будущего США предложил и губернатор Луизианы Хьюи Лонг, выдвинувший новую программу, известную как «Раздел богатств». Суть ее заключалась во введении жесткого прогрессивного налога, направленного против богатей, перераспределении национальных богатств и установлении более справедливого и равноправного общества.

Советский Союз, который со временем, когда мир узнает о бесконечной сталинской жестокости, зловещей тенью нависнет над американскими левыми, тогда, в начале 1930-х, усилил симпатии американцев к реформам левого толка. Складывалось впечатление, что советские коммунисты строят динамичное общество социальной справедливости, которое явится эффективной заменой прогнившему капиталистическому строю. В 1928 году советские руководители разожгли интерес американской интеллигенции, объявив о начале первой пятилетки, целью которой было формирование рациональной централизованной экономики, создающей изобилие благодаря научно-техническому прогрессу. Социалисты и сторонники других прогрессивных партий давно выступали за введение разумного планирования вместо анархичной системы, при которой каждый отдельный капиталист принимает решения, основываясь на стратегии извлечения максимальных прибылей. Так, концепции планирования вдохновлялись такими непревзойденными трудами, как социалистическая утопия Эдварда Беллами «Взгляд назад»<sup>20</sup>, увидевшая свет в 1888 году, и «Стадо и власть» Уолтера Липпмана, библия движения прогрессистов, вышедшая в свет в 1914 году. В итоге многие мыслители той эпохи согласились со словами издателя журнала *The Nation* Освальда Гаррисона Вилларда, который в конце 1929 года назвал СССР «величайшим экспериментом за всю историю человечества»<sup>37</sup>.

Итоги, похоже, подтвердили правильность его мысли. В то время как США и остальной капиталистический мир все глубже погружались в депрессию, советская экономика переживала резкий подъем. В начале 1931 года газета *Christian Science Monitor* сообщила, что СССР – не просто единственная в мире страна, избежавшая глобального кризиса, а страна, где рост промышленного производства за прошлый год достиг астрономической цифры в 25 %. В конце 1931 года корреспондент *The Nation* в Москве назвал советские границы «зачарованным кругом, над которым даже мировой экономический кризис не имеет никакой власти... В то время как за рубежом... банки терпят крах, в Советском Союзе не прекращаются строительство и национальное развитие»<sup>38</sup>. Разумеется, *The Nation* можно считать предубежденным изданием либерального толка, но похожие статьи в *Barron's*, *Business Week* и *New York Times* уже нельзя сбрасывать со счетов. Когда уровень безработицы в США достиг 25 %, в *Times* написали, что СССР готов принять иностранных рабочих, после чего отчаявшиеся американцы выстроились

<sup>20</sup> На русском языке также выходила под названиями «Взгляд на прошлое», «Золотой век», «В 2000 году», «Через сто лет» и др.

в очереди перед советскими представительствами в США. Несмотря на то что СССР официально опроверг эту информацию, по данным *Business Week*, Советское государство было готово принять 6 тысяч американцев из 100 тысяч подавших заявки. Казалось, Советский Союз на глазах у всего мира переживает чудесное превращение из отсталого аграрного государства в современную промышленную державу<sup>39</sup>.

Многие представители американской интеллигенции также стали считать СССР страной интеллектуального, художественного и научного прогресса, что выгодно отличалось от деградирующей буржуазной культуры США. В 1931 году экономист Стюарт Чейз писал: «Русским этот мир кажется удивительным, фантастическим, головокружительным». Еще через год он спрашивает на страницах своей книги: «Так почему все самое интересное в области преобразования мира должно достаться русским?»<sup>40</sup> Побывав в Советском Союзе, редактор *New Republic* Эдмунд Уилсон назвал СССР «моральной вершиной мира, где свет никогда не потухнет». Бесплатное медицинское обслуживание для всех, замечательные научные открытия, потрясающий экономический рост – по мнению большинства американцев, Советский Союз благодаря такому прогрессу полностью затмевал своих соперников-капиталистов, попавших в тиски экономического кризиса<sup>41</sup>.



*Марш протеста безработных в Камдене, штат Нью-Джерси. В 1934 году произошли всеобщие забастовки в Толедо, Миннеаполисе и Сан-Франциско, за ними последовала знаменитая стачка текстильщиков, после чего рабочие стали искать поддержки у радикальных групп. Безработные поддержали бастующих, отказавшись стать штрейкбрехерами.*

Достижения СССР способствовали резкому росту популярности Коммунистической партии США (КП США) – многие американцы искали тогда альтернативу капиталистической системе. Вдохновленная успехами компартия усилила радикальные настроения в стране в 1930-е годы, но все это было лишь частицей куда более сложной картины. В то десятилетие более радикальный характер приобрели многие движения, в том числе и далекие от компартии. Первыми отреагировали безработные. 6 марта 1930 года сотни тысяч американских граждан вышли на улицы, требуя рабочих мест и выплаты пособий. Недовольство народа разделяла и интеллигенция, не принявшая мещанский материализм жизни в Америке 1920-х годов и антиинтеллектуализм, присущий той эпохе: многие писатели и художники вынуждены были искать спасения в Европе. В 1932 году Эдмунд Вильсон очень точно описал сложившуюся в США ситуацию:

«Писателям и художникам моего поколения, выросшим в эру “большого бизнеса”, всегда была чужда культурная дикость бизнесменов... Эти годы не угнетали нас, а вдохновляли. Сложно остаться равнодушным, когда вдруг раскрывается такой чудовищный обман. Нас обуяло новое чувство свободы, которое придало нам новых сил, помогло удержаться на плаву, а вот банкирам пришлось для разнообразия испытать туманы на себе»<sup>42</sup>.

Выступления рабочих начались в 1933 году – как раз тогда наметились первые признаки восстановления экономики – и не стихали до конца десятилетия. В 1934 году произошли всеобщие забастовки в Толедо, Миннеаполисе и Сан-Франциско, за ними последовала знаменитая забастовка текстильщиков, после чего рабочие стали искать себе руководителей среди мастеров<sup>21</sup>, троцкистов и коммунистов. Советы безработных и лиги безработных оказывали поддержку бастующим и призывали своих членов не становиться штрейкбрехерами. Заручившись широкой поддержкой всех слоев рабочего класса, организаторы забастовок стали выходить за пределы одной отрасли, охватывая целые города, как это произошло в Сан-Франциско. Газета *Los Angeles Times* писала, что «ситуацию в Сан-Франциско нельзя назвать просто “всеобщей забастовкой”. На самом деле происходящее – настоящий бунт, возглавляемое коммунистами восстание против всего порядка управления»<sup>43</sup>. Портлендская газета *Oregonian* призывала президента вмешаться в события: «Сан-Франциско парализован, город бьется в страшной агонии мятежа. Несомненно, уже через несколько дней такая же стачка парализует и Портленд». Журналист газеты *San Francisco Chronicle* писал, что «радикалы не хотят урегулирования конфликта, они жаждут революции»<sup>44</sup>.

Это был желанный прорыв – ведь за предшествующие 13 лет профсоюзы подвергались постоянным преследованиям, их ряды таяли. Благодаря законодательству, созданному в рамках «Нового курса», которое предоставило рабочему классу больше возможностей бороться с предпринимателями, рабочее движение развернулось и на предприятиях тяжелой промышленности, особенно после создания в 1935 году Конгресса производственных профсоюзов. В формировании этого объединения ключевую роль сыграли коммунисты. Акции протеста часто перерастали в ожесточенные кровопролитные столкновения с властями. Но вожаки рабочих взяли на вооружение новую тактику – например, сидячие забастовки, которые в известных условиях оказались весьма эффективными.

В 1930-е годы расовая дискриминация обостряла и без того страшные лишения чернокожих американцев. Безработица в этой социальной группе возросла невероятно, поскольку с

---

<sup>21</sup> *Мастеиты* – сторонники Абрахама Иоханнеса Масте (1885–1967), протестантского священника, основателя Рабочей партии США. В 1960-е годы был активным противником американской агрессии во Вьетнаме.

началом Великой депрессии уничтожила целый тип рабочих мест, специально предназначавшихся для чернокожих. В 1932 году уровень безработицы среди афроамериканцев в городах юга превысил 50 %. Не лучше было и на севере – в Филадельфии работы не имели 56 % чернокожих жителей. Неграм приходилось упорно бороться за рабочие места и гражданские права; чернокожие граждане США обвиняли Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения в медлительности, не отвечающей духу времени. Они обращали свои надежды к компартии и связанным с нею организациям. Хотя не исключено, что высшие руководители партии получали указания из Москвы, такая информация чаще всего не доходила до простых американцев.



*Выселенные из родных домов издольщики, автомагистраль № 60, округ Нью-Мадрид, штат Миссури. Во время Великой депрессии расовая дискриминация обостряла и без того страшные лишения чернокожих американцев.*

В 1933 году социолог Рид Бейн назвал научных деятелей, которые в начале того десятилетия считались одной из самых консервативных групп населения страны, «худшими гражданами республики» из-за их полной апатии и социальной безответственности. Однако уже к концу 1930-х годов они превратились в самую радикальную ячейку общества и возглавили антифашистское движение: они считали, что капитализм целенаправленно лишает американцев той бесспорной пользы, которую могли бы принести достижения в науке и технике<sup>45</sup>. На состоявшихся в декабре 1938 года выборах президента Американской ассоциации содействия развитию науки, крупнейшего в стране объединения ученых, пятеро из самых перспективных кандидатов на эту должность были лидерами научного и общественного движения левого крыла, а победителем стал знаменитый гарвардский физиолог Уолтер Кеннон – один из самых видных ученых того же политического направления<sup>46</sup>.

В эти беспокойные годы многие либералы начали называть себя социалистами или радикалами. Так, губернатор Миннесоты Флойд Олсон заявил: «Я не либерал... Я радикал»<sup>47</sup>. Большинство представителей левого крыла стали даже в либерализме видеть умеренность, граничащую с трусостью. В 1934 году Лилиан Саймс в своей статье в *The Nation* отметила, что «в наше время худшего оскорбления [чем “либерал”] и представить нельзя»<sup>48</sup>. Впрочем, такого же мнения многие американцы придерживались и в отношении Социалистической партии, тогда как коммунисты предлагали заманчивую и более радикальную альтернативу. Вот как объясняет свою приверженность идеям компартии в 1932 году Джон Дос Пассос: «Социалистов сравнивали тогда с безалкогольным пивом»<sup>49</sup>.

Интересно, что в период Народного фронта (1935–1939), когда коммунисты получили широчайшую поддержку среди населения, социалисты Нормана Томаса зачастую оказывалась левее, чем коммунисты: последние приглушили тон своих публичных выступлений ради того, чтобы создать широкую антифашистскую коалицию. Сотни тысяч американцев вступили в Коммунистическую партию или работали в руководимых ею общественных организациях. Среди них были лучшие писатели страны: Эрнест Хемингуэй, Эрскин Колдуэлл, Джон Дос Пассос, Эдмунд Вильсон, Малкольм Каули, Синклер Льюис, Лэнгстон Хьюз, Шервуд Андерсон, Джеймс Фаррелл, Клиффорд Одетс, Ричард Райт, Генри Рот, Лилиан Хеллман, Теодор Драйзер, Томас Манн, Уильям Карлос Уильямс, Нельсон Олгрен, Натаниэль Уэст и Арчибальд Маклиш.

Но к концу десятилетия популярность советского коммунизма в глазах западной интеллигенции пошла на спад. СССР окружали враждебно настроенные капиталистические державы, ему угрожала новая война, и в этих условиях И. В. Сталин взял курс на политику форсированной индустриализации, которая потребовала тяжелых жертв. В прессу стали просачиваться сведения о голоде, о политических судебных процессах и репрессиях, бюрократии и канцелярщине, тайной полиции, жестоком обращении с заключенными и насаждении единомыслия в СССР. В ходе коллективизации сельского хозяйства погибали кулаки, которые оказывали вооруженное сопротивление. При тираническом режиме Сталина погибло более 13 миллионов советских граждан. Религия подвергалась ограничениям. Ряды военачальников подверглись чисткам<sup>50</sup>. И даже те, кто отказывался верить ужасающим вестям, просачивавшимся из СССР, пришли в ужас, узнав о вероломном подписании Сталиным пакта о ненападении с Германией в 1939 году. После этого американцы стали массово покидать ряды компартии, но твердые коммунисты обвинили капиталистический Запад в этом повороте Сталина на 180 градусов, ибо Запад отказался выступить единым фронтом с СССР против фашистской угрозы, несмотря на неоднократные призывы Сталина к созданию системы коллективной безопасности.

Благодаря удачному сочетанию конгресса с преобладанием левых, энергичного, прогрессивного населения и ответственного, внимательного президента в истории США начался период величайшего социального экспериментирования. Этот этап пришелся на середину десятилетия, когда «Новый курс» принял еще более радикальный характер. В декабре 1935 года Гарольд Икес заявил президенту: ему «кажется, будто население настроено более радикально, чем правительство». Рузвельт согласился с этим и вновь взялся за представителей деловых кругов. Тяжелую артиллерию он приберег для ежегодного обращения к конгрессу, с которым выступил вечером 3 января 1936 года по национальному радио. Прежде подобные выступления делались на вечернем заседании лишь однажды: 2 апреля 1917 года президент Вильсон зачитал свое послание конгрессу о вступлении США в войну. Рузвельт обрушил весь свой гнев на правых политиков: «Мы снискали ненависть закоренелых любителей наживы. Эти себялюбцы хотят вернуть власть в свои руки... Дай им волю – и они возьмут курс на самодержавие былых веков: власть – себе, народу – рабство»<sup>51</sup>.

Вдохновившись прогрессивным настроем граждан, Рузвельт продолжил войну с предпринимателями в ходе избирательной кампании 1936 года. Он при каждой возможности напоминал электорату о своих заслугах перед народом. Управление общественных работ (УОР) и другие правительственные учреждения предоставили рабочие места миллионам безработных. Экономическая и банковская системы претерпели коренные изменения. Впервые правительство приняло – хотя и очень осторожно – сторону рабочего класса, а не работодателей и поспособствовало развитию профсоюзных организаций. Программа «Социальное обеспечение» гарантировала хотя бы минимальные выплаты после выхода на пенсию, которые ранее получало весьма ограниченное количество рабочих. Налоговое бремя в значительной степени было переложено на богатых.

Накануне выборов Рузвельт выступил в «Мэдисон-сквер-гарден» с речью перед избирателями, в которой содержался откровенный призыв к борьбе с представителями деловых кругов:

«Мы вынуждены были бороться с давними врагами мира – предпринимательской и финансовой монополией, спекуляциями, бессмысленной классовой враждой, местничеством, менялами, нажившимися на войне. Они дошли до того, что начали считать правительство Соединенных Штатов всего лишь придатком своих темных делишек. Теперь мы видим, что правление тех, в чьих руках сосредоточена власть над деньгами, представляет опасность не меньшую, чем правительство рэкетиров... Они единодушны в своей ненависти ко мне, и я приветствую их ненависть»<sup>52</sup>.

Когда настал день выборов, демократы с воодушевлением выступили против республиканцев на всех уровнях. Победив во всех штатах, кроме Мэна и Вермонта, Рузвельт нанес сокрушительное поражение губернатору Канзаса Альфу Лэндону в коллегии выборщиков: 523 голоса против восьми. Поэтому старую поговорку «Как голосует Мэн, так голосует вся Америка» остроумно перефразировали в «Как голосует Мэн, так голосует и Вермонт»<sup>53</sup>. Демократы получили в палате представителей 331 место, республиканцам досталось 89, а в сенате оказалось 76 демократов и 16 республиканцев – остальные места достались кандидатам Фермерско-рабочей партии и Джорджу Норрису, который ушел от республиканцев и объявил себя независимым.

Газета *Chicago Tribune* назвала результаты голосования свидетельством единодушной поддержки политического курса президента. «Результаты выборов свидетельствуют о том, что народ полностью доверяет господину Рузвельту и его “Новому курсу”... Он вступит в должность на второй срок с полной свободой действий, которой наделило его вчера подавляющее большинство американских граждан». Консервативное издание *Tribune*, в свою очередь, выразило беспокойство по поводу коалиции, образованной Рузвельтом вместе с Фермерско-рабочей, Американской лейбористской, Социалистической и Коммунистической партиями: «Весьма любопытно, каким образом господин Рузвельт собирается выполнить свои обязательства перед столь радикально настроенными партнерами»<sup>54</sup>.

Но всеобщие ожидания дальнейших реформ не оправдались вследствие экономических и политических просчетов обычно проницательного президента. Рузвельт потерял драгоценное время после выборов, бросив все силы на реализацию крайне неудачного замысла наполнить прогрессивными судьями Верховный суд США: его очень раздражало, что суд то и дело накладывал вето на программы «Нового курса». Но если о Верховный суд «Новый курс» просто споткнулся, то растянулся он во весь рост из-за экономического кризиса 1937 года, который критики сразу окрестили «рузвельтовским экономическим спадом». Ошибочно решив,

что экономический рост будет продолжаться сам по себе и что страна вот-вот выйдет из Великой депрессии, правительство сократило расходы, чтобы сбалансировать бюджет. Больше всего Рузвельт урезал бюджет УОР. Экономика рухнула едва ли не на следующий день. Крах оказался столь внезапным, что Рузвельт и члены его правительства решили, будто это все умышленно подстроили предприниматели, добиваясь свержения Рузвельта. Государственные ценные бумаги на треть упали в цене, прибыль корпораций упала на 80 %. Безработица круто подскочила вверх – миллионы американцев вновь подвергались увольнению.

Реформаторы вынуждены были занять оборонительную позицию. И все же многие американцы осознавали: есть одна человеческая потребность, с чьей важностью не сравнится никакая другая, и все силы нужно бросить именно на ее удовлетворение. Очень немногие понимают, как близки были США к принятию национальной программы медицинского обслуживания в 1938–1939 годах. Комитет врачей, выступающих за улучшение медицинского обслуживания, – выступившее против консервативной Американской медицинской ассоциации бунтарское объединение медиков, большинство которых работали в крупнейших университетах страны, – дал толчок общенациональному движению в поддержку единой программы здравоохранения. Правительство использовало все свое влияние, чтобы претворить в жизнь эту инициативу, упирая на то, что медицинское обслуживание – право, а не привилегия. Рабочий класс и множество организаций, объединявших сторонников реформ, решительно поддержали такую позицию правительства. Народ настолько горячо поддерживал правительство Рузвельта, что редакция *The Nation* заявила о своей убежденности: «ни одно правительство» не станет так сплачивать людей и «уделять столько времени, внимания и сил своим лучшим специалистам для разработки такой программы ради того, чтобы затем от нее отказаться»<sup>55</sup>. В конце февраля 1939 года сенатор от штата Нью-Йорк Роберт Вагнер внес свой, одобренный правительством законопроект национального здравоохранения, заявив, что ни один американский закон «не получал еще столь широкой поддержки»<sup>56</sup>. Но, встретив ожесточенное сопротивление со стороны Американской медицинской ассоциации, Рузвельт решил не обострять положение накануне выборов и отказался от законопроекта. Реформы «Нового курса» закончились раз и навсегда<sup>57</sup>.

Прогрессивные изменения, которые сумели внести в жизнь американцев сторонники «Нового курса», по-прежнему вызывали неприятие в деловых кругах, сохранивших немалое влияние. Рузвельт, его советник Рексфорд Гай Тагуэлл, главы ведомств Гарри Гопкинс и Дэвид Лилиенталь и прогрессивные министры Генри Уоллес, Гарольд Икес и Фрэнсис Перкинс<sup>22</sup> навлекли на себя гнев большинства предпринимателей и банкиров. Хотя кое-кто из последних – например, Джозеф Кеннеди – все же был благодарен Рузвельту за спасение капитализма от его недальновидных представителей, почти для всех бизнесменов президент стал врагом, а потому они истово сражались с последствиями «Нового курса» при любой возможности. Согласно проведенному исследованию, 97 % членов Торговой палаты США не разделяли философии «Нового курса»<sup>58</sup>.

Самые решительные предприниматели – приверженцы правого крыла – приложили все усилия, чтобы доказать: некролог Республиканской партии в *New York Times* был преждевременным. В августе 1934 года, за несколько месяцев до промежуточных выборов, они объявили о создании Американской лиги свободы, что тщательно планировалось на протяжении уже долгого времени.

Американская лига свободы была «детищем» семьи Дюпон – братьев Иренэ, Пьера и Ламмота, а также их свойственника, менеджера высшего звена Роберта Карпентера. Последний обвинил Рузвельта в том, что президент пляшет под дудку «Феликса Франкфуртера и 38

<sup>22</sup> Перкинс Фрэнсис – первая в истории США женщина-министр.

его жалких псов – банды еврейских профессоров-фанатиков и коммунистов». Он взял себе в помощники Джона Раскоба, бывшего председателя Национального комитета Демократической партии. Раскоб, ярый сторонник идеи вновь переложить налоговое бремя на плечи рабочего класса, организовал покупку Дюпонами компании General Motors и стал финансовым директором в обеих корпорациях, принадлежащих этой влиятельной семье. В предвыборной кампании приняли участие также президент General Motors Альфред Слоун, бывшие кандидаты в президенты от демократов Эл Смит и Джон Дэвис, президент Национальной корпорации стали Эрнст Вейр, президент компании Sun Oil Говард Пью и председатель правления компании General Foods Э. Ф. Хаттон. Прославленному летчику Чарльзу Линдбергу предложили пост президента Лиги, однако тот решительно отказался<sup>59</sup>.

Американская лига свободы была официально зарегистрирована в августе 1934 года как организация, объявившая своей целью борьбу с радикализмом и защиту Конституции США и права на собственность. В ее исполком, возглавляемый бывшим председателем исполнительного комитета Демократической партии Джуэттом Шаузом, вошли Иренэ Дюпон, Эл Смит, Джон Дэвис, бывший губернатор Нью-Йорка Натан Миллер и конгрессмен-республиканец от штата Нью-Йорк Джеймс Уодсворт-младший. Шауз объявил о намерениях организации принять в свои ряды от 2 до 3 миллионов членов, а также сотни тысяч спонсоров. Лига развернула масштабную, хотя и безрезультатную «просветительную» кампанию, участники которой в течение последующих нескольких лет пытались задуть либеральное движение в США. Тем не менее изначальные планы роста рядов Лиги оказались чрезмерно завышенными: привлечь удалось всего 125 тысяч членов и 27 тысяч спонсоров. При этом большинство вступивших в Лигу не проявляли никакой активности, а спонсировать Лигу пришлось преимущественно самим Дюпонам и другим предпринимателям правых взглядов. Помимо всего этого, репутацию Американской лиги свободы серьезно подмочили два разгромных расследования, проведенные конгрессом в 1934 и 1935 годах<sup>60</sup>.

Первое расследование провели быстро, но выводы, сделанные в результате, потрясли. В ноябре 1934 года отставной генерал морской пехоты Смедли Батлер, удостоенный многочисленных наград, заявил на заседании специального комитета палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, что Уильям Дойл, командир массачусетского подразделения Американского легиона, и биржевой брокер Джеральд Магуайр пытались вовлечь его в заговор с целью проведения военного переворота и свержения правительства Рузвельта. Пол Комли Френч, журналист изданий *New York Evening Post* и *Philadelphia Record*, подтвердил показания Батлера, заявив, что собственными ушами слышал, как Магуайр говорил следующее: «Нашей стране нужно фашистское правительство, без него нам не спасти нацию от коммунистов, которые разрушат ее и превратят в прах все, что нам удалось построить. Единственные, кому хватит патриотизма для такого поступка, – это солдаты, для которых идеальным командиром будет Смедли Батлер. Он за одну ночь сумеет создать миллионную армию». Магуайр даже ездил во Францию, чтобы перенять опыт фашистского движения среди ветеранов войны – оно представлялось ему лучшим примером для американской армии, и этот пример Батлер должен был воплотить в жизнь.

Однако генерал отказал Магуайру. «Если вы сумеете найти 500 тысяч солдат, готовых встать на защиту фашистских идеалов, – пригрозил он, – я выставлю против вас столько же, и мы выйдем из вас эту дурь. В стране начнется настоящая гражданская война». В ходе расследования выяснилось, что Дойл и Магуайр были лишь представителями тех самых банкиров и промышленников, сторонников Моргана и Дюпонов, которые основали Американскую лигу свободы. Магуайр упорно отрицал свою вину, и нью-йоркский мэр Фьорелло Ла Гуардиа насмешливо окрестил эту историю «путчем за коктейлем». Партнер Моргана Томас Ламонт отозвался об обвинениях Батлера так: «Полный бред! Нелепица, здесь не о чем даже говорить!» Но Джеймс Ван Зандт, национальный командующий Американским легионом и будущий кон-

грессмен, поддержал Батлера, заявив, что «агенты Уолл-стрит» и к нему обращались с подобными предложениями<sup>61</sup>.

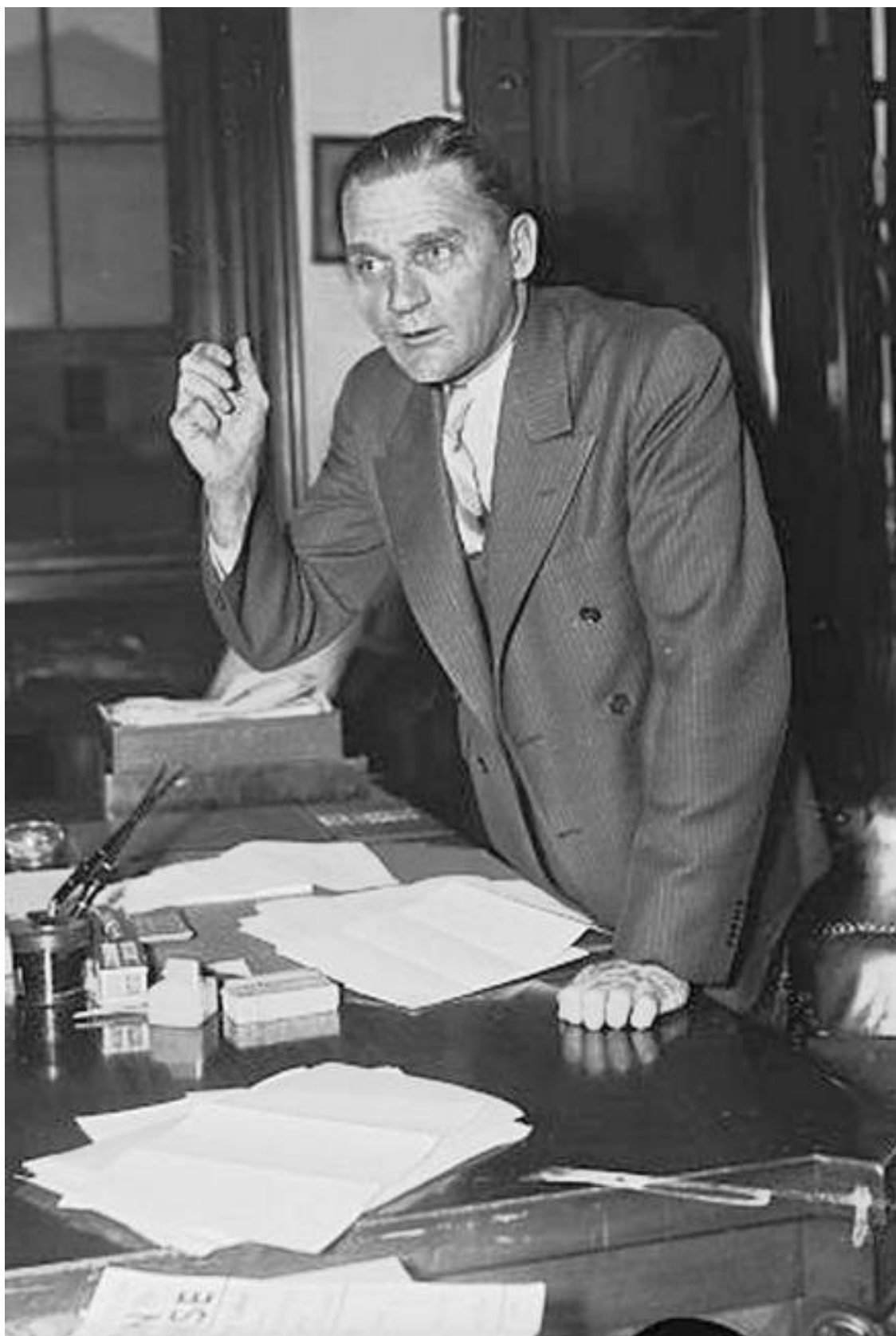
Заслушав показания, комитет палаты представителей во главе с Джоном Маккормаком от штата Массачусетс сообщил, что ему «удалось подтвердить все относящиеся к данному делу заявления генерала Батлера», за исключением прямых подстрекательств генерала со стороны Магуайра, что не вызвало сомнений у членов комитета. Председатель сделал вывод, что «попытки установить фашистский режим в США... обсуждались, планировались и могли быть приведены в исполнение, когда и если спонсоры сочли бы это необходимым»<sup>62</sup>. Не может не удивить, что комитет не вызвал для дачи показаний никого из замешанных в заговоре, хотя в ходе расследования были названы их имена: полковник Грейсон Мерфи, генерал Дуглас Макартур, Эл Смит, бывший командир Американского легиона Хэнфорд Макнайдер, Джон Дэвис, Хью Джонсон и Томас Ламонт. Батлера также возмутило то, что ни одно из этих имен не попало в итоговый отчет комитета.

Председателем на слушаниях по второму делу, которые хотя и начались раньше, но затянулись надолго, стал сенатор от Северной Дакоты Джеральд Най. Сенатором он стал после смерти предшественника, а впоследствии дважды избирался в сенат. Он сразу присоединился к прогрессивной фракции, став соратником Джорджа Норриса, Уильяма Бора и Роберта Лафоллета. Они стремились избежать таких международных обязательств, которые могли втянуть США в мировую войну. Выступали они и против использования вооруженных сил ради защиты зарубежных инвестиций американских бизнесменов. В феврале 1934 года Най предложил конгрессу начать расследование, ставшее одним из самых знаменательных за всю историю США. Он призвал сенатский комитет по внешней политике расследовать деятельность отдельных лиц и корпораций, связанных с производством и продажей оружия, боеприпасов и иных средств ведения войны. Объектами расследования должны были стать производители стали, самолетов и автомобилей, изготовители оружия и боеприпасов и судостроительные компании. Смещение акцента с банкиров на продавцов оружия знаменовало отход от взглядов Гарри Элмера Барнза и других историков-ревизионистов, неустанно критиковавших участие США в мировой войне. В 1934 году Барнз написал в одном из своих сочинений, что торговцы оружием «никогда не имели столь ужасающего влияния на разжигание войн, каким располагали американские банкиры в период с 1914 по 1917 год»<sup>63</sup>.

Сама идея проведения таких слушаний принадлежала Дороти Детцер, неутомимо борющейся за мир и занимавшей должность национального исполнительного секретаря американского филиала Международной женской лиги мира и свободы. Брат-близнец Детцер погиб от иприта в Первую мировую войну. Она нуждалась в поддержке сенаторов, чтобы добиться этих слушаний, и потому обратилась за помощью к двадцати сенаторам – но все они отклонили ее просьбу. Джордж Норрис посоветовал ей обратиться к Наю, который в итоге согласился выступить с соответствующей инициативой в сенате. Группы сторонников мира по всей стране организовали активную поддержку резолюции о проведении слушаний. В апреле сенат одобрил проведение слушаний об «оружейном тресте», сосредоточив свое внимание на спекуляциях во время войны, роли пропаганды производителей оружия в принятии правительством решения вступить в войну, а также на необходимости установить монополию на все производимое оружие с целью устранить корыстный мотив для начала военных действий. Соавтор данной резолюции, сенатор Артур Ванденберг, торжественно пообещал выяснить в ходе расследования, сумеет ли страна «жить в согласии с собой и соседними державами без давления, которое, несомненно, приведет к недоразумениям, разногласиям, конфликтам и – как следствие – настоящей катастрофе». Кроме того, Ванденберга интересовало, «действительно ли грязные интриги, доподлинно существовавшие во всех краях», добрались и до США<sup>64</sup>.

Най, Ванденберг и вице-президент Джон Нэнс Гарнер выбрали для выполнения поставленной задачи четырех демократов: Гомера Бона от штата Вашингтон, Беннета Чэмпа Кларка от Миссури, Уолтера Джорджа от Джорджии и Джеймса Поупа от Айдахо, – и трех республиканцев: Ная и Ванденберга, а также Уильяма Уоррена Барбура от Нью-Джерси. Кларк предложил Ная на пост председателя специального комитета по расследованию производства оружия и боеприпасов, и Поуп поддержал эту кандидатуру. Слушания отложили, чтобы дать комитету время для предварительного изучения вопроса, чем руководил Стивен Раушенбуш, сын знаменитого богослова Вальтера Раушенбуша, являвшегося одной из ключевых фигур в движении Социального Евангелия. Должность помощника по правовым вопросам получил молодой выпускник юридического факультета Гарварда Альгер Хисс, временно поступивший в распоряжение комитета из Администрации регулирования сельского хозяйства Джерома Фрэнка<sup>65</sup>.

Прогрессивные организации сплотились в поддержку слушаний. Журналист *Railroad Telegrapher* описывает в своей статье праведный гнев, который многие рабочие по-прежнему испытывали к производителям боеприпасов спустя 15 лет после окончания Первой мировой войны: «Американцы встали на путь освобождения от системы, которая приветствует войны, истребляет и калечит миллионы людей, чтобы избранные смогли нажать столь желанное состояние, и заставляет своих граждан грязнуть в долгах... Миллионы простых рабочих отправляют на всевозможные войны, в грязь окопов, кишасших вшами и залитых кровью, в то время как большие начальники набивают карманы, а их сыновья получают звание офицера. А после, когда война подходит к концу, налоги платит именно рабочий класс – снова, снова и снова». В редакционной статье под названием «Корпорация убийств» газета *The New Republic* призвала представителей комитета проследить «ужасные следы кровавых денег... Они берут начало там, где есть жажда наживы, где упивается кровью бесконечная мировая сеть корпорации убийств»<sup>66</sup>.



*Сенатор-республиканец от Северной Дакоты Джеральд Най выступает на слушаниях 1934 года по вопросам военной промышленности, в ходе которых были разоблачены бесчестные махинации и вскрыты колоссальные прибыли, полученные американскими компаниями по производству оружия и*

*боеприпасов в военное время. «День ото дня комитет выслушивал оправдания ракетиров международного класса, опустившихся до наживы на вооружении всего мира», – заявил он. Благодаря проведенному им расследованию вскрылась страшная правда о том, что американские компании помогали перевооружить нацистскую Германию.*

В то время как вся страна с нетерпением ждала начала слушаний, в свет весьма своевременно вышли две важные книги, подогревшие справедливый гнев общественности, и дали дополнительную информацию следователям. В апреле 1934 года одновременно увидели свет «Торговцы смертью» Х. К. Энгельбрехта и Ф. К. Ханигена – книга, признанная лучшей «Клубом книги месяца», и «Железо, кровь и прибыли» Джорджа Сельдеса. В них подробно описывались махинации не только нечистых на руку американских производителей боеприпасов, но и их зарубежных «коллег». Компания *Doubleday* перепечатала в виде брошюры обличительную статью о европейской военной промышленности из мартовского выпуска *Fortune* под названием «Оружие и люди». Эта статья вызвала у жителей США настоящее негодование. Начинаясь она следующим образом:

«Согласно самым точным подсчетам, убить солдата во время Первой мировой войны стоило около 25 тысяч долларов. И лишь один класс – класс “крупных предпринимателей” Европы – никогда не ставил в вину правительствам своих держав подобную расточительность. Для них бесконечная череда смертей – это лишь предприятие, открытое по личной инициативе гангстеров, для которых на деле себестоимость одного убийства редко превышала сотню долларов. Причина молчания этих “предпринимателей” весьма проста: убийство – их бизнес. Оружие – их товар, правительство – их покупатель; однако исторически сложилось так, что конечными потребителями нередко выступают не только соотечественники, но и враги. Впрочем, это не имеет значения. Важно лишь то, что каждый раз, когда очередной осколок разорвавшегося снаряда пронзает мозг, сердце или внутренности бойца на линии фронта, в карман поставщика оружия попадает значительная часть тех самых 25 тысяч долларов»<sup>67</sup>.

Рузвельт одобрил проведение комитетом соответствующих слушаний и попытался на международном уровне обуздать, по его собственным словам, «безумную гонку вооружений, которая может вылиться в новую войну, если ее не остановить». «Эта смертельная угроза миру во всем мире, – добавил он, – возникла по большей части из-за бесконтрольной деятельности производителей и поставщиков орудий разрушения»<sup>68</sup>.

По поручению комитета 80 экспертов и бухгалтеров изучили от корки до корки документы крупнейших корпораций США. Результаты расследования поразили членов комитета до глубины души. Сенатор Поуп пообещал, что людей «потрясет история алчности, интриг, пропаганды военного психоза и лоббирования, которые будут обнародованы» во время слушаний. Он добавил, что информация «шокирует всю страну»<sup>69</sup>. Перед самым началом заседания комитета газета *New York Times* сообщила, что большинство из семи членов комитета уже одобрили план государственного управления заводами по производству боевой техники. Кроме того, Поуп выразил надежду на то, что предъявленные доказательства будут настолько весомыми, что подобные меры станут «практически единственным выходом» из сложившейся ситуации<sup>70</sup>.

12 сентября Феликс, Иренэ, Ламмот и Пьер Дюпоны предстали перед комитетом, где им пришлось отчитаться в огромных прибылях, полученных в годы войны. С 1915 по 1918 год компания получила заказы на общую сумму в 1,245 миллиарда долларов, что на 1130 % превысило доход от продаж компании за четыре года до начала Первой мировой войны<sup>71</sup>. В то же время Дюпоны выплатили вкладчикам дивиденды в размере 458 % от номинальной стоимости акций. На тех же слушаниях выяснилось, что в 1932 году начальник штаба сухопутных войск генерал Дуглас Макартур посетил Турцию, где, согласно письму, полученному от некоего должностного лица из Curtis Wright Corporation, «во время беседы с представителями турецкого Генштаба превознес до небес преимущества американской военной техники». Най вставил свою реплику: «Да, действительно, Макартур здесь повел себя как истинный торговец. Хотелось бы знать, не превратилась ли вся армия и флот в торговых агентов частного сектора»<sup>72</sup>.

На слушаниях раскрывались все новые и новые подробности. Американские и зарубежные поставщики оружия распределили между собой внешние рынки, заключив соответствующие картельные соглашения и поделив прибыль. Это они разработали те самые немецкие подводные лодки, которые топили корабли Антанты во время Первой мировой войны. А уже в недавнее время, как оказалось, американские компании стали перевооружать нацистскую Германию. Согласно показаниям сотрудников United Aircraft и Pratt and Whitney, они продавали немцам самолеты и бортовую аппаратуру в целях не военного, а коммерческого использования. Най отнесся к их заверениям весьма скептически. «То есть вы хотите сказать, – спросил он, – что за все время переговоров вам и в голову не пришло, что Германия закупает боевую технику для военных целей?»<sup>73</sup> Затем Государственный секретарь Корделл Хэлл напомнил присутствующим на слушаниях о том, что с 1921 года правительство США категорически возражает против поставок любой военной техники в Германию.

По мере того как комитет наносил предпринимателям один удар за другим, слушания получали все более широкую поддержку от самых разных политических сил. В конце сентября Джон Томас Тейлор, представитель «Американского легиона» в законодательных органах, объявил о том, что окажет всяческое содействие реализации плана, предложенного прежней Комиссией по вопросам военной политики относительно конфискации 95 % сверхприбыли, получаемой в военное время<sup>74</sup>. Най не терял времени даром и предложил закон, согласно которому налог на доход свыше 10 тысяч долларов возрастал до 98 % в случае, если США вступят в войну, тем самым сводя на нет доходы коммерсантов от военных поставок<sup>75</sup>. Председатель комитета также заявил, что он и двое его коллег считают необходимым в случае начала новой мировой войны национализировать всю военную промышленность<sup>76</sup>.

Общественный интерес к слушаниям рос с каждым днем. В Англии решили провести такое же расследование. Аналогичные процессы уже происходили в ряде латиноамериканских стран – в ходе судебных разбирательств выяснялось, что представители этих стран также были замешаны в махинациях производителей оружия. Най получил более 10 тысяч писем и телеграмм с поздравлениями. Его завалили предложениями выступить с речью. С учетом такой лести газета *Washington Post* встревожилась и опубликовала передовицу, где утверждала, что такая всесторонняя поддержка вовсе не удивительна – ведь «в ходе расследования вскрылась масса информации сенсационного характера, благодаря чему у рядовых обывателей открылись глаза на неуправляемые силы, которые фактически, пусть и без злого умысла, подрывают все усилия по поддержанию всеобщего мира. Разоблачение “теневых” поставок не могло не встретить отклика у тех, кто стремится к мировому порядку». В конце концов *Post* неохотно поблагодарила комитет за «отлично проделанную работу»<sup>77</sup>.

В начале октября Най выступил перед нацией с радиообращением на волне *NBC*, где привел доводы в пользу национализации военной промышленности и значительного увеличения

налогов во время войны. «Сделаем так – и избавимся от множества ура-патриотов, – настаивал он. – Если мы пойдем на такие меры, возможно, войну еще удастся предотвратить». В своем выступлении он подвел итоги заседаний комитета: «День ото дня комитет заслушивал оправдания рэкетиров международного класса, опустившихся до наживы на вооружении мира против самого себя»<sup>78</sup>.

Призывы Ная и остальных членов комитета к национализации целой отрасли привели к ожесточенным дебатам, пришедшимся на конец 1934 года. В декабре *Washington Post* пренебрежительно отозвалась о предложении Ная и порекомендовала читателям ознакомиться с разделом политических комментариев, где указывалось, что женеvские ученые вот уже 15 лет тщательно изучают вопрос национализации и недавно пришли к выводу, что такая политика «определенно» противоречит «прогрессивным взглядам». Дюпоны и их соратники также вступили в полемику<sup>79</sup>. Критики каждый раз находили в плане Ная новые недостатки. Например, Уолтера Липпмана занимал такой вопрос: каким образом США будут экспортировать оружие в другие страны после национализации отрасли? И если так поступят США, последуют ли другие державы их примеру? Какая судьба ждет страны, не занимающиеся производством оружия? Каковы критерии, по которым товары разделят на категории коммерческого и военного использования? Газета *Chicago Tribune*, в частности, обратила внимание на тот факт, что Япония скупает в США металлолом, и сослалась на слова Дюпонов, причисливших тюки хлопка к военному снаряжению. Возник и еще один вопрос: что станет с военной промышленностью в мирное время? И успеет ли нация вовремя восстановить работу заброшенных и опустевших заводов в случае чрезвычайного положения?<sup>80</sup>

Увидев, что обстановка накаляется и общество готово перейти к более радикальным действиям, Рузвельт решил взять дело в свои руки и поставить точку в этих дебатах. 12 декабря он объявил, что собирает группу влиятельных чиновников и руководителей промышленных предприятий для обсуждения плана, который положит конец военным спекуляциям. Президент сообщил репортерам, что «настало время устранить из войны фактор прибыли». Три часа спустя организованная им группа собралась в Белом доме и приступила к работе. Первыми в резиденцию президента прибыли не кто иные, как бывший председатель совета по военной промышленности Бернард Барух и Хью Джонсон, исполнительный директор совета. Среди других политиков, приглашенных на эту встречу, посвященную созданию нового законодательства, были Государственный секретарь, военный министр, министры труда, сельского хозяйства, финансов, военно-морских сил; Джозеф Истмен, координировавший железнодорожную сеть; начальник штаба сухопутных войск Макартур; помощник военно-морского министра Рузвельт; заместитель министра сельского хозяйства Тагуэлл; заместитель министра труда Эдвард Ф. Макгреди и Джордж Пек, глава Экспортно-импортного банка США. Члены комитета тут же начали пререкаться между собой и обвинять администрацию в том, что президент пытается помешать им довести расследование до конца<sup>81</sup>.

Остальные политики также скептически высказались относительно истинных мотивов Рузвельта. Так, корреспондент *Washington Post* Раймонд Клаппер привел в своей статье несколько вариантов объяснений такого решения президента, бытовавших среди столичных политиков. Одни считали, что президент хотел оказаться в центре внимания, затмив Ная и Ванденберга, республиканских сенаторов, именами которых пестрели заголовки всех газет. Другим же казалось, будто «вопрос поставок военного снаряжения затрагивал интересы и самих членов правительства, и президент попытался отвлечь внимание от этой проблемы»<sup>82</sup>.

Сам Най считал, что от Рузвельта едва ли можно ждать добра: «Наших министров нужно также призвать к ответу вместе с производителями оружия и другими искателями наживы», – заявил он, лишь недавно осознав, до какой степени правительство замешано в обеспечении поставок оружия за рубеж<sup>83</sup>.

Однако комитет Ная не позволил Рузвельту украсть свою славу, обнародовав еще более сенсационную информацию, которая не могла не заинтересовать газетчиков. Най по-прежнему не выпускал Дюпонов из поля зрения. Альгер Хисс представил новые доказательства их безудержной жажды наживы. Так, в декабре 1934 года на первой полосе газеты *Washington Post* появилась статья под названием «Восемьсот процентов прибыли: Дюпонам конец». В ходе слушания Хисс огласил список компаний, занятых в различных сферах военной промышленности и получивших колоссальный доход от инвестиций. Он также назвал имена 181 человека, чья объявленная прибыль превысила в 1917 году 1 миллион долларов, и отметил, что 41 из них появился в этом списке впервые. Среди упомянутых имен было шестеро Дюпонов, четверо Доджей, трое Рокфеллеров, трое Харкнессов, двое Морганов, столько же представителей семей Вандербильт и Уитни и один Меллон<sup>84</sup>.

Чем глубже копал Най, тем более жестоким нападкам подвергался комитет. Так, газета *Chicago Tribune* осудила его членов за открытое порицание свидетелей, проходивших по делу, назвав методы комитета «бесчестными, постыдными и омерзительными»<sup>85</sup>. Тем не менее расследование по-прежнему пользовалось широкой поддержкой. В конце декабря Най встретился с Рузвельтом. К тому времени комитет получил более 150 тысяч писем, чьи авторы одобряли подобный политический ход. Впоследствии Най заверил репортеров, что неверно истолковал мотивы Рузвельта. По его словам, президент полностью поддерживал расследование, и процесс принятия нового законодательства будет приостановлен, пока слушания не подойдут к концу<sup>86</sup>.

Члены комитета пытались донести до общества свои опасения по поводу назревающей войны в Европе. Поуп считал «парадоксальной» саму мысль о том, что правительства во всем мире поддерживают производителей военной техники. Он с сожалением отмечал: «Страны мира оказались во власти какого-то чудовища, ведущего их к полному краху. Лихорадочная подготовка к грядущей войне идет полным ходом. В ее неизбежности уже никто не сомневается»<sup>87</sup>.

В начале февраля 1935 года член палаты представителей Джон Максвейн из Южной Каролины внес законопроект, согласно которому все цены «замораживались» на уровне, существовавшем в день объявления войны. Барух и Джонсон также высказались в поддержку этой инициативы, выступив против более радикальных предложений Ная о национализации.

Тем временем на слушаниях Юджин Грейс, президент сталелитейной компании *Bethlehem Steel Corporation* и судостроительной *Bethlehem Shipbuilding Corporation*, признал, что доход его предприятия возрос с 6 миллионов долларов перед войной до 48 миллионов сразу после ее начала, а он сам получил премиальные в размере 1 миллиона 575 тысяч и 1 миллиона 386 тысяч долларов. Сенатор Бон решительно потребовал от него объяснений в связи с обвинениями со стороны Министерства финансов в том, что «состояние *Bethlehem* было нажито нечестным путем». Предмет этого иска на 11 миллионов долларов рассматривался в суде уже много лет<sup>88</sup>.

В феврале комитет рассмотрел просьбу о проведении расследования в новом направлении. На ежегодном съезде контрольных комиссий Национальной ассоциации образования [профсоюза учителей школ и преподавателей вузов США] прозвучали серьезнейшие обвинения в «злоупотреблении влиянием» в адрес газетного магната Уильяма Рэндольфа Херста, выдвинутые бывшим президентом Американской ассоциации историков Чарльзом Бирдом. Последний заявил, что Херст «потворствовал падению нравов и стал врагом всего лучшего и благородного, что есть в нашей американской традиции». По утверждению газеты *Times*, когда выступление Бирда подошло к концу, тысячи работников образования, присутствовавшие на съезде, «встали и устроили ему долгую овацию». Ассоциация приняла резолюцию, в которой отмечалось, что ее члены «возмущены и шокированы чудовищной жаждой наживы американских производителей оружия и боеприпасов, ужасную правду о которых раскрыл комитет

Ная». Принятая резолюция призывала комитет провести расследование в отношении «пропаганды в газетах, школах, кинофильмах и радиопередачах, сеющей панику перед грядущей войной и способствующей росту продаж оружия», уделив при этом особое внимание газетам самого Херста. На это обращение Най ответил, что данный вопрос действительно подпадает под юрисдикцию комитета, и запросил более детальную информацию. Однако после тщательных размышлений он все же отказался от нового расследования<sup>89</sup>.

В конце марта сенатский законопроект о запрете на военную прибыль начал принимать более определенные очертания. Газета *New York Times* назвала его «несомненно, самым радикальным планом за всю историю американской государственности». Согласилась с этим и *Washington Post*, охарактеризовавшая законопроект как «план, который предусматривает такие жесткие конфискационные меры, что еще полгода назад его создателей подняли бы на смех... Проект идет дальше, чем мечтал сенатор Джеральд Най, энергичный председатель и наиболее радикально настроенный член комитета». Следователь Джон Флинн отредактировал законопроект для членов комитета, а те представили документ на согласование президенту. Совершенно неожиданно Рузвельт законопроект одобрил, хотя госсекретарь Корделл Хэлл советовал ему воздержаться от поддержки законопроектов, непосредственно направленных на лишение американских предпринимателей военной прибыли.

Итак, заручившись поддержкой президента, члены комитета решили придать своим предложениям силу закона. Предварительные положения включали: стопроцентный налог на весь доход свыше 10 тысяч долларов и немалые налоги на более скромную прибыль; налог в объеме 50 % на первые 6 % прибыли корпораций и 100 % – на прибыль свыше 6 %; призыв сотрудников корпораций на военную службу, прекращение работы всех фондовых бирж на период войны, запрет на любые спекуляции предметами потребления, государственный контроль над ключевыми отраслями промышленности и сферы услуг. В своем выступлении перед членами комитета Флинн заявил, что «военную прибыль, взвинчивание цен и варварскую борьбу за бесчестную наживу на национальном бедствии можно предотвратить лишь одним способом: зарубив на корню инфляцию. В 1917 и 1918 годах мы уже позволили себе ввязаться в войну, по счетам которой расплачиваются наши дети и внуки. В грядущей войне мы должны повести себя разумно, как существа цивилизованные: пускай в то время, как одна часть населения нашей державы – армия – сражается на поле боя, другая – мирные жители – платит по счетам»<sup>90</sup>.

Претерпев незначительные изменения, в начале апреля предложение Флинна было внесено в сенат как проект закона о чрезвычайных мерах в военное время. Законопроект предполагал наделить правительство правом изымать всю прибыль свыше 3 % и личный доход свыше 10 тысяч долларов. Най пояснил свои действия так: «Закон суров, потому что сурова сама война. Сборщик налогов, взимающий деньги с граждан, все же не так страшен и неумолим, как офицер призывного пункта, который стучит в двери других граждан, чтобы забрать на войну их сыновей»<sup>91</sup>.

Когда палата представителей уже была готова проголосовать за более умеренный законопроект Максвейна, начался кромешный ад. Оппозиция зазвонила во все колокола. Газета *New York Times* сообщала: «Антивоенные настроения настолько захватили палату представителей, что изначальное предложение Максвейна изменили до неузнаваемости». И действительно: в результате внесения ряда поправок законопроект теперь вводил налог в размере 100 % на военную сверхприбыль, правительственный контроль над финансовыми и материальными ресурсами государства, призыв на военную службу служащих промышленных, торговых, транспортных компаний, а также компаний, обеспечивающих связь<sup>92</sup>. Палата представителей приняла этот законопроект, оговорив, что призыву подлежат все мужчины в возрасте от 21 года до 45 лет, за исключением административного состава компаний. Текст составили таким образом,

чтобы его можно было легко дополнить положениями из более радикального законопроекта Ная.

Артур Крок яростно раскритиковал оба законопроекта в *New York Times*. «Идеи Максвейна, – пенял он, – полны пацифизма, в то время как Най отправляет нас к синдикализму, социализму или коммунизму... Эти два законопроекта нацелены на то, чтобы предотвратить войну, внушив нам, что с объявлением войны обеспеченные люди будут разорены. В обоих законопроектах учтены только интересы рабочих и тех, кто хотел бы уклониться от призыва: положения представленных документов не предусматривают ограничений зарплаты и забастовок со стороны первых и призыв на службу вторых»<sup>93</sup>. Против нововведений выступил и Барух, пояснив, что в результате принятия таких законов возрастет инфляция и будет парализовано военное производство, вследствие чего страна окажется беззащитной перед лицом нападения. В ответ Най обвинил Баруха в пособничестве интересам промышленников и явственном нежелании урезать прибыль от войны<sup>94</sup>.

В начале мая Най внес свой законопроект на обсуждение в сенат в качестве поправки к законопроекту Максвейна «О военных прибылях». Он поручился, что этот закон станет первым из целого ряда законодательных актов, которые его комитет собирается предложить сенату, и отметил: «Мы верим, что американский народ поддерживает этот законопроект. Мы полагаем, что сейчас, когда весь мир обеспокоен близостью войны, самое время убедить наших граждан, а также весь мир, что Америка не намерена использовать следующую войну как средство бессмысленного и безрассудного обогащения горстки людей»<sup>95</sup>.

Комитет представил на рассмотрение сената три резолюции. Одна из них запрещала предоставлять займы воюющим державам или их гражданам. Вторая отказывала в выдаче загранпаспортов гражданам, направляющимся в районы военных действий. Третья налагала эмбарго на поставки оружия воюющим странам, если такие поставки могут вовлечь США в войну. Сенатский комитет по иностранным делам уже одобрил первые две резолюции и перешел к обсуждению третьей, когда Корделл Хэлл убедил членов комитета не связывать Соединенным Штатам руки в международных делах. Поскольку к тому времени умы сенаторов занимал обостряющийся кризис в Эфиопии, они решили пересмотреть положения всех трех резолюций, прежде чем принимать окончательное решение.

В сентябре конгресс ушел на каникулы, а разногласия между палатой представителей и сенатом касательно законопроекта о военных прибылях по-прежнему не были устранены. Газета *Chicago Tribune* вздохнула с облегчением, поскольку считала этот закон «коммунистическим законом об обороне», который в случае войны позволит президенту «установить в американском государстве полнейший коммунизм, как Ленин сделал это в России»<sup>96</sup>.

Ситуация требовала решительных действий, и Ньютон Бейкер, занимавший при президенте Вильсоне должность военного министра, попытался вставить палки в колеса законопроектов. Газета *New York Times* опубликовала его ответ на письмо Уильяма Флойда, главы организации «Патриоты мира». В своем ответе Бейкер утверждал, что в конгрессе вообще не проводилось обсуждение защиты личных коммерческих или финансовых интересов США накануне вступления США в мировую войну и что «невозможно обезопасить Америку от грядущих войн, надевая намордник на банкиров и выбивая почву из-под ног производителей оружия»<sup>97</sup>. Четыре дня спустя банкир Томас Ламонт также опубликовал письмо, оспаривая представленные Флойдом доводы, а в том, что США вступили в войну, он винил агрессию со стороны Германии, а не американские коммерческие интересы<sup>98</sup>.

В начале 1936 года расследования комитета возобновились, и во главу угла были поставлены именно эти вопросы. В самом ли деле банкирский дом Моргана и другие компании с Уолл-стрит подтолкнули США к участию в войне, пытаясь возместить колоссальные суммы, которые они ссудили странам Антанты? Обе стороны тщательно подготовились к битве. Реша-

ющий поединок состоялся 7 января, когда Дж. П. Морган предстал перед комитетом вместе со своими партнерами Ламонтом и Джорджем Уитни, а также Фрэнком Вандерлипом – бывшим президентом *National City Bank*. Джон Дэвис выступил на слушании в качестве советника Морган. Комитет перенес заседание в зал заседаний сената, чтобы вместить как можно больше людей. Следователи комитета Ная почти год детально изучали счетные книги и документацию громадного банка, ознакомившись с более чем 2 миллионами писем, телеграмм и других бумаг. Вечером накануне слушаний компания пригласила журналистов в свои 40-комнатные апартаменты в отеле «Шорем» на неофициальный брифинг с Ламонтом и Уитни. Най же, в свою очередь, выступил с радиообращением к народу: «После того как мы стали отходить от традиционной политики нейтралитета, чтобы угодить коммерческим кругам вплоть до разрешения на выдачу займов, – утверждал он, – Антанта уже нисколько не сомневалась, что Америка вступит в войну. Она всегда знала то, чего мы, казалось, не понимали: в конечном счете сердца наши всегда будут там, где есть возможность заработать».

Морган опубликовал опровержение всех обвинений на девяти страницах, написав следующее: «Хотелось бы обратить особое внимание читателей на обеспеченность выданных нами займов, поскольку благодаря усилиям ряда лиц сложилось впечатление, что все эти займы бесполезны до вступления Америки в войну; что именно займодержатели подтолкнули наше правительство к решению вступить в войну, чтобы “займы не пропали зря”. Однако факты полностью опровергают данную высосанную из пальца теорию. Наши займы всегда приносили прибыль, и никто не сомневался в их обеспеченности». По словам Морган, представители деловых кругов США и так получали немалый доход от поставок союзникам, а потому у предпринимателей попросту не было корыстных побуждений к участию США в войне<sup>99</sup>.

Поражение в дебатах могло повлечь за собой страшные последствия. Най и Кларк понимали: представленные ранее доказательства вины бизнесменов во втягивании США в последнюю войну решат судьбу важного законопроекта о нейтралитете, который они собирались внести на рассмотрение на той же неделе.

На первом слушании комитет представил документы, свидетельствующие о том, что, несмотря на ожесточенное сопротивление госсекретаря Уильяма Дженнингса Брайана, президент Вильсон вместе со своим соратником, военным министром Робертом Лансингом, решил позволить банкирам выдавать займы воюющим державам в 1914 году – то есть задолго до того, как было обнародовано изменение политического курса страны. Перед самым закрытием заседания сенатор Кларк задал Вандерлипу последний, решающий вопрос: «Неужели вы думали, что Англия выплатит долги, если потерпит поражение?» На что Вандерлип ответил: «Разумеется, даже если бы англичане проиграли войну, они бы расплатились по счетам»<sup>100</sup>.

В ходе последующих слушаний Най и остальные члены комитета попытались доказать, что США не сохраняли нейтралитета в Первой мировой войне, а подводная война с Германией была лишь предлогом, за который Вильсон буквально ухватился, желая оправдать вступление США в войну. Наконец Най взорвал последнюю бомбу: он заявил, что Вильсон якобы знал о секретных соглашениях союзников еще до того, как США вступили в войну, а затем обманул членов сенатского комитета по иностранным делам, заявив им, что узнал об этом лишь при подписании Версальского договора.

В ходе расследования комитета Ная выяснилось, что, по сути, именно Вильсон обманом втянул США в мировую войну. Именно президент подорвал нейтралитет, разрешив выдачу займов и оказание всяческой поддержки странам Антанты; именно он стал намеренно преувеличивать угрозу, исходящую от германского рейха; именно он утаил от правительства информацию о секретных соглашениях, заключенных между европейскими державами. Президент Вильсон развязал войну не за продвижение демократии, а за передел имперских остатков.

Клевета в адрес Вудро Вильсона и обвинение его в измене стали последней каплей для многих сенаторов-демократов: они дружно бросились осуждать председателя комитета –

*Washington Post* назвала это «бурей протеста и негодования». Возглавил протесты сенатор от штата Техас Том Коннелли, который заявил: «Мне нет дела до того, какие основания имеют под собой эти обвинения – они бесстыдны. Высказывания сенатора от Северной Дакоты, председателя этого комитета, человека, который обещал привести нас к миру, уместны лишь в хмельной компании бездельников, играющих в шашки в дешевой забегаловке. Сенатор ворошит историю, связанную с человеком, которого нет больше с нами, – великим человеком, хорошим человеком; человеком, которому при жизни хватало смелости встретиться с врагами лицом к лицу, один на один». Коннелли обвинил Ная и его комитет в «возмутительной попытке очернить и опорочить историю участия США в мировой войне». Разногласия вспыхнули и среди самих членов комитета. Двое из них, сенаторы Поуп и Джордж, в знак протеста покинули зал заседаний. Позднее Поуп вернулся и зачитал присутствующим официальное заявление, где говорилось, что он сам и Грегори возмущены «попытками поставить под сомнение честность Вудро Вильсона и опозорить великого президента». Они также высказали сожаление по поводу того, что расследование ушло от первоначальной цели, лишая правительство возможности принять «спасительные законы». Кроме того, они подвергли сомнению беспристрастность всего расследования, проводимого комитетом: «Все попытки очернить Вильсона и Лансинга... открыли всем глаза на предвзятость и предубеждения, которыми руководствовались сенаторы в ходе расследования». Однако они ясно дали понять, что не выйдут из состава комитета и вернутся для голосования по окончательному решению вопроса. Еще один представитель комитета, сенатор Ванденберг, добавил: он тоже восхищается Вильсоном, но согласен, что именно экономические мотивы послужили «неизбежным и непреодолимым толчком» к вовлечению США в войну. Он хотел удостовериться в том, что подобное больше никогда не повторится, а также высказал гордость тем, чего комитету удалось добиться: «За последние 48 часов мы переписали историю. Важно, чтобы история отражала реально происходившие события, какими бы они ни были». Най заверил Поупа и Джорджа, что не замыслил ничего дурного против Вильсона и даже голосовал за него в 1916 году, когда тот пообещал решительно избегать участия в войне, «пока для этого остается малейшая возможность»<sup>101</sup>.

Ожесточенная полемика в Сенате продолжилась и на следующий день. 78-летний сенатор от штата Вирджиния Картер Гласс, который в последние годы президентства Вильсона занимал пост министра финансов, обвинил Ная в «бесчестной клевете», «чудовищной клевете в адрес покойного президента и осквернении гробницы Вудро Вильсона». Картер с такой силой ударил кулаком по столу, что кровь брызнула на разложенные бумаги, и воскликнул: «Жалкие демагоги, ваши лживые утверждения о том, что дом Моргана повлиял на политику нейтралитета Вудро Вильсона, лишены смысла!» Наю наконец представилась возможность ответить на предъявленные ему обвинения. Он заявил, что более всего его удивило отсутствие «более ранних попыток» помешать работе его комитета и что только с появлением в зале заседаний Моргана и его партнеров стало очевидным враждебное отношение к расследованию. Он не принес официальных извинений, а зачитал письма и документы, подтверждающие, по его словам, тот факт, что «США вступили в войну, зная о тайном сговоре. Но нам всем новость о секретных соглашениях объявили только на мирной конференции»<sup>102</sup>.

Два дня спустя Най сообщил Моргану и его партнерам, что им нет необходимости являться на допрос, назначенный на следующую неделю. Комитет столкнулся с препятствием – перспектива выделения на его дальнейшую работу 9 тысяч долларов блекла с каждым днем. Най обвинил выступивших против него сенаторов в том, что те использовали историю с Вильсоном как «дымовую завесу». Их истинные намерения, заявил Най, заключались в том, чтобы «ухватиться за первую же возможность и любой ценой не допустить принятия законов, угрожающих грязной наживе на войне»<sup>103</sup>.

Ко всеобщему удивлению и на радость Наю, слушания так и не отменили. 30 января сенат единогласно одобрил решение о выдаче 7369 долларов на завершение расследования. Даже Коннелли передумал и проголосовал за дальнейшее финансирование комитета, напомнив, однако, его членам о том, что они должны заботиться об интересах простых людей, а не вламываться в «гробницы и усыпальницы» покойных<sup>104</sup>. Газета *New York Times* так объяснила неожиданное изменение позиции сената: «Как только сторонники Вильсона, оскорбленные грязными инсинуациями в адрес их вождя времен войны, стали угрожать прекращением финансирования, в конгресс начали приходить целые мешки писем от граждан с требованиями раскрыть подлинную историю 1914–1918 годов. Подобная демонстрация антивоенных настроений полностью объясняет, почему расследование, вызвавшее больше горечи, чем любой другой аналогичный процесс за долгие годы, все же будет продолжено». В *Times* заметили, что комитет произвел ряд «серьезных реформ»: так, «благодаря деятельности членов комитета в перечень требований для производителей оружия включили получение ими соответствующей лицензии, а также предоставление Госдепартаменту регулярных отчетов обо всех поставках. В результате был создан ряд законопроектов, нацеленных на устранение сверхприбылей в военной и судостроительной отраслях, и эти законопроекты рано или поздно станут полноценными законами. Но самым главным достижением комитета можно считать привлечение внимания общественности к проблемам войны, мира и прибылей»<sup>105</sup>.

В ходе последних заседаний представители дома Моргана сделали все возможное, стараясь очиститься от обвинений в том, что их займы союзникам повлияли на вступление США в войну. *New York Times* озаглавила свою статью от 5 февраля так: «Морган уходит победителем: друг Най оправдал его». В *Times* вздохнули с облегчением: ее редакционная статья 9 февраля появилась под заголовком «Расследование окончилось хорошо». Все попытки комитета доказать, что Морган получил «колоссальную прибыль от продажи военного снаряжения» и «использовал свое мощнейшее влияние», чтобы втянуть США в войну, окончились ничем; автор статьи также отметил, что «расследование завершилось на радостной ноте – в конце господин Морган и его “друг Най” обменялись поздравлениями». Заканчивалась статья так: «Результат расследования представляет величайшую ценность для нашего общества... Ведь, завершись оно иначе, воцарился бы настоящий хаос. Люди впали бы в отчаяние, придя к выводу, что нечисто что-то во всем банковском деле»<sup>106</sup>.

Най отреагировал на заявление *Times* незамедлительно: «Ни один член комитета, участвовавший в слушаниях, не согласится с тем, что благодаря расследованию банкирский дом Моргана был полностью реабилитирован». Хотя причастность Моргана к вовлечению США в мировую войну ради спасения собственных инвестиций и не была доказана, Най отметил: «Не подлежит никакому сомнению тот факт, что именно эти банкиры являются сердцем системы, которая роковым образом сделала наше участие в войне неизбежным». А когда Вильсон позволил Моргану ссудить крупную сумму денег союзникам, добавил Най, банкиры «вымостили для нас дорогу к войне»<sup>107</sup>.

Слушания комитета в итоге достигли желаемого результата, что существенно отразилось на результатах опроса общественного мнения, проведенного Институтом Гэллапа 7 марта. На вопрос «Нужно ли запретить производство и торговлю оружием с целью получения прибыли частными лицами?» 82 % американцев ответили положительно и лишь 18 % – отрицательно. Наибольшую поддержку идеи комитета получили в Неваде, где за запрет на получение подобной прибыли высказались 99 % опрошенных. Самой меньшей популярностью предложение, прозвучавшее в опросе, пользовалось в Делавэре, на родине Дюпонов, где положительный ответ дали лишь 63 % опрошенных. Джордж Гэллап сообщил: с октября прошлого года, когда его компания начала свою деятельность по изучению общественного мнения, такую широкую поддержку получал лишь вопрос о выплате пенсии людям преклонного возраста. Гэллап про-

цитировал слова одного бакалейщика из Западной Пенсильвании, который сказал: «Система получения прибыли от оружия обернется для нас войной на многие поколения»<sup>108</sup>. Самому Наю подобные опасения казались надуманными еще полтора года назад, когда его комитет только начинал свое расследование. «Я считал, – признавал он, – что национализация производства оружия и боеприпасов – самая безумная идея, которую мы когда-либо рассматривали»<sup>109</sup>. *Washington Post* и другие газеты поздравили Ная и его комитет с тем, что им удалось донести до общества правду о «злоупотреблениях, имеющихся в области торговли оружием, и... связи между войной и доступностью оружия»<sup>110</sup>. На следующий день Элеонора Рузвельт в своем выступлении в Гранд-Рapidс (штат Мичиган) призвала к устранению фактора прибыли из военной промышленности как такового. В газете *New York Times*, которая совсем недавно так горячо выступала в защиту Моргана и производителей оружия, никакой информации о результатах опроса Гэллапа так и не появилось.

В апреле комитет Ная обнародовал свой третий, столь ожидаемый всеми доклад. В нем было сказано: «Хотя доказательства, имеющиеся на данный момент у комитета, и не подтверждают, что войны начинаются исключительно по вине производителей оружия и их агентов, мы все же считаем, что в корне всех войн лежит далеко не одна причина. Комитет полагает недопустимым для интересов мира позволить организациям, пекущимся лишь о собственных интересах, подталкивать страны к войне путем подстрекательства и запугивания»<sup>111</sup>. Четверо из семи членов комитета: Най, Кларк, Поуп и Боун, – призвали передать военную промышленность в собственность государства. Оставшиеся в меньшинстве Джордж, Барбур и Ванденберг предложили ввести лишь «строгий контроль над производством оружия»<sup>112</sup>. Однако законопроект о запрете на получение военной прибыли попал в подкомитет, возглавляемый Коннелли – одним из самых ярых критиков Ная. Там ему долго не давали ход, и в конце концов, претерпев ряд изменений, этот законопроект не смог набрать необходимого количества голосов. Подобные законопроекты Най и его коллеги вносили в течение следующих пяти лет, но и эти проекты не получили одобрения.

Среди вопросов, поднятых на слушаниях и до сих пор тревожащих умы исследователей, была также причастность американских бизнесменов к экономическому и военному возрождению Германии в тот период, когда уже давно стали очевидны отвратительные черты гитлеровского режима. Начиная с 1933 года Гитлер стал бросать в тюрьмы и убивать коммунистов, социал-демократов и профсоюзных активистов. Очевиден был и его злобный антисемитизм, хотя кампанию по истреблению евреев он начнет лишь через несколько лет. Тесное сотрудничество американских бизнесменов и банкиров с их немецкими коллегами значительно укрепилось в годы перед приходом Гитлера к власти. Американские займы, организованные по большей части Морганом и Чейзом в своих интересах, удержали на плаву немецкую экономику в 1920-е годы. Корпорация *IBM*, которую возглавлял в то время Томас Уотсон, приобрела контрольный пакет акций немецкой компании *Dehomag*, а за период с 1921 по 1931 год *General Motors* Слоуна полностью выкупила компанию немецкого производителя автомобилей Адама Опеля. Форд увеличил объем инвестиций в свое дочернее предприятие в Германии – *Ford Motor Company*, – заявив, что подобный шаг укрепит отношения между Германией и США<sup>113</sup>. Уотсон придерживался того же мнения. «Мир во всем мире благодаря торговле!» – самодовольно повторял он<sup>114</sup>.

Мир во всем мире казался весьма благородной целью, однако не он интересовал американских капиталистов в первую очередь – они жаждали власти и богатств, захватив новый рынок, усиливший их конкурентоспособность. Благодаря ряду головокружительных официальных и неофициальных деловых договоренностей целая сеть многонациональных корпораций США, Англии и Германии вступила в тайный сговор, подчинив новые рынки и получив возможность диктовать цены. В марте 1939 года в Дюссельдорфе Федерация британской про-

мышленности и Имперская промышленная группа подписали торговое соглашение, о чем в газетах говорилось: «Несомненно, крайне важно уйти от пагубной конкуренции, какой бы она ни была, и выработать конструктивное сотрудничество, которое укрепит мировую торговлю и принесет взаимную выгоду Англии, Германии и всем остальным державам»<sup>115</sup>. Лишь после войны большинство экспертов поняли, насколько масштабными были заключенные в те годы договоренности. Так, в мае 1945 года Теодор Крепс из Стэнфордского университета отмечал: «Слово “картель” моментально переключалось из сферы специального жаргона, существующего лишь в текстах договоров, на первые страницы ежедневных газет»<sup>116</sup>. Благодаря подобным соглашениям Эдсел Форд стал членом правления американского филиала немецкого химического концерна Farben – General Aniline and Film, в то время как генеральный директор Farben Карл Бош вошел в состав совета директоров европейского филиала Ford. Такие же договоренности связывали Farben, Dupont, General Motors, Standard Oil и банк Чейза.

Встретившись в 1937 году с Гитлером, Уотсон старательно и доверчиво донес слова фюрера до участников заседания Международной торговой палаты в Берлине: «Войны не будет. Ни одной стране не нужна война, ни одна страна не сможет себе ее позволить»<sup>117</sup>. Несколько дней спустя, в свой 75-й день рождения, Уотсон получил Большой крест ордена Германского орла из рук самого Гитлера – в награду за содействие, оказанное его компанией Dehomag германскому правительству: в 1930 году перфораторы компании использовались при проведении переписи населения, благодаря чему теперь было легче составлять списки евреев. Счетные машины Dehomag стали невиданным прорывом в организации данных, что позднее, когда компания полностью перешла под контроль нацистов, позволило немцам организовать расписание движения поездов в Освенциме.

О мирных намерениях Гитлера заявлял и Генри Форд. 28 августа 1939 года, всего за четыре дня до нападения на Польшу, Форд искренне заверял газету *Boston Globe*, что Гитлер просто блефует. Немцы «не осмелятся развязать войну, и сами прекрасно это знают», – утверждал он. Неделию спустя, когда вторжение Германии на польскую территорию уже началось, он опрометчиво сказал своему другу: «Там не было сделано ни единого выстрела. Это все выдумки банкиров-евреев»<sup>118</sup>.

Форду и Уотсону следовало задуматься задолго до указанных событий. Еще в 1937 году немецкий филиал компании Форда выпускал грузовики и бронетранспортеры для вермахта. В июле 1939 года это дочернее предприятие переименовали в Ford-Werke. 15 % акций этой компании принадлежало концерну Farben, который впоследствии был признан виновным в преступлениях против человечества, связанных с деятельностью завода по производству синтетического каучука «Буна» в Освенциме и поставками газа «Циклон-Б», применявшегося для уничтожения евреев. В 1939 году, когда война уже началась, Ford и General Motors по-прежнему управляли своими немецкими филиалами, занимавшими ведущие позиции в автомобильной промышленности Германии. Как ни пытались впоследствии руководители обеих компаний опровергнуть эти факты, они отказались продать свою долю в немецких предприятиях, даже подчинились приказу германских властей и приняли участие в переоснащении военной промышленности, хотя у себя на родине противились выполнению аналогичного требования со стороны американского правительства. В марте 1939 года, после того как нацисты оккупировали Чехословакию, Слоун так объяснил свои мотивы: работа в Германии приносила «необычайно высокую прибыль». По поводу внутренней политики рейха он заметил лишь то, что она «никак не касается General Motors». Opel переоборудовал свой комплекс площадью 432 акра в Рюссельсхайме для производства боевых самолетов люфтваффе, поставив Германии целых 50 % двигателей для бомбардировщиков средней дальности «Юнкерс» Ю-88. Кроме того, компания занималась разработкой первого в мире реактивного истребителя «Мессершмитт» Me-262, способного развивать скорость на 100 миль в час выше скорости американ-

ских «Мустангов» Р-510. В благодарность за проделанную работу нацисты наградили Генри Форда Большим крестом ордена Германского орла в 1938 году – через четыре месяца после захвата и присоединения Австрии. А месяцем позже подобной чести удостоился и Джеймс Муни, генеральный директор зарубежных филиалов General Motors. В годы войны, когда Ford-Werke снабжала нацистов оружием и эксплуатировала рабский труд заключенных из находившегося неподалеку концлагеря Бухенвальд, материнская компания Форда утратила эффективный контроль над своим дочерним предприятием. Когда в 1998 году бывшая узница лагеря Эльза Иванова возбудила дело против этой компании, Ford Motor Company наняла небольшую армию ученых и юристов, чтобы те попытались скрыть правду об аморальном поведении ее руководства и сделали имидж Ford более привлекательным, превратив предприятие в часть так называемого «арсенала демократии». Однако сразу после войны в одном из своих докладов эксперт сухопутных войск США Генри Шнайдер красноречиво назвал Ford-Werke «арсеналом нацистов»<sup>119</sup>. Проведя соответствующее расследование в конгрессе относительно монополии в автомобильной промышленности, Брэдфорд Снелл выяснил, что благодаря «своему мировому господству в производстве автомобилей General Motors и Ford стали основными поставщиками как для фашистской армии, так и для демократических стран»<sup>120</sup>.

Генри Форд не только снабжал вермахт грузовиками; он также помогал нацистам распространять их порочную идеологию. Так, в 1921 году он издал сборник антисемитских статей под названием «Международное еврейство», ставший настольной книгой будущих нацистских вождей. Он же финансировал издание полумиллионным тиражом «Протоколов сионских мудрецов». На тот момент «Протоколы» уже были повсеместно признаны фальсификацией, однако Форда это нисколько не смутило. Бальдур фон Ширах, бывший руководитель гитлерюгенда и гауляйтер Вены, заявил на Нюрнбергском процессе:

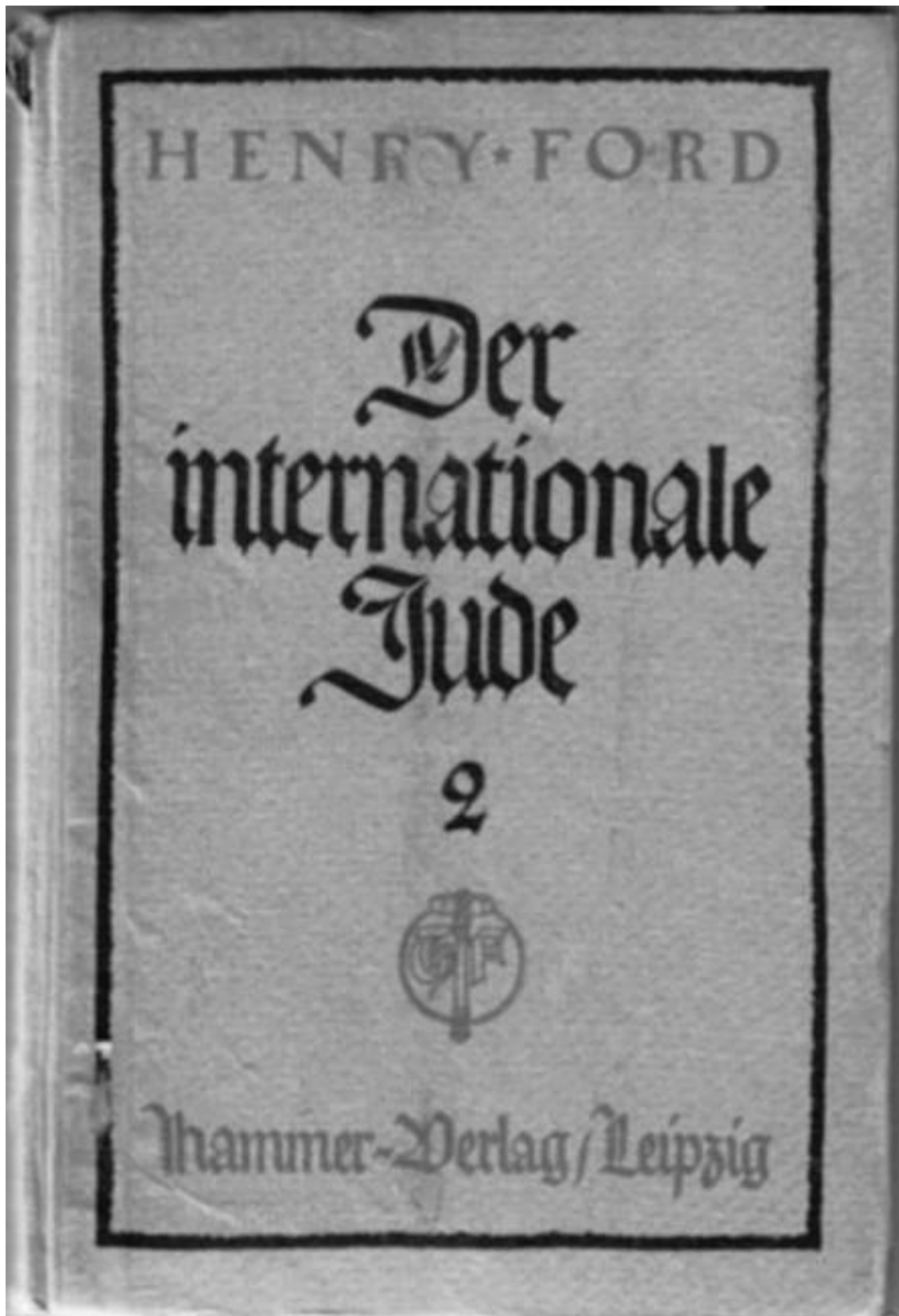
«Переломным моментом для меня стал тот день, когда я прочел антисемитскую книгу Генри Форда “Международное еврейство”. Я прочел ее – и сам стал антисемитом. Эта книга... произвела глубочайшее впечатление и на моих друзей, потому что для нас Генри Форд был воплощением успеха, воплощением прогрессивной социальной политики. В Германии, погрязшей в то время в нищете и невзгодах, молодежь смотрела на Америку, которую... в наших глазах олицетворял Генри Форд... И если он говорил, что во всем виноваты евреи, разумеется, мы ему верили»<sup>121</sup>.

Портрет Форда висел в мюнхенском кабинете самого Гитлера, и в 1923 году фюрер признался в интервью журналисту *Chicago Tribune*, что «хотел бы отправить в Чикаго и другие крупные города свои ударные части, чтобы те помогли американцам на выборах. Мы видим в Генрихе Форде лидера зарождающейся в Америке фашистской партии». А в 1931 году он заявил читателям *Detroit News*: «Генри Форд – источник моего вдохновения»<sup>122</sup>.

Немцы также черпали вдохновение и в печально известных заигрываниях американцев в 1920–1930-х годах с евгеникой и «расовой чистотой». В Калифорнии началась принудительная стерилизация, которую прошло более трети из запланированных 60 тысяч человек; в остальных штатах количество несчастных было ненамного меньшим<sup>123</sup>. Рокфеллер и Карнеги спонсировали научное исследование, благодаря чему такая политика стала выглядеть более солидной в глазах обывателя. Подобные новшества не остались незамеченными для руководства Германии. В своей книге «Майн кампф» Гитлер выразил восхищение достижениями американских лидеров в области евгеники. Позднее он поделился восторгом и с коллегами по партии: «Я с большим интересом изучил законы нескольких американских штатов в отношении предупре-

ждения размножения людей, чье потомство не будет, по всей вероятности, представлять никакой ценности или даже разрушит генетический фонд нации»<sup>124</sup>.

Среди таких штатов была и Вирджиния: решение о стерилизации «умственно отсталой» женщины способствовало принятию знаменитого постановления Верховного суда США по делу «Бак против Белла», которое слушалось в 1927 году. Мнение большинства выразил 86-летний Джастис Оливер Венделл Холмс, ветеран Гражданской войны, сравнив лишение Бак свободы продолжения рода с тем, как солдаты жертвуют жизнью на войне: «Мы уже не раз убеждались в том, что ради общественного блага лучшие наши граждане приносят в жертву свою жизнь. Потому было бы странно, если бы и те, кто и так ослабляет мощь нашей державы, не проявили подобной самоотверженности, пойдя даже на меньшие жертвы... чтобы нас не поглотила пучина невежества». Холмс пришел к следующему заключению: «Для всего мира будет лучше, если, вместо того чтобы ждать казни такого неполноценного отпрыска за содеянное преступление или его смерти от голода из-за слабоумия, общество предотвратит размножение тех, кто попросту не годится для достойного продолжения рода... Трех поколений умственно отсталых нам вполне достаточно»<sup>125</sup>. Хотя, согласно статистике, по количеству принудительных стерилизаций Вирджиния уступала только Калифорнии, кое-кому все же казалось, что принятые меры недостаточно радикальны. Пропагандируя выход закона о стерилизации на общенациональный уровень, доктор Джозеф Дежарнетт в 1934 году заявил: «Немцы побеждают нас на нашем собственном поле»<sup>126</sup>.



*Немецкое издание «Международного еврейства» Генри Форда – сборника статей антисемитской тематики, ставшего настольной книгой будущих нацистских вождей.*

Хотя большинство американских компаний, продолжавших вести дела с нацистской Германией, и отозвали американцев из своих немецких филиалов в 1939 и 1940 годах, управление ими во многих случаях осталось в руках немцев, ранее управлявших филиалами американских предприятий. Прибыль тем временем неустанно поступала на закрытые банковские счета.

Одним из крупнейших американских капиталистов, поддерживавших связь с партнерами-нацистами, был Прескотт Буш, отец одного президента и дед другого. Вот уже долгие годы эксперты пытаются выяснить истинную природу его отношений с Фрицем Тиссенем, богатейшим немецким промышленником, – тот, как стало известно после выхода в свет в 1941 году его мемуаров «Я платил Гитлеру», сыграл решающую роль в проталкивании фюрера к власти. Однако в конце концов Тиссен отказался от поддержки нацистского диктатора и угодил за решетку.

Пока Тиссен находился в тюрьме, его немалое состояние бережно хранилось за границей – в основном благодаря компании по доверительному управлению инвестициями Brown Brothers Harriman и холдинговой корпорации Union Banking. Этим счетом распорядился старший партнер Прескотт Буш. В 1942 году правительство США национализировало вышеназванную корпорацию согласно Закону о торговле с врагом за сотрудничество с Роттердамским банком торговли и судоходства, принадлежавшим Тиссену. Правительство также получило контроль над другими компаниями, связанными с именем немецкого предпринимателя, чьими счетами управлял Буш: так, властям отошли Holland-American Trading Company, корпорация по производству бесшовной стали, Silesian-American Corporation и пассажирская судоходная компания Hamburg-Amerika Line<sup>127</sup>.

Сразу после войны большая часть денег, принадлежавших нацистам, обрела новых хозяев. Акции корпорации Union Banking вернулись к Бушу, замороженная прибыль Dehomag отправилась в IBM, а Ford и General Motors вновь поглотили свои немецкие дочерние предприятия и даже получили репарации, положенные всем европейским фабрикам и заводам, разрушенным в результате бомбардировок авиацией союзников (в случае General Motors сумма репараций составила около 33 миллионов долларов)<sup>128</sup>.

Так заработать удалось не только вышеназванным предпринимателям. Многие американские компании продолжали вести бизнес с нацистской Германией до самого нападения японцев на Перл-Харбор. Как объявило руководство Ford Motor Company в 2001 году, в ходе изучения деятельности бывшего Ford-Werke в начале войны стало известно, что 250 американских компаний владели более чем 450 миллионами долларов немецких активов, при этом 58,5 % общей суммы принадлежало десяти крупнейшим вкладчикам. Среди таких корпораций были Standard Oil, Woolworth, IT&T, Singer, International Harvester, Eastman Kodak, Gillette, Coca-Cola, Kraft, Westinghouse и United Fruit. Ford занимал среди них 16-е место – всего лишь 1,9 % инвестиций. Возглавлявшим этот список Standard Oil и General Motors принадлежали 14 и 12 % инвестиций соответственно<sup>129</sup>.

Интересы большинства перечисленных компаний представляла группа адвокатов из юридической конторы Sullivan and Cromwell, во главе которой стоял будущий государственный секретарь Джон Фостер Даллес. Его партнером был брат, Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ. Среди их клиентов числился также Банк международных расчетов (БМР), основанный в Швейцарии в 1930 году для получения США репараций от Германии.

После объявления войны банк продолжал оказывать финансовые услуги Третьему рейху. Большая часть золота, награбленного нацистами в покоренных странах Европы, осела в подвалах БМР; переброска же капиталов открыла нацистам доступ к средствам, которые были бы заморожены согласно Закону о торговле с врагом. В создании этого банка участвовали высокопоставленные нацисты и их сторонники, например Ялмар Шахт и Вальтер Функ: оба оказались на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе, хотя Шахта в итоге и оправдали. Амери-

канский юрист, президент банка Томас Маккитрик объявил, что банк придерживается «нейтралитета», но по-прежнему оказывал серьезную поддержку нацистам. Действия БМР были настолько вызывающими, что министр финансов США Генри Моргентау бросил членам правления обвинение: 12 из 14 руководителей банка «сами являются нацистами либо находятся под их контролем»<sup>130</sup>.

Банковские дома Chase, Morgan, а также Union Banking Corporation и Bank for International Settlements сумели замаскировать факт своего сотрудничества с нацистами. Чейз продолжал сотрудничать с режимом Виши, сателлитом Третьего рейха. За годы войны его вклады удвоились. В 1998 году выжившие жертвы холокоста подали на его банк в суд, утверждая, что он до сих пор хранит деньги на счетах, открытых во время Второй мировой войны.

Пока американские капиталисты получали прибыль от зарубежных инвестиций и делали все возможное, чтобы втереться в доверие к германскому правительству<sup>131</sup>, Джеральд Най и его специалисты добились блестящих успехов: им удалось докопаться до постыдной правды о влиянии и махинациях производителей оружия и ростовщиков и разоблачить отвратительную реальность, скрывавшуюся за громкими словами, под которые американские солдаты отправлялись в бой. Однако, помимо этого, слушания привели к еще двум последствиям, и сегодня, оглядываясь в прошлое, мы можем лишь сожалеть о них. Во-первых, они чрезмерно упрощали понимание причин войны, а во-вторых, усилили тенденцию к изоляции США от других государств, причем это произошло в самый страшный момент, какой только можно себе представить, – как раз тогда, когда благодаря своему влиянию США могли предотвратить катастрофу. Расследование убедило всех, что Соединенным Штатам следует избегать заключения каких-либо союзов и вмешательства в мировую политику. Должно быть, единственный раз за всю историю США сильнейшие антивоенные настроения были ошибочными – в свете истинной угрозы человечеству, которую несли с собой фашистские и иные агрессивные силы. Корделл Хэлл позднее написал по этому поводу, что слушания в комитете Ная повлекли за собой «ужасные последствия» и стали катализатором для «изоляционистских настроений, связавших правительству руки в тот самый момент, когда мы так нуждались в возможности вывести наше влияние на новый уровень»<sup>132</sup>. В январе 1935 года журнал *Christian Century* писал: «99 американцев из 100 сочтут слабоумным любого, кто накануне очередной европейской войны предложит США принять в ней участие»<sup>133</sup>.

Однако совсем скоро картина событий в Европе многих заставит пересмотреть свои взгляды. Сначала Гитлер нарушил запрет на перевооружение, наложенный на Германию Версальским договором. Затем, в октябре 1935 года, Муссолини вторгся в Эфиопию. Но, учитывая принятый недавно закон о сохранении нейтралитета, связанный с наложением эмбарго на продажу оружия всем воюющим странам, а также резкие расхождения в политических пристрастиях американцев (так, американцы итальянского происхождения в целом поддерживали Муссолини, а чернокожие – Эфиопию), США заняли позицию пассивного наблюдателя. Международное сообщество также не слишком бурно отреагировало на агрессию. Лига Наций осудила итальянское вторжение и подумывала о решении наложить эмбарго на поставки нефти, что могло бы обернуться для агрессора катастрофическими последствиями. Координационный комитет Лиги призвал страны, не состоящие в этой организации, поддержать инициативу. На тот момент США поставляли более половины всей импортируемой нефти в мире. Их сотрудничество с Лигой стало бы для фашистской агрессии настоящим камнем преткновения. Однако Рузвельт, пойдя на поводу у изоляционистских настроений населения, отказался поддержать эмбарго Лиги Наций. Вместо этого президент США объявил о введении «морального эмбарго» на поставки нефти и других стратегически важных ресурсов. Это ограничение не возымело абсолютно никакого эффекта – напротив, объем американских поставок в Италию в течение последующих нескольких месяцев увеличился почти втрое<sup>134</sup>. Лига тем временем ввела ряд

ограниченных и бесполезных санкций, но сама же впоследствии свела их на нет из уважения к сдержанности Англии и Франции и из страха спровоцировать Италию на ответные действия.

Так удался гамбит Муссолини. Гитлер и японцы пришли к выводу, что у Англии, Франции и США кишка тонка ввязываться в войну, а потому они скорее уступят более агрессивным нациям, чем сами примут участие в боевых действиях. В январе 1936 года Япония покинула Лондонскую конференцию по вопросам военно-морских сил и начала масштабную программу милитаризации. В марте 1936 года немецкие войска вошли в Рейнскую область: Гитлер не побоялся рискнуть, хотя ему и пришлось откровенно блефовать. И тем не менее риск оправдался. Позднее фюрер и сам признавал, что вооруженное сопротивление, несомненно, вынудило бы его отвести войска. «Те двое суток после вторжения в Рейнскую область были самыми страшными в моей жизни, – говорил он. – Если бы французы ввели туда свои войска, нам пришлось бы бежать, поджав хвост, потому что военных ресурсов, имевшихся в нашем распоряжении на тот момент, не хватило бы даже для умеренного сопротивления»<sup>135</sup>.

Еще более слабохарактерным мировое сообщество показало себя после начала гражданской войны в Испании. Обстановка в стране накалилась в июле 1936 года, когда мятежники Франсиско Франко решили свергнуть испанское правительство и установить фашистский режим. Республика нажила себе немало врагов среди американских чиновников и глав корпораций из-за проведения прогрессивных реформ и строгого контроля над предпринимателями. Кое-кто считал, что к происходящему приложили руку коммунисты, и высказывал опасения, что победа республиканцев приведет к установлению коммунистического режима. Американские католики и церковные прелаты, возмущенные агрессивным антиклерикализмом республиканцев, сплотились, чтобы поддержать Франко. Так же отреагировали и Гитлер с Муссолини: они щедро снабжали мятежников всем необходимым, в том числе самолетами, летчиками и тысячами солдат. Германия использовала эту войну, чтобы опробовать новое оружие и тактику, которые военачальники вермахта успешно применяют в ходе боевых действий в Польше и других европейских странах. Сталин отправлял самолеты и танки в помощь демократическим силам, но он не мог дать хотя бы приблизительно столько, сколько поставляли Берлин и Рим. Однако Рузвельт не оказал республиканцам никакого содействия, равно как Франция и Англия. США, последовав примеру этих держав, запретили поставки оружия обеим сторонам конфликта, что значительно ослабило окруженных со всех сторон и плохо вооруженных сторонников правительства Испании. Ford, General Motors, Firestone и другие американские предприятия снабжали фашистов грузовиками, шинами и станками. Техасо oil company под руководством симпатизировавшего идеям фашизма полковника Торкильда Рибера пообещала предоставить Франко любое количество нефти, причем в кредит. Рузвельт, узнав об этом, пришел в ярость, пригрозил наложить эмбарго на все поставки нефти и обязал компанию выплатить штраф. Но Рибер, несмотря на все меры, принятые президентом, продолжал снабжать нефтью Гитлера, благодаря чему привлек к себе внимание журнала *Life*<sup>136</sup>.



*Первая торжественная встреча ветеранов бригады имени Авраама Линкольна, легендарного подразделения, близкого к компартии и сражавшегося с фашистами в Испании. Бригада потеряла 120 человек убитыми и 175 ранеными.*

Прогрессивные американцы сплотились во имя защиты Испанской Республики. Как ни странно, именно поборник мирного курса Джеральд Най возглавил борьбу сената за предложение возобновить поставки оружия, столь необходимые войскам республики. Около 3 тысяч храбрых американских добровольцев отправились в Испанию, чтобы дать бой фашизму: вначале они добрались до Франции, а затем незаметно пересекли Пиренеи и оказались в Испании. 450 человек составили легендарную бригаду имени Авраама Линкольна, близкую к компартии. 120 бойцов бригады пали в боях, 175 получили ранения. Поль Робсон, необычайно талантливый чернокожий спортсмен, интеллектuala, актер и певец, отправился на поле боя, чтобы выступать перед солдатами.

Сражения продолжались три года. Республика пала весной 1939 года, похоронив под своими развалинами не только более 100 тысяч солдат и 5 тысяч иностранцев-добровольцев, но также надежды и мечты всего человечества. К 1938 году Рузвельт понял, к чему привела его политика, и попытался тайно направить помощь правительству республики, но она, мягко говоря, немного запоздала. Нейтралитет Америки стал «смертельной ошибкой», как признался президент своим сотрудникам. Он предрек, что совсем скоро придет время всем расплачиваться за эту ошибку<sup>137</sup>.

Мировые державы так же мало сделали и для того, чтобы предотвратить вторжение Японии в Китай в 1937 году, хотя многие с ужасом следили за новостями с фронта. Начавшись с инцидента на мосту Марко Поло в июле 1937 года, сражения вскоре охватили всю страну. Войска Чан Кайши стремительно отступали, а японские солдаты подвергали мучениям мирных

китайских жителей. Самые вопиющие зверства выпали на долю жителей Шанхая и Нанкина – в этих городах насилиям, грабежам и убийствам не было конца.

Стараниями фашистских и милитаристских сил мир семимильными шагами шел к войне. Одни объясняли это привлекательностью идей фашизма, другие – ненавистью к коммунистическому СССР, третьи – боязнью угодить в такую же пучину страданий, какую мир познал в предыдущей мировой войне, но факт остается фактом: западные демократические державы бездействовали, пока Италия, Япония и Германия захватывали новые территории, существенно меняя соотношение сил на мировой арене.

## Глава 3

### Вторая мировая война: кто на самом деле победил Германию?

Большинство американцев считают Вторую мировую «удачной войной», в которой США и их союзники одержали блестящую победу над германскими нацистами, итальянскими фашистами и японскими милитаристами. Но всему остальному миру она запомнилась как самая кровопролитная война за всю историю человечества. К моменту завершения боевых действий погибло более 60 миллионов человек, в том числе 27 миллионов советских граждан, от 10 до 20 миллионов китайцев, 6 миллионов евреев, 5,5 миллиона немцев, 3 миллиона поляков (не считая польских евреев), 2,5 миллиона японцев и 1,5 миллиона югославов. Количество жертв со стороны Австрии, Великобритании, Франции, Италии, Венгрии, Румынии и США составило от 250 до 333 тысяч человек по каждой стране.

В отличие от Первой мировой войны Вторая начиналась медленно и постепенно. Первые выстрелы, по сути, прогремели еще в 1931 году, когда японская Квантунская армия сокрушила китайские войска в Маньчжурии.

В конце XIX века, пока великие державы Запада расширяли свои колонии, в Японии стремительными темпами шли процессы модернизации и индустриализации: это восточное государство стремилось занять место среди ведущих стран мира. Японская армия уже продемонстрировала свое умение вести современные боевые действия, нанеся поражение китайцам в войне 1894–1895 годов, а ровно через десять лет наголову разгромив русских. Впервые за почти 700 лет – со времен Чингисхана – восточной державе удалось нанести поражение западной. Война сильно истощила ресурсы России и стала катализатором революции 1905 года. В конце концов «брожение» радикально настроенных умов, помноженное на несправедливость царского режима и серьезные потери, понесенные в боях против Германии в ходе Первой мировой войны, вылилось в революцию 1917 года. Русско-японская война также омрачила отношения между двумя державами на несколько десятилетий.

Тем временем Германия, стремясь отомстить за свое сокрушительное поражение в Первой мировой войне, пошла в наступление на Запад. В 1936 году Гитлер и Муссолини сформировали так называемую ось Берлин – Рим<sup>23</sup> и помогли генералу Франсиско Франко свергнуть правительство Испанской Республики. Бессилие западных демократий перед лицом фашистской агрессии в Эфиопии и Испании придало Гитлеру уверенность в том, что он сумеет воплотить в жизнь свои планы по захвату Европы. Оно же убедило Сталина в том, что Англия, Франция и США не заинтересованы в совместных действиях против растущей угрозы нацизма.

В 1937 году в Китае развернулись масштабные боевые действия, в ходе которых многочисленная японская армия захватывала один город за другим. В декабре 1937 года японцы устроили массовую резню в Нанкине, убив от 200 до 300 тысяч мирных жителей и изнасиловав около 80 тысяч женщин. Вскоре Япония захватила все восточное побережье Китая, где проживали 200 миллионов человек.

В 1938 году международное положение ухудшилось еще больше, когда Австрия была аннексирована Германией, а Англия и Франция расписались в собственном бессилии перед Гитлером в Мюнхене, отдав Германии Судетскую область Чехословакии. Премьер-министр

---

<sup>23</sup> *Ось Берлин – Рим*, военно-политический союз фашистской Германии и Италии, оформленный Берлинским соглашением от 25 октября 1936 года. Создание оси свидетельствовало об открытой подготовке фашистских государств к развязыванию Второй мировой войны 1939–1945 годов. Продолжением соглашения ось Берлин – Рим явился подписанный 25 ноября 1936 года Германией и Японией «антикоминтерновский пакт», к которому 6 ноября 1937 года присоединилась Италия.

Англии Невилл Чемберлен по этому поводу сказал свою печально известную фразу: соглашение-де принесло «мир нашему времени»<sup>1</sup>. Однако Рузвельт оказался более дальновидным. По его мнению, англичане и французы бросили беспомощных чехов в беде: «Эти иуды еще долго будут отмывать свои руки от крови»<sup>2</sup>. Но Рузвельт понимал, что США и сами не оказывают никакой поддержки тем, кто противостоит нацистской диктатуре. Так, США отказали в помощи еврейским общинам Австрии и Германии, находившимся в отчаянном положении. В 1939 году Соединенные Штаты в первый и последний раз приняли полную квоту иммигрантов из Австрии и Германии – 27 300 человек. То была капля в море – в убежище нуждались сотни тысяч евреев. А Рузвельт и не попытался увеличить мизерную квоту, установленную дискриминационным законом об иммиграции от 1924 года<sup>3</sup>.

В марте 1939 года Гитлер нанес новый удар, вторгнувшись в Чехословакию. Сталин понял, что скоро настанет черед и Советского Союза. Вот уже многие годы советский диктатор призывал западные державы объединиться в борьбе с Гитлером и Муссолини. В 1934 году СССР даже вступил в Лигу Наций. Но советские призывы к созданию системы коллективной безопасности перед лицом фашистской угрозы неизменно отвергались. После нападения Германии на Чехословакию Сталин вновь предложил Англии и Франции объединиться и встать на защиту Восточной Европы, и снова никто не пожелал к нему прислушаться.

Опасаясь, что Германия и Польша вместе нападут на СССР<sup>24</sup>, он решил любой ценой выиграть время. В августе он заключил предосудительную и претящую ему сделку со своим смертельным врагом. Гитлер и Сталин потрясли мир, подписав пакт о ненападении и секретный протокол, согласно которому они собирались поделить между собой Восточную Европу. На самом деле такую же договоренность Сталин еще раньше предлагал англичанам и французам, но те отказались удовлетворить просьбу СССР о пропуске советских войск через территорию Польши в целях противостояния немцам<sup>25</sup>. 1 сентября Гитлер напал на Польшу. Союзники объявили Германии войну. Советский Союз вторгся на территорию Польши 17 сентября. Вскоре Советы получили контроль над Прибалтикой – Эстонией, Латвией и Литвой, – а затем вступили в войну с Финляндией.

После короткой передышки Гитлер начал в апреле 1940 года свой стремительный блицкриг.

Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия капитулировали одна за другой. 22 июня, всего через шесть недель после начала боевых действий, капитулировала Франция, потерявшая большую часть своей молодежи в Первой мировой войне. Ее консервативный правящий класс был до мозга костей пропитан антисемитизмом. Англия оказалась в изоляции. Во время битвы за Англию летом 1940 года ее перспективы представлялись безрадостными. Однако Германии так и не удалось уничтожить Королевские ВВС, а это делало невозможным запланированное на сентябрь 1940 года вторжение непосредственно на английскую территорию. Тем не менее люфтваффе продолжало ожесточенные бомбежки английских городов.

---

<sup>24</sup> С января 1934 по апрель 1939 года между Польшей и Германией действовал Договор о ненападении (пакт Пилсудского–Гитлера), а осенью 1938-го, после Мюнхенского соглашения, Польша (как и Венгрия) приняла участие в разделе чехословацких территорий.

<sup>25</sup> В тот момент между СССР и Германией не существовало общей границы.



*В 1936 году Гитлер и Муссолини создали так называемую ось Берлин – Рим и начали агрессию в Эфиопии и Испании. С самого начала западные демократии не сделали ничего, чтобы остановить агрессоров.*

Рузвельт хотел помочь, но руки у него были связаны законом о нейтралитете, полной неподготовленностью страны к войне и поголовным распространением изоляционистских настроений. Мало того, ему приходилось считаться с собственными министрами и генералами, считавшими, что Англию уже не спасти, а США необходимо сосредоточить все усилия на обороне собственной территории. Президент хитрил, чтобы оказать Англии хоть какую-то помощь. Рискую навлечь на себя обвинения в противозаконных действиях, Рузвельт в обход сената единолично принял решение об отправке англичанам 50 старых эсминцев в обмен на аренду сроком на 99 лет военно-морских и авиационных баз в восьми британских владениях в Западном полушарии. Когда вспыхнула битва за Англию, Рузвельт все больше был готов выдержать нападки в конгрессе, лишь бы укрепить боевой дух англичан<sup>4</sup>.

Руководители западных стран осудили агрессию со стороны Японии, но ничем не помогли китайцам, чьи города подвергались непрерывным бомбардировкам. В июле 1939 года США затащили удавку на шею японской экономики: они разорвали заключенный в 1911 году торговый договор с Японией, лишив ее поставок стратегически важного сырья и запретив экспорт товаров, необходимых для ведения боевых действий. Тем временем в Маньчжурии советские и японские армии сражались за спорные границы<sup>26</sup>. Эти бои принесли первую победу генералу Г. К. Жукову и обострили положение на Востоке.

В сентябре 1940 года Германия, Италия и Япония официально заключили трехстороннее соглашение, основав союз так называемых держав оси. Вскоре к ним присоединились Венгрия, Румыния, Словакия и Болгария.

---

<sup>26</sup> Речь идет о боях на реке Халхин-Гол (май-август 1939 года), в ходе которых Красная армия помогла Монгольской Народной Республике отстоять монгольскую территорию от посягательств Японии. Летом 1938 года японцы были разбиты на советской территории в районе озера Хасан.

Увидев, что тучи войны сгущаются, Рузвельт решил нарушить сложившуюся традицию и баллотироваться на третий срок<sup>27</sup>. Республиканцы выдвинули в кандидаты от своей партии адвоката из Индианы Уэнделла Уилки, который придерживался умеренных политических взглядов и поддерживал большую часть реформ «Нового курса», а также выступал за предоставление военной помощи Великобритании. Тот факт, что Уилки, совсем недавно перешедший из Демократической партии в Республиканскую, баллотируется в президенты, вызвал негодование у наиболее жестких республиканцев; так, бывший сенатор Джеймс Уотсон заявил: «Если бы блудница вдруг раскаялась и пожелала войти в лоно церкви, я бы лично пожал ей руку и проводил к амвону. Но, клянусь Всевышним, я не позволил бы ей исполнить сольную партию в церковном хоре в первый же вечер»<sup>5</sup>.

Рузвельт тщательно обдумывал возможные кандидатуры на пост вице-президента. Ставки были слишком высоки – страна могла вот-вот оказаться втянутой в войну. Он взвесил все за и против и остановился на своем министре сельского хозяйства – Генри Уоллесе. Он знал, что не все одобряют это решение, поскольку избранный им кандидат происходил из рода видных политиков-республиканцев штата Айова. Его дед основал журнал *Wallaces' Farmer*, солидное научное издание по вопросам сельского хозяйства. Отец до самой своей смерти в 1924 году занимал пост министра сельского хозяйства при Гардинге и Кулидже. Хотя Уоллес и поддержал демократов Смита в 1928 году и Рузвельта в 1932-м, официально он сменил партию лишь в 1936 году, из-за чего многие ведущие демократы сомневались в его лояльности, как и республиканцы не доверяли Уилки.

У самого Рузвельта никаких сомнений не было. Он хорошо знал позицию Уоллеса по основным вопросам. Тот показал себя дельным министром и сумел в короткий срок добиться возрождения процветающего сельского хозяйства. Фермеры, в 1933 году составлявшие все еще четверть населения, находились в бедственном положении, когда Уоллес принял новую должность. Сельскохозяйственная продукция наводняла рынок, что повлекло за собой падение цен. Проблема, существовавшая на протяжении всех 1920-х годов, в 1929-м достигла катастрофических масштабов. Совокупный доход фермеров в 1932 году составил лишь одну треть дохода, полученного в 1929-м. К 1933 году сельские жители Америки и вовсе впали в отчаяние. Рузвельт понимал, что успех всего «Нового курса» зависит от возрождения сельского хозяйства. Предложения, выдвинутые Уоллесом, казались очень спорными. Он хотел выплачивать фермерам премии за снижение объема продукции; по его мнению, сокращение поставок на рынок привело бы к увеличению спроса, а следовательно, и цен на сельскохозяйственную продукцию. Но в 1933 году он был вынужден пойти на еще более жесткие меры. Тогда цены на хлопок упали до 5 центов за фунт. Склады были переполнены, а экспортировать хлопок стало некуда. Фермеры же ожидали нового богатого урожая. Уоллес решил заплатить им за уничтожение 25 % еще несобранного хлопка. Для Уоллеса, годами работавшего над усовершенствованием гибридного сорта кукурузы и считавшего, что изобилие пищи представляет собой исключительную важность для поддержания мира во всем мире, мысль об уничтожении посевов была невыносима. «То, что мы вынуждены избавиться от посевов, – сокрушался он, – рисует нашу цивилизацию в ужасном свете». В августе того года было перепахано более 4 миллионов гектаров хлопковых плантаций.

Дальше пришлось еще труднее. Уоллесу пришлось решать вопрос об избытке свиней. По совету самих свиноводов Уоллес провел в жизнь программу, в рамках которой было забито 6 миллионов поросят, весивших менее 45 килограммов, то есть половины веса взрослой свиньи, принятого за стандарт на рынке. Критики подвергли резким нападкам организован-

---

<sup>27</sup> До принятия в 1951 году 22-й поправки к Конституции США один и тот же человек мог занимать пост президента более двух сроков. Фактическое ограничение двумя сроками проистекало из прецедента, созданного первым президентом – Дж. Вашингтоном.

ное им «свинское детоубийство» и «регулирование рождаемости свиней». Уоллес парировал нападки своих недоброжелателей: «Разумеется, бесчеловечно убивать как взрослую свинью, так и маленького поросенка... Послушать критиков, так свиней растят для того, чтобы держать в качестве комнатных животных». Разумеется, Уоллес сделал все возможное, чтобы извлечь какой-нибудь прок из этой программы. Он раздал 45 тысяч тонн свинины, сала и мыла бедствующим американцам. «Мало кто понимал, насколько радикальное решение мы приняли, – вспоминал он, – правительство выкупало излишки у тех, кто их имел, и распределяло среди тех, кто не имел ничего».

Хотя реформы Уоллеса и подверглись острой критике, они привели к желаемым результатам. Цены на хлопок увеличились вдвое. Доход от сельского хозяйства возрос за год на 30 %. И все же Уоллеса огорчал печальный подтекст этой политики: «Уничтожение 10 миллионов акров хлопка в августе 1933 года, убийство 6 миллионов поросят в сентябре 1933-го – ни одно здоровое общество не назовет эти меры образцовыми. То были чрезвычайные меры, необходимость которых была порождена почти полной некомпетентностью правительств всего мира в период с 1920 по 1932 год»<sup>6</sup>. Но, как бы ни оправдывался Уоллес, ужасающее всех в то время уничтожение посевов и домашнего скота на фоне страданий голодного и нищего народа вызывало отвращение у избирателей, в результате чего «Новый курс» снискал репутацию бессердечной философии «возрождения через лишения».

Однако в целом, как писал позднее Артур Шлезингер, «Уоллес был по-настоящему выдающимся министром сельского хозяйства... Он вовремя понял, что недостаточно заботиться только лишь о товарном производстве сельхозпродукции, и переключил свое внимание на выращивание продуктов питания для собственного потребления, а также на нужды сельской бедноты. Для городских бедняков он ввел систему талонов на продовольствие и школьных обедов для детей. Он же учредил программы по планированию землепользования, сохранению почв и борьбе с эрозией. Он всегда поощрял исследования заболеваний растений и животных, выведение сортов культур, устойчивых к засухе, и гибридных посевов, которые повысили бы урожайность»<sup>7</sup>.

За восемь лет пребывания в должности министра сельского хозяйства за Уоллесом закрепилась репутация не только одного из самых дальновидных политиков, посвятивших себя «Новому курсу», но и стойкого антифашиста. В 1939 году он оказал серьезную поддержку Американскому комитету за демократию и интеллектуальную свободу (АКДИС). Этот комитет был организован Францем Боасом, ведущим американским антропологом, и его единомышленниками в начале того же года. В конце 1938 года Боас опубликовал манифест о свободе науки, который подписали 1284 американских ученых. Манифест осуждал расистскую политику нацистов и преследования ученых и преподавателей, а также призывал общество решительно встать на защиту демократии и интеллектуальной свободы в самих США. Американская интеллигенция чтит Уоллеса, считала его самым образованным членом правительства Рузвельта и самым преданным поборником интересов научного сообщества. В октябре 1939 года АКДИС пригласил Уоллеса участвовать в круглом столе на тему «Чем ученый может помочь борьбе с расизмом» в рамках Всемирной выставки в Нью-Йорке. Уоллес дал определение понятию «расизм»: «Попытки людей, объединившихся в определенные группы, подчинить себе других посредством ложных расовых теорий в поддержку своих притязаний». Сославшись на свои знания в области генетики растений, он обратил внимание присутствующих на «роль, которую ученые могли бы сыграть в борьбе с подобными ложными теориями, а также на то, что они могут предотвратить разрушительное влияние этих теорий на гражданские свободы». Он призвал научных деятелей возглавить эту борьбу:

«Научное сообщество имеет особые причины и несет особую ответственность за то, чтобы одержать победу над “расизмом”, прежде чем тот вонзит свои ядовитые клыки в нашу политическую систему. Причины заключаются в том, что, когда исчезает свобода личности, исчезает и свобода науки. Ответственность же ученого связана с тем, что лишь он может рассказать людям правду. Только ему дано исправить ошибки, допущенные нашими колледжами, средними школами и средствами массовой информации. Только он может показать, насколько безрассудны заявления о том, что лишь одной расе, одной нации или одному классу Богом была дана власть над остальными»<sup>8</sup>.

Теперь, когда демократия в Европе дышала на ладан, Рузвельту был просто необходим в качестве кандидата в вице-президенты широко известный борец за свободу и демократию. Но заправила и консервативные деятели Демократической партии не желали согласиться с кандидатурой Уоллеса – именно из-за тех его качеств, которые привлекали Рузвельта. Они боялись его радикальных взглядов и с подозрением относились к его принципам, которые он ставил выше сиюминутных политических интересов. Участие Уоллеса в предвыборной кампании буквально висело на волоске. Рассерженный и недовольный Рузвельт обратился с замечательным письмом к делегатам национального съезда партии – к нему стоило бы прислушаться и современным демократам, – недвусмысленно отказываясь от выдвижения своей кандидатуры на пост президента. Свое решение он объяснил следующим образом:

«Демократическая партия [должна] отстаивать прогрессивные и либеральные принципы и проводить соответствующую политику... Партия потерпела в этом неудачу, попав под влияние тех, [кто] мыслит лишь категориями прибылей, позабыв о... человеческих ценностях... Пока Демократическая партия... не сбросит с себя оковы, наложенные на нее консервативными и реакционными силами и сторонниками “умиротворения”... ей не одержать победы... Демократической партии не усидеть на двух стульях одновременно. [Исходя из этого я] отказываюсь от чести быть кандидатом на пост президента»<sup>9</sup>.

Положение спасла Элеонора Рузвельт. Впервые в истории на съезде партии выступила супруга кандидата в президенты. Она попыталась успокоить раздраженных делегатов, заявив: «Мы столкнулись со сложной, серьезной ситуацией», – и напомнила: «Времена наступили очень непростые»<sup>10</sup>. Под сильным давлением партийные боссы, игравшие главную роль в процессе выдвижения кандидатов, и делегаты съезда уступили и проголосовали за кандидатуру Уоллеса. Однако позднее они станут изыскивать возможность отплатить за вырванную у них уступку.

В ноябре Рузвельт и Уоллес успешно обошли Уэнделла Уилки и Чарльза Макнери, набрав 55 % голосов избирателей. Накануне голосования Рузвельт пообещал, что не даст вовлечь США в войну. Выступая перед восторженной толпой в Бостон-гарден, он заявил: «Я говорил уже прежде и повторю это еще раз. Ваши сыновья не отправятся воевать за интересы других стран»<sup>11</sup>. Однако США с каждым днем все ближе подходили к участию в конфликте, поставляя Англии боевую технику, в частности артиллерию, танки, пулеметы, винтовки и тысячи самолетов.

В начале января 1941 года Рузвельт поднял ставки, предложив англичанам так называемый ленд-лиз – передачу вооружений в аренду или с оплатой в рассрочку. Соответствующий законопроект получил патриотичное название ПП-1776<sup>28</sup>. Он дал бы президенту неограниченную свободу действий в снабжении отчаявшейся Англии боевой техникой, не вступая в войну и не заботясь о «дурацких и нелепых долларах»<sup>12</sup>. Реакция на послание президента показала: очень многие не согласны с его попытками убедить страну, что война отвечает коренным интересам США. На следующий день Элеонора Рузвельт даже высказалась по этому поводу на пресс-конференции: ее «удивило и опечалило» то, как холодно встретили послание представители Республиканской партии<sup>13</sup>.

На самом деле противники Рузвельта из Республиканской партии были возмущены как никогда. Томас Дьюи, который позднее баллотировался в президенты, высказал опасения по поводу того, что этот законопроект «положит конец свободному правительству в США и, в сущности, упразднит конгресс». Альф Лэндон назвал предложение президента «первым шагом к установлению диктатуры господина Рузвельта»<sup>14</sup>. Он же, по сути, предсказал грядущую катастрофу. «Шаг за шагом он втягивает нас в войну», – возмущенно заявил Лэндон. Джеральд Най также пришел к выводу, что, если закон о ленд-лизе будет принят, «война практически неизбежна»<sup>15</sup>.

Критики опасались, что займы и иная помощь Англии снова приведут США к войне, как это произошло в 1917 году. В конгрессе вспыхнули жаркие дебаты. Сенатор-демократ от штата Монтана Бертон Уиллер настаивал на том, что Гитлер ни за что не объявит войну США, а программа ленд-лиза станет «внешней политикой “Нового курса” с рейтингом AAA<sup>29</sup>, которая сведет в могилу каждого четвертого молодого американца»<sup>16</sup>. Рузвельт возмутился, назвав слова Уиллера «самым беспардонным... самым подлым, низким и непатриотичным... самым отвратительным из всех публичных заявлений на моей памяти»<sup>17</sup>.

Сторонники Рузвельта утверждали, что помощь англичанам станет для США наиболее безопасным способом избежать войны. В защиту президента выступил сенатор от штата Оклахома Джошуа Ли: «Гитлер – безумец, стоящий у руля самой могущественной и разрушительной машины, которую только может представить себе человеческое воображение. И обуглившиеся руины целого континента – доказательство того, что он не побоится пустить ее в ход... У Америки есть лишь один шанс избежать тотальной войны, и имя этому шансу – Англия. Именно эта последняя грань отделяет Америку от крещения кровью»<sup>18</sup>.

Законопроект о ленд-лизе был принят конгрессом в начале марта с поправкой, налагающей запрет на сопровождение американскими ВМС караванов судов с товарами. Конгресс выделил на финансирование поставок по ленд-лизу первые 7 миллиардов долларов (конечная сумма составит 50 миллиардов). Сенатор Артур Ванденберг заметил по этому поводу: «Мы нарушили 150-летнюю традицию американской внешней политики. Мы отбросили прощальное обращение Джорджа Вашингтона. Мы с головой окунулись в политику с позиции силы и войну за влияние в Европе, Азии и Африке. Мы сделали первый шаг на пути, с которого уже не свернуть»<sup>19</sup>.

Премьер-министр Черчилль от души поблагодарил американский народ и прислал президенту телеграмму следующего содержания: «Вся Британская империя от души благословляет ваше имя». Однако вскоре англичане поняли, что щедрость и поддержка Рузвельта в спасении империи Черчилля отнюдь не безграничны. Американский президент включил в закон о ленд-лизе положения, согласно которым США получали право на деятельность в закрытой

<sup>28</sup> «Патриотизм» связан с номером: 1776 – год провозглашения независимости США. ПП – палата представителей.

<sup>29</sup> AAA – высший рейтинг финансовой надежности страховой компании по системе оценки, разработанной компанией *Standard & Poor's (S&P)*.

торговой сфере Британской империи и намерены были не допустить восстановления английской монополии там после войны. От подобной перспективы англичане были не в восторге, как и от навязанной им необходимости распродать финансовые активы. Черчилль жаловался: «Нас не просто обокрали – нас обобрали до нитки». Однако он понял: как и опасались противники Рузвельта, США находятся на верном пути к войне. «Хотел бы я, чтоб они уже не могли сорваться с крючка, – признался Черчилль, – но Штаты уже сейчас сидят на нем крепко»<sup>20</sup>.

Как оказалось, американцы и сами старались загнать крючок поглубже. Их симпатии всецело пребывали на стороне стран-союзников. В октябре 1939 года опрос Гэллага выявил, что 84 % жителей США желают победы в этой войне Англии и Франции, и лишь 2 % населения поддерживают Германию. Однако 95 % граждан по-прежнему не хотели, чтобы США принимали непосредственное участие в боевых действиях<sup>21</sup>.

По иронии судьбы, именно Гитлер положил конец изоляции Англии – 22 июня 1941 года, когда история совершила очередной крутой поворот. Нарушив заключенный в 1939 году договор с СССР, немцы начали операцию «Барбаросса» – широкомасштабное вторжение в Советский Союз. Сталин, который еще до этого провел чистки своего генералитета, проигнорировал многочисленные предупреждения о том, что нападения со стороны Германии не миновать. Его войска оказались застигнутыми врасплох – 3,2 миллиона немецких солдат перешли в наступление на линии фронта протяженностью в три с лишним тысячи километров<sup>22</sup>. Немцы быстро продвигались в глубь территории СССР. Люфтваффе уничтожало советские авиационные части, а вермахт окружал сухопутные войска, нанося им огромные потери. Нацисты двигались на Ленинград, Смоленск и Киев. Сокрушительный удар, нанесенный гитлеровским блицкригом по Красной армии, вызвал панику и в Лондоне, и в Вашингтоне: западные державы опасались, что Сталин заключит сепаратный мир с Германией, как сделал Ленин в 1918 году.



*1941 год. Американские гаубицы ждут отправки в Великобританию в рамках программы ленд-лиза, принятой с целью помочь ей в войне с Германией. Закон о ленд-лизе увеличил степень участия США в европейской войне, возмущив конгрессменов-республиканцев – сторонников изоляционистской политики.*

Советский Союз едва ли испытывал теплые чувства по отношению к Великобритании, Франции и США – каждая из этих держав по-своему пыталась задуть Октябрьскую революцию. Начиная с 1925 года, когда вышла в свет «Моя борьба», Гитлер снова и снова проявлял крайнюю враждебность к СССР. Когда в середине 1930-х годов захватнические намерения фюрера стали совершенно очевидны и Сталин призывал Англию и Францию к военному союзу против Германии, его предложения остались без ответа. Когда Советский Союз оказал содействие республиканским силам в Испании, сошедшимся в смертельной схватке с армией генерала Франсиско Франко, который пользовался неограниченной поддержкой Германии и Италии, британские консерваторы, в том числе и Черчилль, приняли сторону мятежников-фашистов. Советы резко осудили малодушие союзников в Мюнхене – оно развязывало немцам руки, чтобы уничтожить СССР.

Мало кто верил, что Советы выстоят в схватке с нацистами. Командование Сухопутных войск США высчитало, что Красная армия сумеет продержаться не более трех месяцев, а может потерпеть поражение уже через четыре недели. Рузвельт и Черчилль отчаянно пытались не допустить выхода СССР из войны, понимая, что от этого зависит выживание Англии. Спрятав в карман свою давнюю ненависть к коммунизму, Черчилль пообещал Советскому Союзу поддержку и призвал своих союзников последовать его примеру. Он поклялся «уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима»<sup>23</sup>. Исполняющий обязанности Госсекретаря США Сэмнер Уэллес сделал от имени президента заявление, в котором отметил, что правительство, возможно, окажет материальную помощь Советскому Союзу, однако вопрос о ленд-лизе на данный момент остается открытым. Кое-кто пытался зарубить эту инициативу на корню. Гарри Трумэн, сенатор от штата Миссури, раздул пламя недоверия к СССР, заявив следующее: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помочь России. А если верх будет одерживать Россия, мы должны помогать Германии. И пусть они, таким образом, убивают друг друга как можно больше»<sup>24</sup>.

Рузвельт не внял советам Трумэна и предложил советскому послу составить список того, что Штаты могли бы поставить в СССР. В июле Рузвельт отправил в Москву Гарри Гопкинса, чтобы тот ознакомился с положением дел на месте и оценил способность СССР выстоять. Американский президент передал Сталину, что тот может доверять Гопкинсу, как если бы общался лично с Рузвельтом. Сталин признал военное превосходство Германии, но пообещал, что советские войска воспользуются форой, которую дадут им зимние морозы, и подготовятся к весенним сражениям: «Обеспечьте нас зенитками и алюминием [для самолетов] – и мы сможем воевать года три, а то и четыре». И Гопкинс ему поверил<sup>25</sup>. Уже к августу Рузвельт отдал приказ об отправке первых ста истребителей в СССР. Готовились и последующие поставки.

Американские командующие, считавшие важнейшей задачей подготовку к обороне территории США, всячески пытались помешать Рузвельту. Англичане тоже возражали против распыления получаемой ими помощи. Рузвельт – единственный, кто видел картину во всей полноте, – приказал военному министру Генри Стимсону и другим членам кабинета ускорить поставки в СССР. Его заявление о том, что Аверелл Гарриман возглавит делегацию США, которая отправится в Москву, чтобы обсудить увеличение объема военной помощи, возмутило правую газету *Chicago Tribune*, принадлежавшую Роберту Маккормику:

«Чрезвычайная обстановка не требует посылки американской делегации в чертов Кремль – ни к чему обсуждать нужды самых страшных варваров современности. Ни наши национальные интересы, ни нависшие над нами опасности не требуют, чтобы мы объединялись с режимом, который неустанно выказывает презрение ко всему, что лежит в основе нашего образа жизни, и планирует упорную, беспощадную войну против людей, подобных тем, кто принадлежит к американскому народу»<sup>26</sup>.

Столкнувшись с сильными антисоветскими настроениями, Рузвельт понял, что должен действовать более осмотрительно, направляя помощь советскому правительству. По данным опроса Гэллага, лишь 35 % опрошенных одобряли оказание помощи Советскому Союзу на тех же условиях, какие три месяца назад были предложены англичанам. 7 ноября 1941 года, в 24-ю годовщину Октябрьской революции, Рузвельт объявил о своем решении распространить условия ленд-лиза на СССР. Президент США предложил Сталину беспроцентный кредит в 1 миллиард долларов с началом выплаты через пять лет после завершения войны.



*Немецкая кавалерия покидает охваченную огнем русскую деревню в ходе операции «Барбаросса» – широкомасштабного вторжения Германии в СССР в июне 1941 года.*

Однако волна эйфории схлынула, когда СССР не получил от Соединенных Штатов обещанной помощи. Как сообщила газета *New York Times*, в октябре и ноябре объем американских поставок «далеко-далеко отставал» от «обещанного количества боевой техники и материалов», которое США посулили раньше. Фактически Америка поставила меньше половины обещанного. Артур Крок списал подобное сокращение объема поставок на чрезвычайные обстоятельства, но забыл упомянуть об умышленных помехах, создававшихся теми, кто осуждал всю

эту затею<sup>27</sup>. Отсутствие вооружений, на которые рассчитывало советское правительство, существенно ухудшало положение СССР: Москва и Ленинград были осаждены, Украина оккупирована, а Красная армия несла тяжелейшие потери, – так что едва ли у Советского Союза были хоть какие-то основания верить в добрую волю США.

Рузвельт хотел, чтобы США вступили в войну, а потому упорно старался незаметно, как и его предшественник Вильсон, подвести страну к этому. Он считал, что Гитлер стремится к мировому господству и что его необходимо остановить. В начале 1941 года американские и английские генералы и адмиралы провели совещание, на котором выработали общую стратегию: вначале нанести поражение Германии, а затем переключиться на Японию, что станет возможным, как только США вступят в войну. Тем временем немецкие подлодки, пуская ко дну английские суда в невероятном количестве, сводили на нет усилия США по снабжению Великобритании. В апреле Рузвельт разрешил кораблям США передавать англичанам разведданные о местонахождении судов и самолетов противника, а вскоре после этого дал добро на поставку снаряжения для английских войск в Северной Африке, что неизбежно должно было повлечь столкновения с немецкими подлодками. После первого инцидента немцы опубликовали коммюнике, в котором обвинили Рузвельта в «попытках любой ценой спровоцировать подобные столкновения и втравить американский народ в войну»<sup>28</sup>. В сентябре, после очередного такого столкновения, которые формально считались «неспровоцированными», президент приказал «без предупреждения открывать огонь» по немецким и итальянским судам, если те будут обнаружены в территориальных водах США<sup>29</sup>.

В августе 1941 года Рузвельт тайно встретился с Черчиллем в канадской провинции Ньюфаундленд. Там эти политические лидеры составили проект Атлантической хартии, в которой были сформулированы прогрессивные и демократические цели войны, – весьма похоже на «Четырнадцать пунктов» Вильсона. Предстояло еще убедиться в том, что на сей раз США сумеют выполнить обещанное лучше, чем прежде. Согласно хартии, обе державы отказывались от любых претензий на расширение своих территорий и изменение существующих границ без согласия соответствующих народов. Атлантическая хартия провозглашала также самоуправление, равный доступ победителей и побежденных к торговым рынкам и полезным ископаемым, мир, «свободный от страха и нищеты», свободу судоходства, разоружение и создание постоянно действующей системы всеобщей безопасности. Опасаясь, что предложенные Рузвельтом формулировки могут угрожать колониальным владениям Британии, Черчилль добавил пункт, согласно которому равный доступ к мировому богатству будет предоставляться лишь «с должным уважением к... существующим обязательствам».

Президент отверг призыв Черчилля к США вступить в войну незамедлительно. Однако в своем докладе о результатах переговоров премьер-министр раскрыл истинные намерения Рузвельта: он сообщил своему кабинету министров, что американский президент «пообещал принять участие в войне, не объявляя ее, а также все более откровенно провоцировать немцев. Если немцам это не понравится, пусть нападают на американцев. Будет сделано все необходимое, чтобы произошел “инцидент”, который вызовет войну»<sup>30</sup>. Неискренность, проявленную Рузвельтом незадолго до вовлечения США в военные действия, кто-то может оправдать как вынужденную меру, попытку манипулировать общественным мнением ради справедливого дела; однако многие последующие президенты также вели двойную игру, тенденциозно освещая факты и замалчивая правду, чтобы втянуть страну в войны, как за четверть века до Рузвельта поступил Вудро Вильсон. Подобная политика в руках не слишком щепетильных и недальновидных президентов, как и нарушение гражданских свобод, допущенное Рузвельтом во время войны, станет серьезной угрозой для страны в целом и ее демократического государственного устройства.

В конце концов президент добился своего, но вопреки всем ожиданиям причиной объявления войны стала не провокация немцев в Европе. 7 декабря 1941 года, в «день несмываемого позора», как его позднее назовет Рузвельт, японский флот нанес удар по военно-морской базе США в бухте Перл-Харбор на Гавайях. В результате почти 2,5 тысячи человек погибло, а большая часть американского флота затонула или вышла из строя. Нападение застало американцев врасплох: было воскресное утро, и обитатели базы еще спали крепким сном. Нападения японцев ждали, но никто и представить себе не мог, что они нанесут удар по Гавайям. Чудовищный просчет допустила разведка. Учитывая тот факт, что на предстоящую атаку указывало очень многое, а также то, что военные проявили потрясающую некомпетентность – как и при терактах 11 сентября 2001 года, – многие считали (и считают по сей день), что Рузвельт умышленно допустил это нападение, чтобы втянуть США в войну. Однако доказательств такой версии не обнаружено<sup>31</sup>.



*Черчилль и Рузвельт на борту линкора «Принц Уэльский» во время встречи, посвященной подписанию Атлантической хартии (август 1941 года). Принимая положения данной декларации, Великобритания и США отказывались от империалистических притязаний и призывали к установлению самоуправления и разоружению. Однако, опасаясь, что формулировки, предложенные Рузвельтом, не будут отвечать колониальным интересам Британии, Черчилль включил в хартию пункт, согласно которому равный доступ к международному богатству будет предоставляться лишь «с должным уважением... к существующим обязательствам».*

На следующий день Великобритания и США объявили войну Японии. Еще через три дня Германия и Италия объявили войну США. Вскоре кровопролитие и хаос охватят весь земной шар.

США стояли на пути осуществления Японией своих захватнических планов. Вожди Японии видели перспективу в захвате богатых французских и голландских колоний, которые теперь, после завоевания Германией континентальной Европы, так и просились в руки. И хотя некоторые армейские офицеры настаивали на том, что Японии следует в первую очередь объединиться с Германией и нанести поражение своему старинному северному врагу, России, верх одержали сторонники другой стратегии. В результате в июле 1941 года Япония вторглась на территорию лежавшего к югу Французского Индокитая, стремясь овладеть ресурсами и базами, необходимыми для укрепления японских позиций в регионе. В ответ США наложили эмбарго на поставки в Японию нефтепродуктов. Поскольку запасы нефти этой милитаристской державы таяли на глазах, японские руководители решили обеспечить поставки нефти из Голландской Ост-Индии, но опасались, что этому помешает американский флот, стоящий в Перл-Харборе.



*Американская военно-морская база Перл-Харбор во время японской бомбардировки 7 декабря 1941 года.*

В то время как США и их союзники сосредоточили свое внимание на Европейском театре войны, японцы беспрепятственно захватывали обширные территории: в их руках оказались Таиланд, Малайя, Ява, Борнео, Филиппинские острова, Гонконг, Индонезия, Бирма и Сингапур. Жители покоренных стран часто приветствовали японцев как освободителей от гнета европейских колонизаторов. Президент Рузвельт в частной беседе заметил: «Даже не думайте,

что американцы стали бы гибнуть в сражениях на Тихом океане... если бы не глупость и алчность французов, англичан и голландцев»<sup>32</sup>. Радость порабощенных народов при виде японских «освободителей» довольно скоро улетучилась.

Японии не удалось полностью уничтожить Перл-Харбор, в чем она крайне нуждалась. Союзники перешли в контрнаступление, которое возглавили генерал Дуглас Макартур и адмирал Честер Нимиц. В июне 1942 года американские войска нанесли поражение японскому флоту у атолла Мидуэй и начали поочередно атаковать один остров за другим.

В известном смысле эта война изменила мир намного больше, чем Первая мировая. Предвкушая становление нового мирового порядка, влиятельные американцы начали прикидывать, что может получиться в результате и какую роль в этом процессе могут сыграть США. Одну из наиболее интересных точек зрения высказал в начале 1941 года газетный магнат Генри Люс, опубликовав свое видение будущего в редакционной статье журнала *Life*. Люс, издававший также журналы *Time* и *Fortune*, очевидно, позабыл о своем недавнем увлечении Муссолини и объявил XX век «Американским веком». Он написал следующее: «Мы должны всем сердцем принять свой долг и свое положение самой могущественной и жизнеспособной державы в мире и вследствие этого оказывать как можно большее влияние на весь остальной мир в таких целях и такими средствами, которые мы сочтем необходимыми»<sup>33</sup>.

Многие с восторгом встретили манифест Люса, поскольку видели в нем подтверждение демократических ценностей в условиях развивающегося международного капиталистического рынка. Однако Раймонд Моули, бывший администратор программы «Нового курса», смотрел на вещи разумнее, а потому призвал американцев отказаться от «соблазна вступить на путь создания своей империи»<sup>34</sup>.

Вице-президент Генри Уоллес был ярким противником каких бы то ни было империй – британской, французской, германской, даже американской. В мае 1942 года Уоллес решительно осудил националистические и, возможно, империалистические мечты Люса и предложил более прогрессивный, интернационалистский вариант:

«Кое-кто сейчас говорит об “Американском веке”. А я вижу... новый век... который начнется по окончании этой войны и который может и должен стать веком простого человека... где ни одна нация не будет обладать “божественным правом” эксплуатировать другие народы... где не должно быть ни военного, ни экономического империализма... где падут международные картели, стоящие на службе американской алчности, и германская жажда мирового господства... Неуклонное движение к свободе, длившееся последние 150 лет, проявилось во многих великих революциях: это и американская Война за независимость 1775 года, и Великая французская революция 1792 года, революции в Латинской Америке эпохи Симона Боливара, революция 1848 года в Германии и Октябрьская революция 1917 года в России. Все они совершались в интересах простого человека... Некоторые из них зашли слишком далеко. И тем не менее... многие люди сумели найти свой путь к свету. ... Современная наука, чье развитие стало сопутствующим достижением и неотъемлемой частью народных революций... помогла добиться того, чтобы никто не голодал... Мы не остановимся, пока не освободим всех, кто стал жертвами нацистского гнета... Грядет народная революция»<sup>35</sup>.

Через три года, когда самая кровопролитная война за всю историю человечества подошла к концу, американцам пришлось выбирать между этими двумя диаметрально противоположными концепциями: «Американским веком» Люса и «Веком простого человека» Уоллеса.

Вступление США в войну, последовавшее сразу за нападением на Перл-Харбор, в значительной мере осложнило борьбу за и без того ограниченные ресурсы. Теперь, когда Вооруженные силы США должны были удовлетворять собственные военные потребности, американскому правительству стало еще сложнее выполнять свои обязательства перед Советским Союзом. В конце декабря Аверелл Гарриман сообщил, что США поставили в СССР только четверть обещанного тоннажа помощи, а большая часть того, что все-таки было отправлено, имела дефекты. В конце февраля координатор программы ленд-лиза Эдвард Стеттиниус писал помощнику военного министра Джону Макклою: «Как вы и предполагали, отношения между нашим правительством и советским только ухудшились из-за неспособности наших чиновников выполнять обязательства». Рузвельт понимал, в какое сложное положение ставит СССР отсутствие американских поставок и к каким последствиям это может привести в будущем. В марте он даже высказал опасения по поводу «краха России» из-за халатности американцев: «Я не хочу оказаться в шкуре англичан, которые должны были отправить русским две пехотные дивизии, а затем не сумели выполнить обещание. Затем они обязались оказать содействие на Кавказе, но и этого не сумели сделать. Ни одного обещания, данного русским, англичане так и не выполнили»<sup>36</sup>.

В мае 1942 года Рузвельт поделился своими тревогами с генералом Макартуром: «Не могу отделаться от мысли, что русские армии истребляют больше войск стран оси и уничтожают больше их ресурсов, чем все остальные 25 Объединенных Наций, вместе взятых. Поэтому я считаю целесообразным поддержать русских в 1942 году и поставить им всю боевую технику, какую только сможем»<sup>37</sup>. Рузвельт понимал, что отсрочка поставок обещанного военного снаряжения помешала ему заслужить доверие советского руководителя. Однако вскоре президенту США представилась новая возможность улучшить отношения с СССР: Сталин прислал союзникам еще два запроса о помощи. Для США это был шанс вернуть себе инициативу.

Сталина интересовали территориальные уступки. Он хотел сохранить за СССР земли, занятые Красной армией после подписания с Германией в 1939 году пакта о ненападении: Прибалтику (Литву, Латвию и Эстонию), Восточную Польшу и отдельные регионы Румынии и Финляндии. Англичане готовы были согласиться с его требованиями, однако они оказались в сложной ситуации: им приходилось балансировать между интересами США и СССР, потому что для Англии были жизненно необходимы помощь СССР на фронте и содействие США ради сохранения Британской империи после войны. Черчилль попытался убедить Рузвельта дать ему возможность предложить Сталину требуемые территориальные уступки; он предостерег американского президента от разрыва с СССР, в результате которого правительство Черчилля наверняка падет и будет заменено «коммунистическим, просоветским». Однако американцы никак не отреагировали на предупреждения английского премьер-министра и просили английского министра иностранных дел Энтони Идена не брать на себя никаких обязательств по послевоенному устройству – на конец декабря 1941 года была назначена поездка английской делегации в Москву. Сталин резко отреагировал на отказ Идена согласиться с его требованиями, и Черчиллю вновь пришлось обратиться за помощью к Рузвельту. «Атлантическая хартия, – настаивал он, – не должна препятствовать России иметь те границы, которые она имела на момент нападения Германии»<sup>38</sup>.

Так и не получив ни обещанных военных поставок, ни территориальных уступок, Сталин сделал упор на третьем, самом важном требовании: в короткий срок открыть второй фронт в Европе, что позволило бы ослабить давление на истощенные советские войска. Он побуждал англичан вторгнуться в Северную Францию. В сентябре 1941 года руководитель СССР вновь

обратился к Англии с просьбой отправить в СССР 25–30 дивизий. Сомневаясь в искренности английских обещаний, Сталин заметил: «Заняв такую пассивную позицию, Британия помогает нацистам. Неужели англичане сами этого не понимают? Уверен, им это отлично известно. Так чего же они добиваются? Похоже, они намеренно хотят ослабить нас»<sup>39</sup>.

Оставшись без поддержки извне, советские войска слабели с каждым днем, но СССР по-прежнему отказывался признать поражение. Несмотря на катастрофические потери в первые месяцы войны, Красная армия нанесла немцам сокрушительное поражение в битве под Москвой осенью и зимой 1941–1942 годов. Впервые мощная военная машина Германии забуксовала.

Рузвельту требования СССР о территориальных уступках напоминали секретные соглашения, связавшие руки президенту Вильсону во время Первой мировой войны. Они противоречили самому духу Атлантической хартии. А потому он предпочитал поскорее начать вторжение в Западную Европу. В начале 1942 года генерал Дуайт Эйзенхауэр по распоряжению начальника штаба Сухопутных войск США генерала Джорджа Маршалла разработал планы вторжения в Европу не позднее весны 1943-го или даже в сентябре 1942 года, чтобы предотвратить поражение СССР, которое все еще было возможно. В июле 1942 года Эйзенхауэр решительно заявил: «Нельзя забывать о том, что наш главный приз – сохранить на фронте 8 миллионов русских солдат»<sup>40</sup>. Эйзенхауэр, Маршалл и Стимсон видели в таком варианте развития событий единственный шанс нанести поражение Германии, и Рузвельт их поддержал. Он отправил Гарри Гопкинса и генерала Маршалла в Англию, чтобы те убедили и Черчилля поддержать их инициативу. Он написал британскому премьеру: «Сами наши народы требуют открытия нового фронта, дабы ослабить давление на русских, и наши люди достаточно умны, чтобы понять, что русские сейчас истребляют больше немцев и уничтожают больше их ресурсов, чем вы и я вместе»<sup>41</sup>. Черчилль видел, насколько важен этот план для Рузвельта и его советников, а потому отправил американскому президенту телеграмму следующего содержания: «Я полностью согласен со всем, что вы предлагаете, равно как и мои начальники штабов»<sup>42</sup>.

Заручившись поддержкой англичан, Рузвельт попросил Сталина прислать в Вашингтон советского министра иностранных дел В. М. Молотова и одного из доверенных генералов, чтобы обсудить предложение, которое поможет ослабить давление на Восточном фронте. По пути в Америку Молотов посетил Лондон, где мнение Черчилля насчет второго фронта очень его насторожило. В конце мая 1942 года советский министр прибыл в Вашингтон. Он напрямую спросил Рузвельта, собираются ли США открыть новый фронт летом того же года. Рузвельт предоставил слово Маршаллу, который заявил, что США полностью готовы к этому. Участники переговоров выпустили совместное коммюнике, где говорилось, что «в ходе переговоров стороны достигли полного согласия относительно острой необходимости открытия второго фронта в Европе в 1942 году»<sup>43</sup>. Рузвельт также поделился своим видением захватывающих перспектив послевоенного сотрудничества. По его словам, победители должны «сохранить контроль над вооружениями» и сформировать «международную полицию»<sup>44</sup>. Четверо «полицейских»: США, Англия, СССР и Китай – разоружат немцев и их союзников и «силой устоят мир». Сталину такие планы пришлись по душе, однако гораздо меньше ему понравилось заявление Рузвельта, что подготовка снабжения для второго фронта неизбежно повлечет за собой сокращение объема американских поставок вооружений в СССР до 60 % от ранее обещанного. Однако второй фронт был для СССР главным, а Рузвельт обещал продолжить военные поставки. Вот что американский президент сообщил Черчиллю: «Такое чувство, что русские находятся в очень шатком положении, которое наверняка ухудшится в ближайшие

несколько недель. Потому я все больше склоняюсь к мысли, что мы вынуждены будем начать «Болеро»<sup>30</sup> уже в 1942 году»<sup>45</sup>.

Советский народ, услышав новости, возликовал. Газета *New York Herald Tribune* сообщила, что русские семьи каждое утро собираются у радиоприемников, надеясь услышать вести о том, что вторжение уже началось, однако каждый день обманывал их ожидания<sup>46</sup>. Корреспондент газеты в Москве, лауреат Пулитцеровской премии Леланд Стоув, написал в одной из своих статей, что, если открытие второго фронта опять отодвинется, «разочарование большей части русского народа будет воистину безмерным. Бесценное сотрудничество советских, английских и американских правительств и лидеров, укрепляющееся с каждым днем, пострадает от подобного промедления в юридическом, дипломатическом, материальном и психологическом планах, что выльется в настоящую катастрофу для всех союзных сил»<sup>47</sup>. Посол США в Москве также отметил, что подобная задержка может заставить русский народ усомниться в честности американского правительства и нанести «непоправимый ущерб»<sup>48</sup>.

Несмотря на то что англичане заключили с Молотовым аналогичное соглашение об открытии второго фронта, их правительство не собиралось следовать предложенному Америкой плану. Заявив, что у них недостает войск из-за кризиса на Ближнем Востоке (33 тысячи британцев в Тобруке, Ливия, позорно капитулировали перед вдвое меньшими вражескими силами) и не хватает кораблей для переброски войск через Ла-Манш, Черчилль убедил Рузвельта отсрочить вторжение и вместо этого высадиться в занятой режимом Виши Северной Африке, считавшейся ключом к богатому нефтью Ближнему Востоку. Этот район представлял для Англии огромный колониальный интерес, а в данный момент находился под угрозой со стороны гитлеровцев. Советские руководители были глубоко возмущены, когда узнали о фактическом нарушении соглашения. Многие расценили это отступление как сознательное решение союзников обречь СССР на верную гибель в сражении с нацистами, пока западные страны защищают свои глобальные интересы, а вступить в боевые действия намерены лишь в конце войны, чтобы продиктовать собственные условия мирного договора. Что еще хуже (с точки зрения Советов), во время дипломатического визита в Лондон Молотов в знак благодарности за предложение открыть второй фронт в Европе не стал настаивать на советских территориальных притязаниях. Теперь у СССР создалось впечатление, что ему отказали во всех трех главных требованиях. Отношения СССР, США и Англии достигли критической точки осенью 1942 года, когда немцы начали штурм Сталинграда. О том, как мало советские руководители доверяли западным союзникам, говорит уже тот факт, что во время поездок по Западу Молотов всегда спал с пистолетом под подушкой<sup>49</sup>.

Узнав о том, что Великобритания настаивает на изменении первоначальных планов вторжения в Европу, рассерженный Маршалл попытался выступить против высадки в Северной Африке, которую он назвал «драчкой на периферии». США свернули все крупномасштабные операции на Тихом океане, чтобы ускорить победу на европейском фронте. Теперь же все эти планы предавались забвению, чтобы защитить имперские интересы Великобритании на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на юге Европы. Маршалла настолько оскорбили такие перемены, что он предложил полностью отойти от прежнего курса и напасть вначале на Японию, а затем уже переключиться на Германию. Начальник штаба ВМС адмирал Эрнест Кинг с удовольствием его поддержал. Англичане никогда не вторгнутся в Европу, настаивал он, «разве что прикрывшись оркестром шотландских волынок». Разочарование Маршалла передалось и его подчиненным. Так, генерал Альберт Ведемейер отметил в разговоре с Маршаллом, что военные планы англичан «направлены лишь на сохранение Британской империи». Генерал Генри Арнольд (Счастливчик Арнольд, как его прозвали), командующий авиацией сухопутных войск,

<sup>30</sup> «Болеро» – первая фаза операции по высадке в Европе.

предположил, что, возможно, американцам пора начать относиться к англичанам так же, как немцы – к итальянцам. Военачальники США считали, что британцы, в отличие от Советов, боятся сражаться с немцами. В следующем году даже военный министр Стимсон заметил, что «воспоминания о Пасхендале<sup>31</sup> и Дюнкерке еще слишком свежи в памяти правительства [Черчилля]»<sup>50</sup>.

Эйзенхауэр, Стимсон, Гопкинс и начальники штабов продолжали настаивать на открытии второго фронта, но ничего не добились. В июне 1942 года начальники штабов неохотно согласились на проведение операции «Факел» в Северной Африке под командованием Эйзенхауэра. Хотя у союзников действительно на тот момент могло не быть достаточного количества десантных кораблей, самолетов прикрытия и сухопутных войск для открытия второго фронта в конце 1942 – начале 1943 года, подобные аргументы казались совершенно неубедительными как советским руководителям, так и американским военачальникам. Эйзенхауэр предсказал, что день, когда начнется операция «Факел», станет «самым черным днем в истории»<sup>51</sup>.

Руководил ли англичанами страх или нечто иное, но у них не было ни малейшего желания вступать в прямое столкновение с мощными сухопутными войсками Германии. Вместо этого они разработали стратегию, которая основывалась на превосходстве их военно-морских сил, а также включала удар по уязвимому южному флангу Гитлера, прикрытому слабой итальянской армией. Англичане хотели взять под контроль Северную Африку, Средиземноморье и Ближний Восток, чтобы удержать за собой нефтепромыслы в Иране и Ираке и сохранить доступ к Индии и остальным своим колониям через Суэцкий канал и Гибралтар. Незадолго до начала войны в Саудовской Аравии, Кувейте и Катаре были открыты богатейшие залежи нефти, что еще сильнее подчеркнуло всю важность контроля над Северной Африкой – здесь и развернулись поначалу основные бои между британскими и германо-итальянскими войсками. Англия так упорно старалась не допустить страны оси на Ближний Восток, что перебросила туда войска, в том числе танковые, хотя они были крайне необходимы для обороны самой Англии в случае непосредственного немецкого вторжения.

На протяжении всех этих месяцев отношение американского народа к СССР претерпело существенные изменения. Советско-германский пакт о ненападении оправдал худшие опасения многих американцев по поводу советского коммунизма и привел к значительному росту антисоветских настроений в США в 1939–1941 годах. Однако затем мужественное сопротивление советского народа нацистской агрессии принесло ему симпатии и поддержку широких слоев населения США. Многие надеялись, что доброжелательность по отношению к СССР ляжет в основу дружбы и сотрудничества обоих народов в послевоенное время.

Через несколько дней после нападения на Перл-Харбор Госдепартамент посетил советский дипломат М. М. Литвинов. госсекретарь Корделл Хэлл воспользовался представившимся случаем и выразил свое восхищение «героической борьбой» Советского Союза против нацистов<sup>52</sup>. Вскоре слово «героизм» стало неотъемлемым элементом публикаций и речей, посвященных СССР. В апреле 1942 года корреспондент *New York Times* Ральф Паркер отметил, «как быстро русский народ приспособился к военным условиям». Он восхищался самоотверженностью и исключительно высокой трудовой дисциплиной русских: «Весь народ охвачен горячим желанием приносить пользу общему делу». Паркер признал, что «описать всю героическую стойкость людей, способных на такое, сможет лишь новый Толстой»<sup>53</sup>. В июне 1942 года, в первую годовщину нападения Германии на СССР, Орвилл Прескотт, ведущий литературный обозреватель *New York Times*, уже предсказывал Красной армии победу в войне и спасение всего человечества. «Отличное вооружение, воинская доблесть и исключительный героизм Красной армии могут сыграть решающую роль в спасении человечества от нацистского

<sup>31</sup> Пасхендаль – третья битва при Ипре в Бельгии во время Первой мировой войны.

рабства, – восхищался Прескотт. – Мы все обязаны жизнью миллионам русских солдат, которые сражаются и гибнут в этой войне и не остановятся до самого конца. Невозможно словами достойно оценить этот подвиг и выразить всю глубину нашей признательности»<sup>54</sup>. Даже генерал Макартур назвал борьбу Красной армии «величайшим воинским подвигом в истории»<sup>55</sup>.

Свое восхищение русским народом выразил и Голливуд. Хотя прежде для американских кинорежиссеров фильмы об СССР были запретной темой, в июле 1942 года большинство ведущих студий: MGM, Columbia, United Artists, Twentieth Century–Fox и Paramount, – уже занимались съемками или по меньшей мере обсуждали создание девяти таких картин<sup>56</sup>. Вскоре на экранах появились пять знаменитых фильмов об СССР: «Миссия в Москву», «Северная звезда», «Песнь о России», «Три русские девушки» и «Дни славы».

Постепенно все склонялись к мнению, что без открытия второго фронта войну не выиграть. Признав, что «русские сражались больше всех и понесли наибольшие потери», газета *Atlanta Constitution* отмечала: хотя второй фронт и принесет горе многим американским семьям, «его необходимо открыть ради победы в этой войне». Леланд Стоув напомнил читателям, что Советскому Союзу не выстоять против нацистов в одиночку: «За эти 13 месяцев русские потеряли 4,5 миллиона человек убитыми, ранеными и пленными... Вероятно, в шесть-семь раз больше, чем англичане за почти три года войны... и в 20 раз больше, чем потеряла Америка в Первой мировой войне»<sup>57</sup>. Он подчеркнул: «Советский Союз – именно та великая держава, сотрудничество с которой жизненно необходимо для США, если мы хотим выиграть войну... Если бы миллионы русских вдруг перестали воевать, заменить их не смог бы никто»<sup>58</sup>.

Просоветские настроения усиливались, и у открытия второго фронта в Европе находилось все больше сторонников: американская общественность сплотилась ради общего дела. В июле 1942 года опрос Гэллага показал, что 48 % американцев хотят, чтобы США и Англия немедленно перешли в наступление, и лишь 34 % настаивают на том, что США лучше выждать момент, когда их союзники укрепят свои позиции<sup>59</sup>. Американцы один за другим помещали на бамперы своих автомобилей наклейки с лозунгом «Второй фронт – немедленно!». Читатели засыпали редакции газет письмами, в которых призывали власти как можно скорее нанести удар по гитлеровским войскам в Европе. Газета *Washington Post* публиковала многие из этих писем: автор одного из них, вдохновившись «мужеством нашего союзника, который в одиночку сопротивляется ордам нацистов», настаивал на том, чтобы Англия и США «растянули армию Гитлера, создав Западный фронт, и вместе с нашим русским союзником сокрушили эту угрозу свободе и мировой цивилизации»<sup>60</sup>.

Советский Союз получал все более широкую поддержку американцев. 38 руководителей Конгресса производственных профсоюзов (КПП) заявили Рузвельту, что «только немедленное вторжение в Западную Европу принесет нам победу в войне»<sup>61</sup>. Через пять дней КПП провел массовый митинг в нью-йоркском парке Мэдисон-сквер в поддержку открытия второго фронта<sup>62</sup>. Это требование поддержали и некоторые отделения Американской федерации труда (АФТ). Спешили набрать очки у избирателей и многие политики, в том числе сенаторы Джеймс Мид от штата Нью-Йорк и Клод Пеппер от Флориды, мэр города Нью-Йорка Фьорелло Лагуардия и член палаты представителей от штата Нью-Йорк Вито Маркантонио<sup>63</sup>. В сентябре Дэшил Хэммет назвал имена 500 писателей, которые под эгидой Союза американских писателей заявили, что «безоговорочно поддержат президента Рузвельта, если тот примет решение немедленно открыть второй фронт»<sup>64</sup>. 25 тысяч американцев пришли в парк Юнион-сквер в Нью-Йорке, чтобы послушать обращение конгрессмена Маркантонио и главы Коммунистической партии Эрла Браудера<sup>65</sup>. Кандидат в президенты от республиканцев на выборах 1940 года

Уэнделл Уилки после встречи со Сталиным в Москве также призвал правительство к открытию второго фронта<sup>66</sup>.



*Американские обозреватели неустанно восхваляли героическую борьбу солдат Красной армии и всего советского народа против немецких захватчиков. На иллюстрациях (по часовой стрелке): женщины и старики роют противотанковые рвы, чтобы сдержать немецкое наступление на Москву; отчаявшиеся женщины перед наступлением немцев на Киев (Украина); испуганные дети в киевском бомбоубежище во время немецкой бомбардировки; солдаты Красной армии.*

Но, несмотря на одобрение общественности, американские и английские войска были направлены все же в Северную Африку. Без помощи извне Красная армия, пополненная свежими формированиями, сумела повернуть ход войны, разгромив немцев под Сталинградом. В той битве приняло участие по миллиону солдат с каждой стороны. Немцы под командованием генерала Фридриха Паулюса продвигались на Кавказ, стремясь овладеть богатыми советскими нефтепромыслами. Советские солдаты под командованием маршала Г. К. Жукова были полны решимости остановить их любой ценой<sup>32</sup>. Жестокая битва продолжалась полгода, количество человеческих жертв в этом сражении было ужасающим. Общие потери каждой стороны составили до 750 тысяч человек, погибло более 40 тысяч мирных жителей. После такого сокрушительного разгрома немецкая армия начала отступление по всему Восточному фронту. Гитлер, ошеломленный капитуляцией 23 генералов и 91 тысячи солдат Шестой армии, был безутешен. «Бог войны отвернулся от Германии и перешел к нашим противникам»<sup>67</sup>, – сказал он.

К моменту встречи Рузвельта и Черчилля в Касабланке (январь 1943 года) расстановка сил в войне полностью изменилась. Красная армия перешла в наступление и двигалась на запад. Рухнула стратегия Рузвельта, по которой он собирался противостоять территориальным требованиям СССР, предоставляя Советам широкомасштабную помощь и открыв второй фронт как можно раньше. Отныне американцы и англичане вынуждены были лишь обороняться, пытаясь помешать руководителю СССР добиться поставленных целей. Рузвельт и Черчилль еще больше усугубили ситуацию, решив высадиться на Сицилии, снова отложив открытие второго фронта. Тем самым они еще больше сократили возможности своих стран существенно повлиять на исход войны.

Красная армия продолжала наступать, но это давалось ей очень дорогой ценой. В ноябре 1943 года, по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции, И. В. Сталин выступил с речью, в которой торжественно объявил о том, что Советское государство выжило, а скоро начнется процесс восстановления нормальной жизни. Он сурово клеймил зверства и разрушения, совершенные нацистами на территории СССР, и пообещал захватчикам возмездие: «Немцами истреблены в захваченных ими районах сотни тысяч наших мирных людей. Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения... Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам»<sup>68</sup>.

---

<sup>32</sup> Г. К. Жуков стал Маршалом Советского Союза в январе 1943 года (когда бои под Сталинградом завершались), координируя действия войск по прорыву блокады Ленинграда. Занимая с августа 1942 года пост заместителя Верховного главнокомандующего, непосредственно Сталинградской операцией он не руководил, но в августе—сентябре 1942 года был представителем Ставки ВГК на Сталинградском направлении.



*Массовые выступления охватили всю Америку. 24 сентября 1942 года 25 тысяч человек приняли участие в демонстрации на нью-йоркской площади Юнион-сквер, требуя, чтобы США открыли второй фронт в Западной Европе и тем самым ослабили страшное давление немцев на Россию.*

Президент США и глава советского правительства впервые встретились в ноябре 1943 года в Тегеране. Еще в марте 1942-го Рузвельт говорил Черчиллю: «Со Сталиным у меня получится лучше, чем у дипломатов из вашего Министерства иностранных дел или моего Госдепартамента. Сталин терпеть не может ваших аристократов. Он считает, что я ему больше по нраву, – надеюсь, он и дальше будет считать так»<sup>69</sup>. Не сумев отстранить от участия во встрече Черчилля, Рузвельт принял приглашение Сталина остановиться в советском посольстве. Президент еще до начала конференции в неофициальном порядке дал понять, что готов принять линию Керзона<sup>33</sup> в качестве восточной границы Польши. Несмотря на все эти жесты, первые три дня переговоров Сталин был холоден и сдержан, и американский президент стал опасаться, что не сумеет достичь с советским руководителем взаимопонимания, на которое возлагал большие надежды. Он решил наладить со Сталиным чисто человеческий контакт, пустив в ход обаяние и чувство юмора, которые всегда помогали ему завязывать личные отношения, – именно эти черты считались фирменным знаком дипломатии Рузвельта. Министру труда США Фрэнсис Перкинс он рассказал об этом так:

<sup>33</sup> *Линия Керзона* – восточная граница Польши, установленная Верховным советом Антанты в декабре 1919 года. С сентября 1939 года западная граница СССР прошла в основном по этой линии, а в 1945 году была закреплена юридически (с небольшими изменениями) советско-польским договором.

«Я думал об этом всю ночь и пришел к выводу, что пора совершить решительный шаг... У меня сложилось впечатление, что русским не нравится, когда [мы с Уинстоном] договариваемся между собой на языке, которого они не понимают. По пути в зал заседаний в то утро я догнал Уинстона и улучил момент, чтобы сказать ему: “Уинстон, надеюсь, вы не станете сердиться из-за того, что я собираюсь сделать”. Уинстон пожевал сигару и тяжело вздохнул... Я перешел к делу, едва мы оказались в зале, и переговорил со Сталиным неофициально. Я не говорил ничего такого, чего не упоминал прежде, но мне показалось, что разговор получился довольно простым и доверительным – этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы и другие русские прислушались к нашему разговору. Однако улыбки я так и не дождался. Затем я, прикрыв рот рукой, шепнул Сталину (разумеется, ему переводили мои слова): “Уинстон сегодня не в себе, встал не с той ноги”. На лице Сталина промелькнула еле заметная улыбка, и я понял, что стою на правильном пути. Как только мы сели за стол переговоров, я начал подшучивать над истинно британскими манерами Черчилля, над тем, как он курит сигары, и прочими его привычками, даже назвал его Джоном Булем<sup>34</sup>. Сталин оценил мое чувство юмора. Сам Уинстон покраснел, стал сердито хмурить брови, что еще больше веселило советского лидера. В конце концов Сталин громко, от души расхохотался, и впервые за эти три дня я увидел хоть какой-то проблеск надежды. Я не успокоился, пока Сталин не стал смеяться всем моим шуткам, и тогда я позволил себе назвать его “дядюшкой Джо”. Еще накануне он счел бы меня наглцом, но в тот день просто рассмеялся, подошел и пожал мне руку. С тех пор наши отношения стали более теплыми, Сталин и сам иной раз отпускал остроты. Лед тронулся – наконец-то мы говорили, как мужчины и братья»<sup>70</sup>.

В Тегеране Рузвельту удалось добиться немалых успехов. США и Англия обязались открыть давно обещанный второй фронт весной следующего года. Сталин согласился объявить войну Японии, как только будет окончательно побеждена Германия. Рузвельт согласился на желательные для СССР территориальные изменения в Восточной Европе, однако попросил Сталина действовать благоразумно и не восстанавливать против себя мировое общественное мнение. Он еще предложил советскому руководителю провести в республиках Прибалтики референдумы, но эту просьбу Сталин отклонил сразу. Рузвельт отметил, что он предоставит СССР значительную свободу действий в определении дальнейшей судьбы восточноевропейских государств. Он остался доволен результатами переговоров, надеясь, что доверительные отношения со Сталиным, которые ему удалось установить, позволят умерить аппетиты СССР и убедят главу советского правительства провести свободные выборы в странах Восточной Европы, в результате чего к власти там придут силы, дружественные Советскому Союзу.

Красная армия вошла в Польшу в январе 1944 года. Тогда же Стимсон обсуждал будущее этой страны с госсекретарем Хэллом, который считал необходимым настаивать на принципе неприемлемости территориальных приобретений путем применения силы. Стимсон вспоминал: «Я считал, что нам следует подумать о более реальных факторах – например, о чувствах, которыми руководствуется Россия: а) эта страна спасла нас от поражения в войне; б) вплоть до 1914 года ей принадлежала вся территория Польши, включая Варшаву и дальше до самой

<sup>34</sup> Шутливое прозвище англичан. *Джон Буль* – собирательный образ типичного англичанина, впервые появившийся в памфлете английского публициста Джона Арбетнота «История Джона Буля» в 1727 году.

границы с Германией<sup>35</sup>, однако русские не настаивают ни на возвращении этих земель, ни на компенсации за них»<sup>71</sup>.

Советский Союз быстро учредил на польской территории, в Люблине, дружественное правительство, в состав которого не был включен никто из членов эмигрантского польского правительства в Лондоне. В том же году Красная армия вступила в Румынию, Болгарию и Венгрию. Когда США и Англия выразили недовольство тем, что им отведена чисто символическая роль в оккупации, Сталин возразил, что такая же роль отведена СССР в оккупации Италии.

И вот 6 июня 1944 года, после полутора лет пустых обещаний, долгожданный второй фронт был открыт. Более 100 тысяч солдат союзников и 30 тысяч машин высадились на берегу Нормандии. 9 тысяч солдат погибло уже во время высадки. Тем временем советские войска, несмотря на тяжелейшие потери, заняли большую часть Центральной Европы. Теперь союзные силы наступали на Германию с запада и востока. Победа была уже не за горами.

Прежде Советский Союз сражался с немецкими армиями практически в одиночку. До высадки союзников в Нормандии Красная армия вела непрерывные бои с двумя сотнями вражеских дивизий, в то время как американцы и англичане редко сражались с более чем десятком. Черчилль признал, что именно «русская армия вышибла дух из германской военной машины». Германия потеряла более 6 миллионов человек на Восточном фронте и примерно 1 миллион – на Западном и в Средиземноморье<sup>72</sup>.

По мере того как нарастал масштаб боевых действий, оживился и процесс планирования послевоенного устройства. США пригласили представителей дружественных правительств в Бреттон-Вудс (штат Нью-Гэмпшир), чтобы продумать послевоенную организацию капиталистической экономики. Участники конференции поддержали предложение США учредить две международные экономические организации: ориентированный на вопросы развития Международный банк со стартовым капиталом в 7,6 миллиарда долларов и ориентированный на финансовые вопросы Международный валютный фонд (МВФ) с капиталом в 7,3 миллиарда долларов. США, контролировавшие две трети мирового золотого запаса, настаивали на том, чтобы в основу Бреттон-Вудской системы легли золото и американский доллар, тем самым обеспечивая Штатам в обозримом будущем экономическое господство и положение общемирового банкира. Представители СССР также присутствовали на конференции, но позднее отказались ратифицировать итоговое соглашение, поскольку созданные в Бреттон-Вудсе учреждения – всего лишь «филиалы Уолл-стрит»<sup>73</sup>. Советский делегат заявил, что «на первый взгляд» Бреттон-Вудские учреждения «похожи на вкусные грибы, но при внимательном рассмотрении оказываются ядовитыми поганками»<sup>74</sup>. Англичане понимали, что новый порядок еще больше подорвет их монопольное положение в колониях. Хотя Черчилль<sup>75</sup> в 1942 году с негодованием заявил: «Я не для того стал премьер-министром его величества, чтобы председательствовать при развале Британской империи», – теперь соотношение сил бесповоротно изменилось.

Многие сомневались в том, насколько искренне Рузвельт вел борьбу против колониализма во время войны. Он действительно никогда не был таким горячим противником колониальной политики, каким показал себя, скажем, вице-президент Уоллес, но все же президент США не раз выражал возмущение несправедливым и бесчеловечным обращением колонизаторов с покоренными народами. Эллиот Рузвельт пишет, что в 1941 году отец сурово сказал побагровевшему от негодования Черчиллю: «Не могу поверить, что мы воюем против фашистского рабства и в то же самое время не стараемся освободить людей всего мира из-под гнета

---

<sup>35</sup> Царской России принадлежала значительная часть польской территории, но далеко не «вся Польша»: в конце XVIII века тогдашняя Польша была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. Земли, отошедшие к Пруссии (позднее – Германии), были возвращены лишь в 1945 году.

давно устаревшей колониальной политики». Он оказывал постоянное давление на британского премьера, чтобы тот положил конец английскому правлению в Индии и в остальных колониях<sup>76</sup>. В феврале 1944 года, выступая на пресс-конференции, Рузвельт публично осудил британский колониальный режим в Гамбии (Западная Африка), которую посетил годом ранее. «Я в жизни не видел ничего более ужасного, – заявил он. – Туземцы отстали в развитии от нас на 5 тысяч лет... Англичане правили там два века – и за каждый доллар, вложенный в Гамбии, выкачивали десять. Это неприкрытая эксплуатация целого народа»<sup>77</sup>.

Рузвельт не раз предлагал создать после войны такую систему опеки, которая подготовила бы колонии к независимости. Одним из первых на очереди был Индокитай, который Рузвельт не хотел возвращать после войны под власть Франции вопреки настойчивым требованиям Черчилля и Шарля де Голля. «Индокитай не должен снова превратиться во французскую колонию, – сказал он госсекретарю Корделлу Хэллу в октябре 1944 года. – Франция владела этой страной с населением в 30 миллионов жителей почти сотню лет, и теперь народ там живет хуже, чем до колонизации... Народ Индокитая достоин лучшей участи»<sup>78</sup>. Черчилль опасался, что с Индокитая Рузвельт хочет начать процесс ликвидации всей колониальной системы. Британский премьер-министр ясно дал понять, что не станет молча наблюдать за подобным развитием событий. В конце 1944 года он сказал Идену: «Мы ни при каких обстоятельствах не допустим, чтобы нас кнутом или пряником втянули в соглашения, которые каким-либо образом затрагивают британский суверенитет в наших доминионах или колониях... “Руки прочь от Британской империи” – вот наш девиз. Мы ни за что не позволим ослабить или запятнать империю к удовольствию сентиментальных купчишек или каких бы то ни было иностранцев». Несмотря на то что в вопросе деколонизации его поддерживал Сталин, Рузвельт вынужден был отказаться от слишком агрессивного давления на союзников из опасения подорвать военный союз с Англией. В конце концов он без всяких серьезных причин перестал настаивать даже на независимости Индокитая, что в перспективе имело трагические последствия. Тем не менее 5 апреля 1945 года на конференции в Уормс-Спрингс (штат Джорджия), за неделю до своей кончины, Рузвельт пообещал в присутствии президента Филиппин Серхио Осменьи, что после изгнания японцев США «безотлагательно» предоставят Филиппинам независимость<sup>79</sup>. Черчилль сумел выстоять под давлением Штатов, требовавших предоставления независимости Индии, но даже эта победа оказалась призрачной, ибо индийский народ взялся за дело сам.

Хотя мир официально существующих империй и закрытых торговых сфер не мог исчезнуть в мгновение ока, разросшаяся до чудовищных размеров экономика США не собиралась терпеть конкуренцию со стороны стран Европы и Азии, серьезно пострадавших во время войны. А для поддержания господствующего положения доллара у США имелась огромная военная мощь. Рузвельт отвел ведущую роль в выработке политического курса своим военным советникам. В начале 1942 года он учредил Комитет начальников штабов (КНШ)<sup>36</sup>. В июле он назначил адмирала Уильяма Лихи своим главным военным советником и представителем президента в КНШ. Он также внимательно прислушивался к мнению начальника штаба сухопутных войск генерала Джорджа Маршалла.

Военному министерству<sup>37</sup> понадобилось новое здание, которое подчеркнуло бы его новую роль и стало символом военного могущества США. Летом 1941 года 24 тысячи граж-

<sup>36</sup> Американский эквивалент Генерального штаба. Включает председателя и трех членов, начальников штабов видов вооруженных сил: сухопутных войск, ВМС и ВВС (во время войны ВВС не были еще самостоятельным видом и входили как род войск в состав флота и сухопутных войск). Председатель КНШ является высшим должностным лицом в Вооруженных силах США и главным советником президента (Верховного главнокомандующего) по военным вопросам.

<sup>37</sup> В годы войны Военное министерство отвечало за сухопутные войска, а ВМС имели свое министерство. После войны все три министерства (включая новое министерство ВВС) вошли в состав единого Министерства обороны США. С этого времени только министр обороны является членом кабинета, а министры видов вооруженных сил фактически стали его заместителями. Все министры – гражданские служащие.

данских и военных сотрудников министерства работали в 17 отдельных зданиях. Бригадный генерал Брион Берк Сомервелл посоветовал Стимсону собрать их всех под одной крышей, что повысило бы эффективность работы ведомства на 25–40 %<sup>80</sup>. 11 сентября 1941 года началось строительство нового здания центрального аппарата министерства в Арлингтоне (штат Вирджиния). Строители возводили здание пятиугольной формы, разработанной архитекторами применительно к рельефу местности, в которой его должны были строить первоначально, хотя позднее работы и перенесли на другой участок. Первые сотрудники въехали в новый офис в апреле 1942 года, хотя полностью строительство завершилось только в январе следующего года. Человек, которого назначили ответственным за этот невероятный проект, – полковник Лесли Гровс – впоследствии оставил еще более заметный след в военной истории. По завершении строительства Пентагон, пока еще зияющий провалами пустых окон, стал самым большим административным зданием в стране: он занимал площадь в 11,5 гектара, а общая протяженность его коридоров составила 28 километров. Посетители постоянно терялись в его лабиринтах, а курьеры, по слухам, однажды блуждали целых три дня, пока их не нашли<sup>81</sup>.

На другом конце мира, в Москве, в октябре 1944 года встретились Сталин и Черчилль. На переговорах, получивших кодовое наименование «Толстой», Черчилль надеялся разрешить наконец спорный польский вопрос. Посол США в СССР Аверелл Гарриман получил статус «наблюдателя», но не присутствовал на тех встречах, в ходе которых два руководителя решали важнейшие вопросы. Сидя у кремлевского камина, Черчилль отпускал свои любимые польские шутки. Затем участники переговоров перешли к вопросу о разграничении британской и советской сфер влияния на Балканах; обсудили в принципе признание Западом советских интересов в Польше. На клочке бумаги Черчилль набросал пропорции влияния: СССР получал 90 % в Румынии и по 75 % в Венгрии и Болгарии; Англия – 90 % в Греции. В Югославии он предлагал поделить влияние поровну. Сталин, посмотрев его набросок, помолчал и поставил на бумаге огромную галочку синим карандашом, после чего отдал ее Черчиллю, а тот заметил: «Не сочтут ли нас циниками, если увидят, что мы так бесцеремонно решили столь важные для миллионов людей вопросы? Эту бумагу надо сжечь». Но Сталин настоял, что необходимо сохранить исторический документ, который сам английский премьер позднее назвал «отвратительной бумажкой»<sup>82</sup>.

Именно такого рода договоренностей и хотел избежать Рузвельт. Против установления «сфер влияния» выступал и Хэлл. Черчилль разоблачал подобную политику США как сплошное лицемерие: «Вы владеете флотом, который в два раза превосходит военно-морские силы любой другой державы, – разве это не “политика с позиции силы”? В ваших хранилищах сосредоточено золото всего мира – разве это не “политика с позиции силы”? Если нет, тогда что же называется “политикой с позиции силы”?»<sup>83</sup>

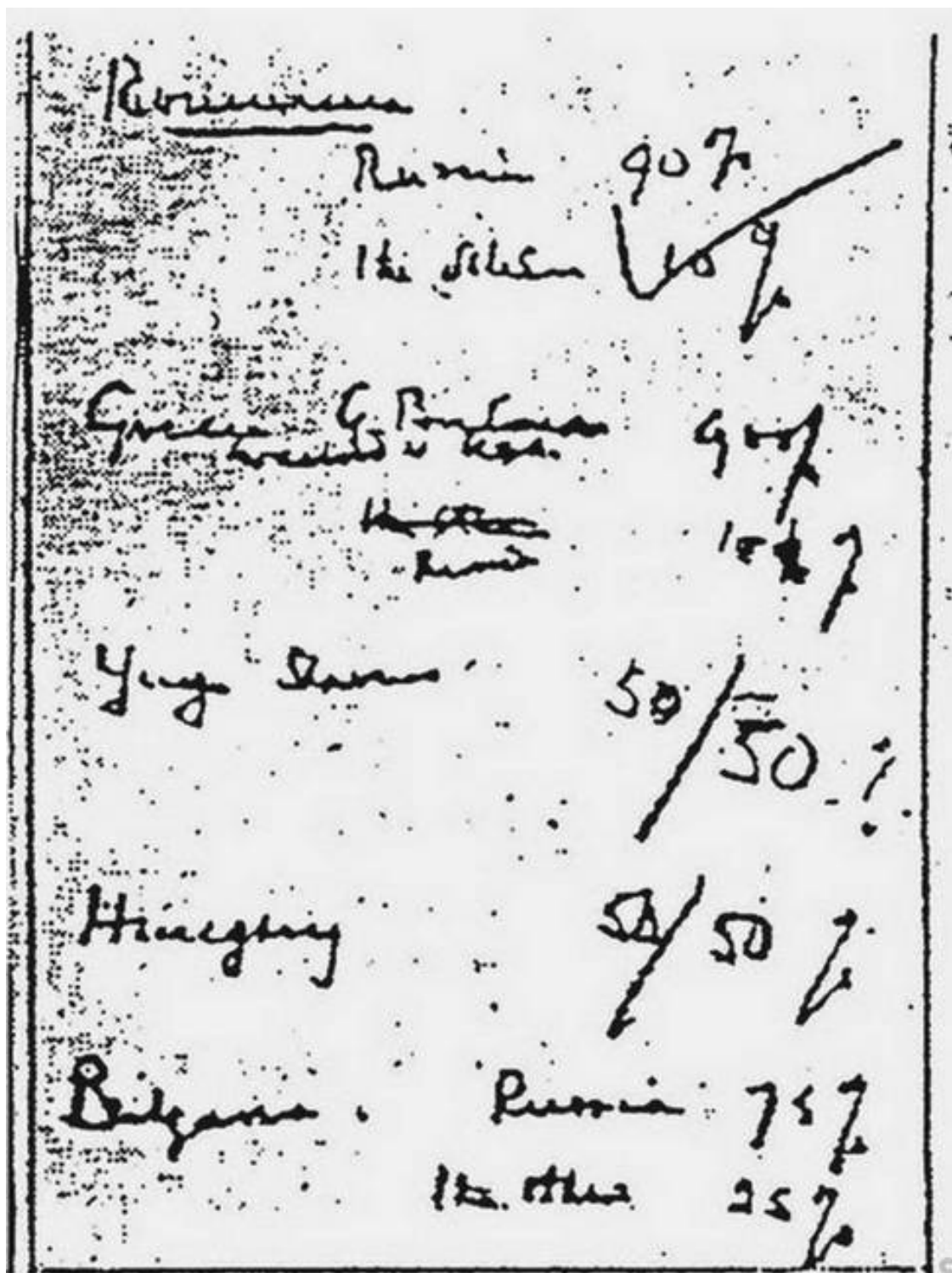
Сталин быстро выполнил свою часть договоренности. В декабре 1944 года он не стал вмешиваться, когда английские войска потопили в крови восстание левых сил в Греции, где коммунисты, возглавлявшие движение Сопротивления, боролись за власть с реакционерами, стремившимися восстановить монархию. Англия поддержала монархистов. Сталин не стал поддерживать левых, хотя они и пользовались поддержкой большинства населения. Американская общественность была шокирована действиями англичан.

В начале февраля 1945 года в Ялте, на берегу Черного моря, Рузвельт, Сталин и Черчилль снова встретились втроем. Тогда в Бельгии еще шли бои в Арденнах, а на Тихом океане разгорелись ожесточенные сражения, но чаша весов во Второй мировой войне явно склонилась в пользу союзников. Настало время окончательно определиться с послевоенными планами. Решающее слово здесь принадлежало Советскому Союзу. Красная армия заняла Польшу, Румынию, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию, она приближалась к Берлину. Между союзниками возникли серьезные разногласия, что отражало их в корне отлича-

ющиеся геополитические и стратегические представления. СССР был больше всего заинтересован в вопросах безопасности. Британия всеми силами пыталась сохранить свою империю. США хотели заручиться поддержкой СССР в войне на Тихом океане, но прежде всего стремились создать такой мировой экономический порядок, который позволил бы американцам торговать и вкладывать капиталы где угодно. А для поддержания мира они решили учредить Организацию Объединенных Наций (ООН).

Советский Союз заплатил высокую цену за спасение мира от немецкой угрозы. Миллионы красноармейцев и мирных жителей погибли, страна лежала в руинах. США и Англия помогли СССР одержать победу в этой войне, но их участие в войне и потери меркли на фоне того, что совершил их советский союзник.

Следует отметить, что США вышли из войны сильными и богатыми, как никогда раньше. Однако их дипломатические рычаги работали со скрипом из-за того, что Америка не смогла обеспечить обещанной Сталину в самый тяжелый час помощи и поддержки. Впрочем, у США оставался еще один козырь: обещание послевоенной помощи Советам для восстановления разрушенной страны. Англия растеряла бывшее могущество и теперь оказалась в самом невыгодном положении, поскольку не могла больше диктовать собственные условия. Она полностью зависела от расположения и благосклонности США и лишь с их помощью могла вернуть себе в послевоенном мире статус великой державы. Вспыхнувшие во время Ялтинской конференции разногласия со временем разведут союзников в разные стороны. Но все эти трения тщательно скрывались от общественности: на публике все три лидера по-прежнему демонстрировали единство, вызывая одобрение у людей во всем мире, жаждавших услышать добрые вести после стольких лет войны.



*На секретной встрече в Москве в октябре 1944 года Черчилль и Сталин на клочке бумаги набросали соглашение о разграничении английской и советской сфер влияния в послевоенный период.*

Трения начались с разногласий по Польше, которая была центральным предметом обсуждения на семи из восьми пленарных заседаний конференции. Сталин объявил, что «...для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности...

На протяжении веков Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию...». Для СССР это был «вопрос жизни и смерти»<sup>8438</sup>.

Сталин потребовал от союзников признать возглавляемое коммунистами правительство, которое находилось в Люблине, на востоке Польши, и контролировало всю страну в качестве временного правительства. Подавление им националистической оппозиции грозило вылиться в гражданскую войну. Рузвельт и Черчилль поддерживали лондонское правительство Польши в изгнании, большинство членов которого были ярыми антикоммунистами. Сталин обвинял их в терроризме. Именно для того чтобы ослабить лондонских поляков, Сталин казнил многих польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году, а в 1944-м остановил Красную армию на берегах Вислы, пока немцы подавляли Варшавское восстание.

В качестве компромиссного решения руководители трех держав учредили в Польше Временное правительство национального единства. В соглашении по этому вопросу говорилось: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической основе и включать демократических деятелей как из самой Польши, так и из числа поляков за рубежом». Затем с польскими политическими лидерами предстояло встретиться для консультаций послам трех держав, а после того надлежало провести свободные выборы, открытые для всех «демократических и антифашистских партий»<sup>85</sup>. В качестве восточной границы Польши, несмотря на возражения лондонского эмигрантского правительства, была признана линия Керзона, однако трем лидерам не удалось договориться о ее западной границе, и решение этого вопроса было отложено. Все соглашения были сформулированы весьма неопределенно. Адмирал Лихи, ветеран испано-американской и Первой мировой войн, сражавшийся затем на Филиппинах, в Китае, Панаме и Никарагуа, ушедший после этого в отставку и вернувшийся на пост начальника штаба Рузвельта, предупредил американского президента: «Договоренности такие растяжимые, что русские, формально никак не нарушая соглашений, могут их растянуть от Ялты хоть до самого Вашингтона». Рузвельт согласился: «Знаю, Билл, все знаю. Но ничего лучше я пока для Польши сделать не могу»<sup>86</sup>.

В Тегеране Рузвельт написал Сталину личное письмо, в котором обещал: «США никогда не окажут никакого содействия Временному правительству в Польше, если оно будет враждебно вашим интересам»<sup>87</sup>. А лондонские поляки, твердолобые антикоммунисты, были, несомненно, враждебны интересам сталинского Советского Союза.

Рузвельт понимал, что в Ялте он мало что мог сделать. Его радовало уже то, что он убедил Сталина подписать Декларацию об освобожденной Европе, в которой содержалось обещание создать представительные правительства путем свободных выборов.

Хотя «Большая тройка» и не сошлась во мнениях по Германии, она все же договорилась разделить страну, уже стоявшую на грани полного поражения, на четыре зоны оккупации — одна переходила под управление Франции. Не достигнув согласия по вопросу о послевоенных репарациях со стороны Германии, они решили учредить комиссию по репарациям, которая должна была обсудить вопрос исходя из базовой суммы в 20 миллиардов долларов; половина причиталась Советскому Союзу. Сталин дал согласие на вступление СССР в войну против Японии через три месяца после окончания боевых действий в Европе. В свою очередь, США пообещали пойти на территориальные и экономические уступки в Восточной Азии, которые во многом возвращали то, что Россия потеряла в ходе Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Новости из Ялты вселяли оптимизм, которого люди не испытывали уже долгие десятилетия. Бывший президент Герберт Гувер назвал эту конференцию «величайшей надеждой для всего мира». Военный корреспондент компании *CBS* Уильям Ширер, из-под пера кото-

---

<sup>38</sup> Док. цит. по изданию: Тегеран – Ялта – Потсдам: Сб. документов / Сост.: Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М.: Международные отношения, 1970.

рого позднее вышел мировой бестселлер «Взлет и падение Третьего рейха», объявил встречу в Ялте «вехой в истории человечества»<sup>88</sup>. По возвращении в США Рузвельт выступил перед конгрессом, заключив свою речь словами: «Крымская конференция стала поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории, а значит, и в истории всего мира... Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующую мировую войну... Уверен, для конгресса и всего американского народа результаты этой конференции станут началом долговременного мира, при котором мы с Божьей помощью построим лучший мир, где должны жить и будут жить наши дети и внуки, дети и внуки всего мира. Это, друзья мои, все, что я хочу вам сказать, ибо я верю всем сердцем, что вы разделяете мои чувства сегодня и будете разделять их в будущем»<sup>89</sup>.

Гарри Гопкинс, доверенный советник Рузвельта, также видел результаты Ялтинской конференции в радужном свете:

«Мы действительно верим всем сердцем, что настал новый день, о котором мы молились и которого ждали столько лет. Мы с полной уверенностью можем сказать, что одержали первую великую победу в борьбе за мир – и под “нами” я понимаю всех нас, весь цивилизованный род человеческий. [Советский народ оказался] надежным и дальновидным, и ни мы, ни наш президент не сомневаемся в том, что можем сосуществовать с ними и поддерживать мирные отношения так долго, как никто из нас и представить себе не мог. Но с одной существенной оговоркой: думаю, все согласится с тем, что невозможно предсказать, как повернется дело, если что-либо случится со Сталиным. Мы уверены, что можно вполне положиться на его разумный подход, здравомыслие и умение понимать нашу точку зрения, но нельзя ручаться за то, кто и как может сменить его в Кремле»<sup>90</sup>.

Советские руководители разделяли энтузиазм, охвативший всех после Крымской конференции, но также не были уверены в том лидере, который станет преемником Рузвельта. Те, кто присутствовал при выступлении президента в конгрессе, заметили, как резко ухудшилось состояние здоровья Рузвельта. Утомленный долгой дорогой, он впервые за время своего пребывания у власти выступал сидя, а не стоя. В течение последующих нескольких недель разногласия между США и СССР по Польше и ряду других вопросов заставили президента задуматься о будущем их взаимоотношений. Но он не терял надежды на то, что все три державы сумеют сотрудничать и дальше, в мире и согласии. В своей последней телеграмме Черчилль писал Рузвельту: «Я стараюсь свести проблемы в отношениях с СССР к минимуму, насколько это возможно, потому что такие проблемы возникают чуть не каждый день и всякий раз благополучно разрешаются»<sup>91</sup>.



*«Большая тройка» в Ялте (февраль 1945 года). Политические лидеры сумели перешагнуть через серьезные разногласия относительно будущего Польши и остальной Европы и заключить ряд соглашений, которые внушили оптимизм жителям и США, и СССР.*

12 апреля 1945 года Гарри Трумэн, ставший после выборов 1944 года вице-президентом вместо Уоллеса, пошел в кабинет спикера палаты представителей Сэма Рэйберна – поиграть в покер и опустошить запасы виски. По прибытии его попросили срочно позвонить Стиву Эрли, в Белый дом. Эрли попросил его незамедлительно приехать. А в Белом доме Элеонора Рузвельт сообщила Трумэну, что президент скончался. Придя в себя, Трумэн выразил соболезнования и спросил, может ли чем-то помочь. На это миссис Рузвельт ответила: «А может, это мы можем чем-то вам помочь? Ведь теперь все неприятности ложатся на ваши плечи»<sup>92</sup>.



*Гарри Трумэн приносит присягу в Белом доме после смерти Рузвельта. Новый президент совершенно не был готов к такому повороту событий.*

Трумэн совершенно не был готов к такому повороту событий. Он встречался с Рузвельтом лишь два раза за те 82 дня, что пробыл в должности вице-президента, и они ни разу не обсуждали существенных вопросов, определяющих судьбу страны. Но что самое удивительное, ни Рузвельт, ни один из высокопоставленных чиновников даже не сочли нужным сообщить Трумэну, что в США создается атомная бомба. В первый же день после вступления на пост президента, выходя из Капитолия, Трумэн столкнулся с группой репортеров. Один из них спросил его, как прошел первый день в роли президента, на что Трумэн ответил: «Ребята, если вы когда-нибудь молились, то помолитесь за меня. Не знаю, сваливался ли на вас снежный сугроб, но, когда мне вчера сообщили, что произошло, мне показалось, что на меня упали месяц, звезды и все планеты. На меня возложили ни с чем не сравнимую, невероятно ответственную работу». Когда один из репортеров выкрикнул: «Удачи, господин президент!» – Трумэн ответил: «Как бы я хотел, чтобы вам не приходилось меня так называть»<sup>93</sup>. Это была отнюдь не ложная скромность – Трумэн искренне считал, что такая работа ему не по плечу, а потому каждому, кого встречал на своем пути, говорил, что произошла ошибка и он не годится в президенты.

Стимсон, Уоллес и другие видные деятели правительства опасались, что Трумэн, учитывая его собственные политические убеждения и неподготовленность к вступлению в должность, попадет под влияние сторонников жесткого курса. Стимсон понимал, какое давление обрушится на нового президента со стороны Черчилля, и предупредил Маршалла, что им «следует быть настороже, поскольку к власти пришел новый человек, и нужно пристально следить

за тем, какие решения он будет принимать в вопросах, вызывавших ранее разногласия между Англией и Америкой»<sup>94</sup>.

Одну из самых серьезных проблем во взаимоотношениях США и Англии Рузвельт назвал еще на заседании правительства 16 марта. Форрестол<sup>39</sup> пропустил заседание, но помощник министра Струве Хенсел был там и делал заметки – их Форрестол впоследствии и пересказал в своем дневнике: «Президент упомянул о значительных трудностях во взаимоотношениях с Англией. Полушутя он заметил, что англичане жаждут, чтобы США в любой момент вступили в войну с Россией, и что, с его точки зрения, если прислушиваться к Англии, именно к такому итогу она нас и приведет»<sup>95</sup>.

Первым 13 апреля с новым президентом встретился госсекретарь Эдвард Стеттиниус. Бывший администратор ленд-лиза явился по просьбе Трумэна, чтобы доложить о событиях, происходящих в мире. Стеттиниус почти не имел влияния на Рузвельта. Многие и вовсе считали его пешкой. Один друг покойного президента жаловался, что «госсекретарь должен уметь читать, писать и говорить. Не обязательно владеть всеми тремя этими искусствами, но Стеттиниус не умеет делать вообще ничего из этого»<sup>96</sup>. Стеттиниус поведал Трумэну о предательстве и вероломстве СССР. Как он пояснил на следующий день в служебной записке, после Ялтинской конференции Советы «заняли твердую и бескомпромиссную позицию почти по каждому сколько-нибудь важному вопросу». Он обвинил русских в том, что те действуют в освобожденных странах без оглядки на мнение союзников, и заявил, что Черчилль в этом деле настроен даже более решительно, чем он сам<sup>97</sup>. Британский премьер без промедления подтвердил его слова в нескольких телеграммах и спешно отправил в Вашингтон своего министра иностранных дел Энтони Идена. Английский посол в США лорд Галифакс лично встретился с Трумэном и пришел к выводу, что новый президент – «посредственность чистой воды... Недалекий дилетант, хоть и доброжелательный», окруженный друзьями, больше похожими на «мещан из миссурийской глубинки»<sup>98</sup>.

В тот день Трумэн встретился со своим бывшим наставником, сенатором Джеймсом Бирнсом. Расписавшись в собственном вопиющем невежестве, Трумэн попросил Бирнса рассказать ему обо всем «от Тегерана до Ялты» и вообще «обо всем на свете»<sup>99</sup>. Поскольку Бирнс входил в состав делегации США в Ялте, Трумэн решил, что тот имеет совершенно четкие представления о том, что там происходило. Лишь спустя долгие месяцы Трумэн обнаружил, что на деле все обстояло совсем не так. На этой и всех последующих встречах Бирнс убеждал его в правоте Стеттиниуса, настаивая на том, что СССР нарушает ялтинские договоренности и что Трумэн должен быть решительным и бескомпромиссным в вопросах, связанных с русскими. Он же первым по-настоящему просветил Трумэна о создании атомной бомбы, которая, предположил он, «позволит нам диктовать в конце войны свои условия»<sup>100</sup>. Кому именно США должны диктовать свои условия, Бирнс не уточнил. Трумэн настолько искренне поведал Бирнсу, что не стал скрывать намерений назначить его государственным секретарем, как только Стеттиниус запустит ООН на полный ход. Близкий друг Трумэна и его личный секретарь Мэтью Коннелли позднее писал об этом дне: «Мистер Бирнс приехал из Южной Каролины, поговорил с мистером Трумэном, и тот сразу решил, что ему предстоит стать госсекретарем. Боюсь, мистер Бирнс считает мистера Трумэна полным ничтожеством, а себя большим умником»<sup>101</sup>. Возможно, Бирнс и был умнее, но из этих двух политиков, которые в значительной мере повлияли на послевоенный мир, Трумэн был образованнее: он закончил полную среднюю школу, а Бирнс бросил ее в возрасте 14 лет.

---

<sup>39</sup> Форрестол – в то время министр ВМС США, впоследствии первый министр обороны.

Посол Гарриман посетил Сталина в Кремле и обнаружил, что советский руководитель глубоко скорбит о кончине Рузвельта. Сталин держал Гарримана за руку, выражая сожаление об уходе президента и называя его смерть страшной потерей для всего человечества. Глава советского правительства просил посла передать глубочайшие соболезнования госпоже Рузвельт и ее детям. Гарриман попытался убедить Сталина, что ему удастся завязать такие же близкие отношения и с президентом Трумэном, назвав его «человеком не слова, а дела». Сталин ответил: «Рузвельт почил, но его дело должно жить дальше. Мы поддержим президента Трумэна всеми силами»<sup>102</sup>. Гарриман, неисправимый скептик, был глубоко тронут искренностью советского руководителя.



*Трумэн, Джеймс Бирнс (слева) и Генри Уоллес на похоронах Рузвельта. Бывший наставник Трумэна Бирнс стал ближайшим советником нового президента по внешней политике. Позднее ему удалось убедить Трумэна снять Уоллеса с должности министра.*

По пути на первую Генеральную Ассамблею ООН в Сан-Франциско в Вашингтон заехал В. М. Молотов. Он хотел лично побеседовать с новым президентом. Гарриман также поспешил в столицу, чтобы успеть встретиться с ним раньше советского наркома иностранных дел. Ему удалось предостеречь Трумэна: США наблюдают за «варварским завоеванием Европы», — и напомнить, что президент должен твердо стоять на своем и сказать Молотову, что «мы не потерпим никакого давления в решении польского вопроса»<sup>103</sup>. Гарриман добавил, что аналогичной точки зрения придерживаются и Черчилль с Иденом. Как только СССР подчиняет себе очередную страну и устанавливает в ней свой режим, заявил Гарриман, туда сразу приезжает тайная полиция и лишает народ свободы слова. Он нисколько не сомневался, что Советы не рискнут разрывать отношения с США, потому что отчаянно надеются на получение после

войны гуманитарной помощи, обещанной им Рузвельтом. Стеттиниус и министр ВМС Джеймс Форрестол в целом согласились с его оценкой ситуации. Все трое настойчиво советовали президенту не идти ни на какие уступки в польском вопросе.

23 апреля Трумэн собрал советников по внешней политике на последнее совещание перед встречей с Молотовым. Стимсон, Маршалл и Лихи предложили свой вариант линии поведения в отношении СССР. Лихи еще раз обратил внимание президента на туманность формулировок в ялтинских соглашениях, благодаря которым СССР нельзя было упрекнуть в каких-либо нарушениях. По сути, сказал он, было бы даже странно, если бы советские лидеры действовали после Ялтинской конференции как-то иначе. Почтенный Маршалл, которого журнал *Time* назвал «Человеком года – 1943», заявил, что разрыв отношений с СССР повлечет за собой катастрофические последствия, ведь от участия СССР зависит исход войны с Японией. Стимсон также согласился с тем, что Советский Союз находится в довольно сложном положении, и осторожно намекнул на неопытность нового президента. Он напомнил всем присутствующим, что СССР доказал свою надежность как союзник и нередко делал в военных вопросах больше, чем обещал, особенно в стратегически важных вопросах. Он также упомянул о важности, которую Польша представляет для Советского Союза, и подчеркнул, что «русские, возможно, более реально смотрят на вопросы собственной безопасности, чем мы». Кроме того, он добавил, что во всем мире, кроме США и Англии, очень немногие – в том числе даже страны, входящие в сферу влияния Штатов, – разделяют американскую точку зрения на проведение свободных выборов<sup>104</sup>. Трумэн, как и ожидалось, попытался скрыть свое невежество в обсуждаемых вопросах за напускной смелостью. Он пообещал не спасовать перед Молотовым и потребовать, чтобы СССР перестал нарушать ялтинские соглашения. А что касается ООН, то США «будут и дальше осуществлять в Сан-Франциско свои планы, а если русские не хотят присоединиться к нам, пусть идут ко всем чертям»<sup>105</sup>. Гарриману он признался, что не рассчитывает получить от СССР 100 % желаемого, но на 85 % рассчитывает твердо<sup>106</sup>.

Неудивительно, что самые ярые противники СССР придерживались такой же точки зрения и не верили в искренность мотивов и стремлений СССР, а потому активно порицали все, что связано с социализмом. Гарриман, сын железнодорожного магната, основал компанию Brown Brothers Harriman. Форрестол сколотил состояние на Уолл-стрит. А Стеттиниус возглавлял совет директоров U. S. Steel, крупнейшей корпорации в США. Чтобы направлять американскую политику, они объединились с другими состоятельными банкирами, предпринимателями с Уолл-стрит, вашингтонскими юристами и менеджерами крупных корпораций, которые также унаследовали состояния или разбогатели в межвоенный период. Среди поддерживавших эту инициативу были Дин Ачесон<sup>40</sup> из компании Covington and Burling, Роберт Ловетт из Brown Brothers Harriman, Джон Макклой из фирмы Cravath, Swain and Moore, Аллен и Джон Фостер Даллесы из Sullivan and Cromwell, нефтяной и финансовый магнат Нельсон Рокфеллер, Пол Нитце из компании Dillon Read и президент General Motors Чарльз Уилсон. Последний, занимая должность директора Комитета военно-промышленного производства, в 1944 году заявил Управлению артиллерийского снабжения Сухопутных войск США, что во избежание возвращения ко временам Великой депрессии США необходима «постоянная военная экономика»<sup>107</sup>. Хотя эти люди также служили в администрации Рузвельта, они пользовались в ней незначительным влиянием, поскольку он фактически сам выполнял работу госсекретаря.

На встрече с Молотовым, состоявшейся ближе к вечеру, Трумэн сразу вошел в роль «крутого парня» и, недолго думая, обвинил Советы в нарушении ялтинских соглашений, в частности положений по Польше. Когда Молотов объяснил, что Польша, граничащая с СССР, пред-

<sup>40</sup> Ачесон Дин (1893–1971) – госсекретарь в правительстве Трумэна, неофициальный внешнеполитический советник президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона.

ставляет особую важность для его государства и что по данному соглашению в Люблинское правительство должны войти дружественно настроенные поляки, а не представители лондонской группы, враждебно настроенные к новому режиму, Трумэн попросту пропустил его объяснения мимо ушей. А когда Молотов попытался затронуть другие вопросы, новый американский президент грубо перебил его: «Мы закончили, господин Молотов. Буду признателен, если вы передадите мои слова маршалу Сталину»<sup>108</sup>. Молотов ответил: «Со мной никогда в жизни не говорили в подобном тоне»<sup>109</sup>. Трумэн презрительно бросил: «Выполняйте свои обязательства, и тогда с вами не будут говорить в подобном тоне». Молотов, возмущенный подобным отношением, бросился вон из комнаты. Многие годы спустя Молотов по-прежнему вспоминал «властный тон» Трумэна и «глупые попытки» показать, «кто тут главный»<sup>110</sup>.

Вскоре после этой встречи Трумэн похвастал Джозефу Дэвису, бывшему послу США в СССР, что «сразу перешел в атаку. Задал ему трепку, пробил “двойкой” в челюсть»<sup>111</sup>.

Реакция Сталина на недипломатичное поведение Трумэна по отношению к Молотову не заставила себя ждать. Пережив за последние 25 лет два нападения Германии на Россию через Польшу и другие страны Восточной Европы, он крайне нуждался в дружественных правительствах к западу от Москвы, особенно в приграничных государствах. На следующий день Сталин прислал Трумэну телеграмму, где вкратце описал, что произошло в Ялте на самом деле. Он подчеркнул, что Рузвельт согласился с тем, что Люблинское правительство явится основой нового правительства Польши. Поскольку «Польша граничит с Советским Союзом», СССР имеет полное право заручиться поддержкой дружественного правительства в этой стране. Он также заявил, что не знает, насколько демократическими являются правительства в Бельгии или Греции, но не станет лезть в их дела, поскольку эти страны представляют особую важность для безопасности Англии. Кроме того, он написал: «Я готов выполнить Вашу просьбу и сделать все возможное, чтобы достигнуть согласованного решения. Но Вы требуете от меня слишком многого. Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»<sup>112</sup><sup>41</sup>.

Сталин был убежден, что они с Рузвельтом достигли понимания в польском вопросе, — ведь бывший американский президент с уважением отнесся к нуждам Советского Союза. Фактически, когда Гарриман попытался поднять польский вопрос на московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 года, госсекретарь Хэлл сделал ему выговор и напомнил о настоящих приоритетах США: «Я не хочу тратить время на эти пустяки. Мы должны сосредоточиться на главном»<sup>113</sup>. Но при Трумэне власть взяли в свои руки ярые противники СССР. Сталин не без оснований считал, что его предали.

Открытие первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Сан-Франциско 25 апреля должно было ознаменовать собой начало новой эры международного мира и согласия. Вместо этого первые сессии омрачало напряжение, воцарившееся между главными союзниками. В день открытия сессии Гарриман встретился с членами американской делегации, желая удостовериться, по его словам, что «все понимают, что Советы... не собираются придерживаться договоренностей о послевоенном устройстве». Советы, утверждал он, используют любые обходные пути, чтобы получить господство во всей Восточной Европе. Когда Гарриман стал повторять эти обвинения во время неофициальных пресс-конференций, некоторые журналисты демонстративно покидали зал, называя его «поджигателем войны»<sup>114</sup>. Однако американские делегаты отнеслись к его заявлениям совсем иначе. Просьба Молотова предоставить место Польши в ООН Люблинскому правительству была отклонена. США же убедили пред-

<sup>41</sup> Цит. по изданию: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958.

ставителей Латинской Америки поддержать членство в ООН Аргентины, несмотря на профашистские симпатии ее правительства.

Понимая, что грубая тактика поведения с СССР не дала желаемых результатов, Трумэн дважды встретился с Джоозефом Дэвисом в надежде получить ценный совет. Дэвис – юрисконсульт корпораций, придерживавшийся консервативных взглядов, – в бытность послом США в СССР удивил либеральных критиков, проявив симпатии к советскому социальному эксперименту. Трумэн признался Дэвису, что его тирада «потрясла» Молотова, и тот «побледнел как мел». Трумэн заключил, что его «жесткий метод» сработал, поскольку в Сан-Франциско советские делегаты уступили и не стали требовать признания Люблинского правительства. Но вскоре после этого отношения между двумя державами резко ухудшились. «Как вы думаете, – спросил президент, – я поступил правильно?»

Дэвис объяснил, что накануне памятной встречи 23 апреля с Трумэном Молотов приехал к нему и спросил, много ли знает Трумэн о Ялтинской конференции. Он признался, что смерть Рузвельта – «страшная трагедия» для русского народа, потому что «Сталин и Рузвельт понимали друг друга». Дэвис объяснил Трумэну, что Советы всегда были «сторонниками взаимности между союзниками». Поэтому СССР признавал поставленные англичанами правительства в Африке, Италии, Греции, хотя те отнюдь не представляли антифашистских сил в этих странах. Советские руководители исходили из того, что эти регионы представляют «жизненные интересы» США и Англии. Такой же поддержки они ожидали и по отношению к жизненным интересам своей безопасности в Польше. Дэвис напомнил Трумэну, что, пока Штаты вместе с англичанами планировали глобальную стратегию, советские войска в одиночку сражались на поле боя. Трумэн удивился, узнав, что Советы даже не стали давить на Черчилля по территориальным вопросам «из уважения к Рузвельту». Президент пообещал, что «очистит» Госдепартамент от тех, кто настолько сильно ненавидит СССР, что осмелился ввести в заблуждение его самого. Кроме того, Дэвис обратил внимание Трумэна и на то, как кардинально изменились отношения двух держав за последние шесть недель при несомненном подстрекательстве со стороны англичан.

Дэвис предупредил Трумэна: если советские лидеры решат, что США и Англия «объединились против них», то не останутся в долгу – так произошло, когда они заключили пакт с Гитлером, осознав, что западные державы не помогут им остановить нацистов. Но он заверил Трумэна, что, «если проявить великодушие и доброжелательность, Советы ответят еще великодушнее. “Жесткая” же политика вызовет быструю и болезненную реакцию, которая дорого обойдется любому, кого русские сочтут врагом». Дэвис согласился организовать встречу Трумэна и Сталина. Американский президент признал, что сел в лужу и повел дело совершенно неправильно. Дэвис записал самокритичные слова Трумэна в своем дневнике: «Неудивительно, что я переживаю из-за случившегося. Это огромная ответственность, а я меньше всего подхожу для того, чтобы нести ее. Но выпала она на мою долю». И насмешливо добавил: «Покоится здесь Вильямс Джо, / Он делал все, что мог. / Он прыгал выше головы, / Но он – не Господь Бог»<sup>115</sup>.

Другой бывший посол в Советском Союзе, адмирал Уильям Стэндли, занимавший этот пост в 1942–1943 годах, публично осудил тех, кто считал, будто Сталин замышляет какую-то каверзу. В статье, опубликованной в журнале *Collier's*, Стэндли утверждал, что Сталин искренне желает сотрудничать с Соединенными Штатами, чтобы установить продолжительный мир во всем мире. Советский Союз не только «отчаянно» нуждается в прочном мире, но, по мнению адмирала, «Сталин стремится к этому искренне, всей душой. Мир, – добавил он, – просто не переживет еще одной войны»<sup>116</sup>.

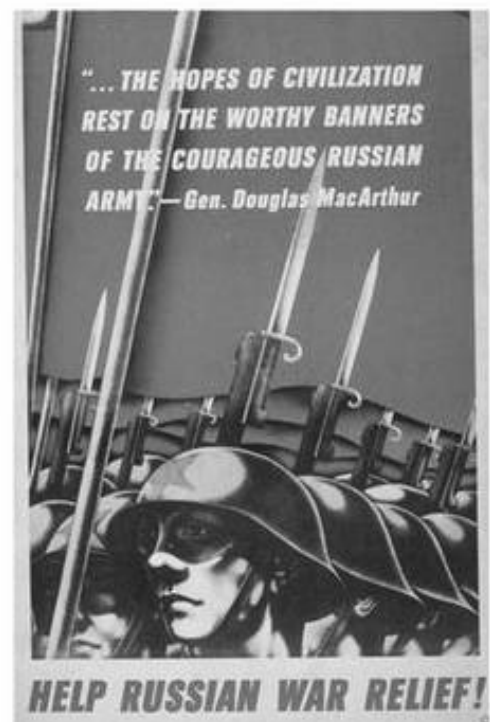
На Европейском театре военных действий события развивались успешно. 26 апреля советские и американские войска встретились на реке Эльба близ города Торгау, в 7 тысячах километров от берегов США и 2 тысячах с лишним покрытых кровью километров от руин

Сталинграда. Этот момент был радостным для всех; солдат щедро накормили, спиртное: шампанское, водка, виски, коньяк, вина, пиво, — лилось рекой. Рядовой первого класса Лео Касински назвал то время «лучшим в моей жизни... [советские солдаты] от души нас накормили, в тот день мы подняли около 60 тостов». «Боже, — добавил он, — так не пьют даже в Бруклине»<sup>117</sup>. Как сообщила газета *New York Times*: «Повсюду были слышны тосты и песни, все говорили о надеждах на будущее, в котором Америка, Россия и Англия объединятся ради мира во всем мире»<sup>118</sup>.

7 мая 1945 года Германия признала свое поражение. За неделю до капитуляции Гитлер и Ева Браун покончили жизнь самоубийством в своем бункере. По словам одного американского дипломата, радость советского народа по поводу Победы была «неописуемой». Перед американским посольством в Москве собралась огромная толпа, люди скандировали: «Ура Рузвельту!»<sup>119</sup> Сталин выступил на Красной площади перед двумя, если не тремя миллионами москвичей.

Американцы также выказали СССР ответное дружеское расположение, признавая понесенные советским народом огромные жертвы в борьбе против общего врага. В июне С. Л. Сульцбергер написал в *New York Times*, что лишения, которые терпели русские, невозможно даже представить: «Если говорить о горе и страданиях, о болезнях и лишениях, о потерянных из-за войны рабочих днях — в стране, где труд возведен в культ, — то общую величину потерь невозможно подсчитать. Нельзя даже близко сравнить это с потерями американцев, которых тяготы войны едва коснулись. Нельзя сравнивать их даже с англичанами, серьезно пострадавшими от бомбардировок. Возможно, русские даже сами до конца не осознают, что им довелось вынести на своих плечах». Сульцбергер понимал, что разрушения, принесенные немцами на советскую землю, будут иметь долговременные последствия: «Неописуемые страдания и невиданные прежде разрушения неизбежно наложат свой отпечаток не только на советских людей, не только на их страну, но и на будущие политические решения, и на всю психологию народа». А значит, СССР потребуются «самые надежные союзники» в Восточной Европе, постоянное ослабление немецкой военной мощи и установление дружеских отношений с державами Среднего и Дальнего Востока, граничащими с Советским Союзом. Журналист высказал мысль о том, что советские люди, как бы они ни стремились к «лучшей жизни», готовы будут пожертвовать многими материальными благами ради того, чтобы вновь почувствовать уверенность в будущем, о которой пришлось забыть в годы войны<sup>120</sup>.

В течение года многие американцы занимались благотворительностью, пытались уменьшить лишения, испытываемые советским народом. На Новый год издатели *Washington Post* призвали американцев вспомнить о русских детях, отмечающих этот праздник, и «поделиться с ними хоть каплей нашего благополучия», чтобы выразить «чувство единения с русским народом»<sup>121</sup>. Даже первая леди Америки Бесс Трумэн не осталась в стороне. В июле она стала почетным председателем организации «Собрание произведений англоязычной классической литературы в помощь русским жертвам войны» — организация призвала американцев собрать миллион книг, чтобы пополнить библиотеки, уничтоженные нацистами. На форзаце каждого тома будут изображены флаги двух государств и дарственная надпись: «Героическому народу Советского Союза от народа Америки»<sup>122</sup>.



*Под эгидой Фонда помощи русским жертвам войны американцы щедро одаривали испытывавших лишения советских союзников.*

Много говорили и писали о доблести и щедрости советских солдат и простых мирных жителей. *Washington Post* опубликовала рассказ капитана Эрнеста Грюнберга, военврача воздушно-десантных войск, о том, что произошло с ним в день высадки союзных войск в Нормандии. Бежав из лагеря военнопленных, Грюнберг и еще двое американских военнослужащих всего за две недели добрались до Москвы. Грюнберг вспоминал: «Нам почти не пришлось

идти пешком. Нас то и дело подвозили грузовики и поезда, но нигде не пытались требовать с нас денег или проверять билеты. Для нас, американцев, им было ничего не жалко. Русские всегда были готовы дать нам приют. Обычно мы передвигались в грузовиках и теплушках, но в самую Москву въехали с большим почетом – в вагоне для русских офицеров. И все это, разумеется, совершенно бесплатно». Русские и поляки так щедро делились своими скудными запасами провианта, что Грюнбергу даже показалось, будто он набрал все 11 килограммов веса, потерянных в лагере<sup>123</sup>.

Товарищеские чувства к советскому народу внушали американцам оптимизм по поводу укрепления дружбы между двумя странами после войны. Мартовский опрос Гэллага показал: 55 % граждан США считают, что Советскому Союзу можно доверять и продолжать с ним сотрудничество после войны<sup>124</sup>.

Хотя многие из советников Трумэна и полагали, что Сталин установит коммунистические режимы на всех территориях, занятых Красной армией, советский руководитель не торопился с революционными переменами. Он понимал, что в большинстве этих стран коммунисты представляют меньшинство, хотя они и сыграли ведущую роль в движении Сопротивления. Однажды он даже сказал, что Польше коммунизм нужен, как корове седло<sup>125</sup>.

Советские солдаты не очень-то старались завоевать доверие у немцев. Они хотели отомстить за те жертвы, опустошения и унижения, которые немцы принесли на советскую землю, а потому с поверженными немцами не церемонились. Особенно высокую цену за гитлеровские военные преступления заплатили немки – за несколько недель более 100 тысяч женщин обратились за медицинской помощью после изнасилований.

Хотя подобные вещи можно считать вопиющими и непростительными, едва ли продвижение Красной армии по европейским странам было и в самом деле «нашествием варваров», как его окрестил несколько ранее Гарриман. Советские войска видели не только зверства нацистов в СССР; пламя их ненависти разгоралось еще и от того, что они увидели по пути к Берлину, освобождая концлагеря Майданек, Собибор, Трешлинка, Освенцим. Военный корреспондент Александр Верт описывал это так: «По мере того как Красная армия продвигалась на запад, ее бойцы каждый день слышали истории об ужасах, унижении и депортациях; советские войска видели разрушенные до основания города; они видели братские могилы русских военнопленных, убитых или погибших от голода... Разумеется, русским солдатам, узнавшим правду о нацистской Германии, были глубоко отвратительны Гитлер, Гиммлер, их отношение к “недочеловекам” и чудовищный садизм»<sup>126</sup>. Сами бойцы тоже рассказывали об увиденных ужасах. Так, В. Летников писал в 1945 году своей жене:

«Вчера мы обнаружили лагерь смерти, где находилось 120 тысяч заключенных. Вся территория огорожена двухметровыми столбами с проволокой, по которой пущен ток. А еще немцы тут все заминировали. Каждые 50 метров – вышки для автоматчиков и пулеметчиков. Недалеко от бараков для смертников стоит крематорий. Подумать страшно, сколько людей нашли в нем смерть. Рядом с теперь уже разрушенным крематорием лежат кости, только кости и кучи обуви, высотой в несколько метров. В них были даже детские ботиночки. Такой кошмар, что даже не описать словами»<sup>127</sup>.

Советские газеты, в том числе издававшиеся в армии, постоянно публиковали натуралистические статьи о зверствах нацистов. Поэтому, когда советские войска вступили на землю Германии, их гнев не мог не выплеснуться наружу. Сталин, не поощряя и не порицая своих солдат, не стал им мешать.

Сталин не только не спешил с установлением коммунистических режимов, но и постарался сдержать тех, кто стремился к революционным переменам в Западной и Восточной Европе, – их он призвал создавать широкие коалиции демократических сил. Скорее патриот, чем революционер-интернационалист, Сталин в первую очередь думал об интересах Советского Союза. Он рассчитывал на помощь США в послевоенном восстановлении СССР, ему необходимо было взаимопонимание с союзниками, чтобы не допустить возрождения германской мощи, в которой он по-прежнему видел главную угрозу своей стране. Он посоветовал своим товарищам-коммунистам не копировать большевистскую модель государственного устройства, а прийти к социализму через иные «политические системы – например, через демократию, парламентскую республику или даже конституционную монархию»<sup>128</sup>. Он хотел, чтобы ничто не помешало его союзу с Англией и США. Поэтому и правительства, созданные им в освобожденных советской армией странах Восточной и Центральной Европы, были дружественными к СССР, но отнюдь не чисто коммунистическими.

Трумэн также был готов пойти на примирение. Пообщавшись с Дэвисом, Гарри Гопкинсом и министром торговли Генри Уоллесом, он попытался улучшить отношения с Советами. Вместе со своими военачальниками он не поддавался давлению со стороны Черчилля, который требовал оставить войска западных союзников на фактически занятых ими территориях до тех пор, пока не удастся вырвать у Советов уступки<sup>42</sup>. Трумэн вскоре узнал, что представления Сталина о ялтинском соглашении гораздо ближе к истине, чем его собственные. Бирнс признался, что уехал из Ялты прежде, чем главы держав заключили окончательное соглашение, и не принимал участия в ключевых встречах «Большой тройки». Трумэн также узнал, что Рузвельт действительно согласился на установление советской сферы влияния в Восточной Европе и что нет никаких оснований требовать смены правительства в Польше. В конце мая он направил Гарри Гопкинса в Москву на встречу со Сталиным. По Польше было выработано соглашение примерно на тех же условиях, что и по Югославии. В состав реорганизованного кабинета министров должны были войти бывший премьер-министр Станислав Миколойчик, которому теперь отводилась должность заместителя премьер-министра, и еще три представителя правых партий, а остальные 17 постов предоставлялись коммунистам и их союзникам. Трумэн сообщил журналистам, что Сталин продемонстрировал «необычайную сговорчивость», которая, несомненно, послужит на благо дальнейшего сотрудничества США и СССР<sup>129</sup>.

Когда в июле Трумэн отправился в Потсдам, оснований для надежд на послевоенное сотрудничество с СССР стало заметно больше, чем за два месяца до этого. Но кое-кто советовал президенту не обольщаться. Так, в июле 1945 года журнал *Life* – почти через два года после того, как Сталин попал на его обложку, – заявил: «Россия – проблема номер один для Америки, потому что это единственная в мире страна, чья динамичность и мощь способны угрожать нашим представлениям об истине, справедливости и процветании»<sup>130</sup>.

Хотя со стороны и казалось, что Потсдамская конференция проходит в дружественной обстановке, на самом деле именно она ознаменовала собой отход от политики долгосрочного сотрудничества. Новости об успешном испытании атомной бомбы убедили Трумэна, что США прекрасно проживут и не думая об интересах СССР, и своим отношением к Сталину он продемонстрировал это очень красноречиво. Отправившись в обратный путь на борту военного корабля «Огаста», президент США заявил группе офицеров, что упрямство Советов больше не имеет значения, «поскольку теперь у США появилось оружие такой мощи и качества, что нам больше не нужны русские – как и любая другая страна»<sup>131</sup>.

<sup>42</sup> Ялтинские соглашения установили границы оккупационных зон на территории Германии и Австрии. В ходе боевых действий, пока советские войска штурмовали Берлин, англо-американцы местами значительно вклинились в пределы советской зоны оккупации. Здесь речь идет об их отводе в свои зоны, чему активно противодействовал У. Черчилль.

## Глава 4

### Бомба: трагедия маленького человека

Юного лейтенанта Пола Фасселла собирались переводить с Европейского театра военных действий на Тихоокеанский, когда он получил известия об атомной бомбардировке Хиросимы. В 1988 году он издал книгу «Слава Богу, что есть атомная бомба», где написал: «Несмотря на все свое напускное мужество, мы рыдали от облегчения и радости. Мы поняли, что будем жить. Мы поняли, что в конце концов доживем до зрелости»<sup>1</sup>.

Целые поколения американцев учили, что США были вынуждены сбросить атомные бомбы на Японию в конце Второй мировой войны, дабы спасти жизнь сотням тысяч таких молодых людей, как Фасселл, – в случае вторжения на территорию Японии они были бы обречены на смерть. Но дело тут куда сложнее – и куда тревожнее.

Поскольку все помыслы американцев были направлены прежде всего на уничтожение фашизма, США бросили львиную долю своих ресурсов в европейскую войну. На приоритетности войны в Европе настоял Рузвельт. Он выступал против «напряжения всех сил на Тихом океане». Он утверждал: победить Японию не означает победить Германию, а разгром Германии будет означать и поражение Японии, «возможно, без единого выстрела и без погибших солдат»<sup>2</sup>.

После неожиданного нападения на Перл-Харбор японцы сразу же перешли в наступление. Но США одержали важную победу в сражении у атолла Мидуэй в июне 1942 года, а затем более трех лет применяли тактику поочередного захвата отдельных островов. Японцы сражались отчаянно, не оставляя сомнений в том, что за победу американцы заплатят высокую цену. Американское промышленное производство давало армии США огромные преимущества. К 1943 году американские заводы выпускали почти 100 тысяч самолетов в год – колоссальная цифра в сравнении с 70 тысячами самолетов, выпущенных Японией за всю войну. К лету 1944 года США разместили на Тихом океане почти 100 авианосцев одновременно – куда больше, чем Япония, имевшая за всю войну только 25.

Наука также внесла заметный вклад в военные успехи: победе союзников в немалой степени способствовало изобретение радара и дистанционного взрывателя. Но ход истории изменило все же изобретение атомной бомбы.

И писатели-фантасты, и серьезные ученые давно уже обдумывали возможность использования атомной энергии и в мирных, и в военных целях. Начиная с 1896 года ряд научных открытий Антуана-Анри Беккереля, Пьера и Мари Кюри, Фредерика Содди и Эрнеста Резерфорда подогревали интерес широкой публики к радиоактивности. В начале 1900-х годов высказывания Резерфорда, Содди и других об огромной энергии, заключенной в материи, и о возможности взорвать целую вселенную вызвали многочисленные рассуждения о вероятном печальном будущем. Но и ученые, и простые люди мечтали о мирном использовании такой энергии, об утопических обществах, которые могли возникнуть благодаря ей.

Ожидая пришествия ядерной энергии, способной создать новый рай, общественность оказалась очарована целебными способностями радия и других расщепляющихся элементов. Рекламисты утверждали, что такая продукция может излечить от всех болезней: плешивости, ревматизма, расстройства желудка и повышенного кровяного давления. В одном перечне приводились названия 80 патентованных лекарств, содержащих радиоактивные компоненты, которые нужно было вдыхать, колоть или принимать в виде таблеток, солей для ванны, жидких мазей, свечей или шоколадных леденцов. Уильям Бейли утверждал, что продукция, выпущенная Радиевыми лабораториями Бейли в Ист-Оранже (штат Нью-Джерси), вылечит все, начиная от метеоризма и заканчивая ослаблением потенции. Среди его продуктов был «Радиоэн-

докринатор», который можно было носить вокруг шеи, чтобы омолодить щитовидную железу; вокруг туловища для стимуляции надпочечников и яичников или под мошонкой в специальном бандаже. Бейли преуспел в делах; особенно хорошо расходился его жидкий «Радитор», чьей самой печальной и самой знаменитой жертвой стал богатый промышленник и плеейбой из Питтсбурга Эбен Байерс. Врач порекомендовал ему попробовать «Радитор» для лечения ушибленной руки, и к декабрю 1927 года Байерс уже выпивал несколько флаконов средства в день. Он заявлял, что лекарство не только вылечило ему руку: он ощутил прилив жизненных сил и сексуальной энергии. Решив, что лекарство является афродизиак, Байерс стал убеждать своих подружек тоже принимать средство. К 1931 году он употребил не то тысячу, не то полторы тысячи флаконов, и самочувствие у него резко ухудшилось. Он похудел, начал страдать сильными головными болями и заметил, что зубы стали выпадать один за другим. Эксперты пришли к выводу, что его тело медленно разлагается. Ему удалили всю верхнюю челюсть и большую часть нижней, а в черепе возникли дыры. Вскоре он умер от отравления радиоактивными веществами<sup>3</sup>.

Среди тех, кто предупреждал о возможных мрачных последствиях использования атомной энергии, был Герберт Уэллс, в 1914 году написавший первый роман об атомной войне – «Освобожденный мир». Уэллс пророчил атомную войну между Германией и Австрией с одной стороны, Англией, Францией и США – с другой, в результате чего более 200 городов были превращены в «негаснущие очаги пожаров, над которыми ревело малиновое пламя атомных взрывов»<sup>4</sup> [Пер. Т. Озерской]. Позже он предложит свою собственную эпитафию: «Будьте вы все прокляты! Я же вас предупреждал!»



*В 1914 году Герберт Уэллс написал первый роман об атомной войне – «Освобожденный мир». Он пророчил атомную войну между Германией и Австрией с одной стороны, Англией, Францией и США – с другой, в результате чего более 200 городов были превращены в «негаснущие очаги*

*пожаров, над которыми ревели малиновое пламя атомных взрывов». Позже он предложит свою собственную эпитафию: «Будьте вы все прокляты! Я же вас предупреждал!»*

Эксцентричного Лео Силарда, блестящего венгерского физика, творчество Уэллса не оставило равнодушным. Силард, уехавший из Германии вскоре после прихода к власти нацистов, много размышлял о возможностях атомной энергии. Он пытался обсудить ее применимость с Резерфордом, но тот отмахнулся от этого как от «пустого вздора» и выгнал Силарда из своего кабинета<sup>5</sup>. Силард не впал в уныние и в 1934 году получил патент, описав схему ядерной цепной реакции. Наиболее подходящим для этого элементом он счел не уран, а бериллий.

В декабре 1938 года два немецких физика ошеломили научный мир, расщепив атом урана и сделав теоретически возможным создание атомных бомб. В США наибольшую тревогу по этому поводу высказывали те ученые, которые бежали из оккупированной нацистами Европы и боялись последствий, если такое оружие попадет в руки Гитлеру. Предлагая США создать собственную атомную бомбу как средство устрашения, эти эмигранты пытались пробудить интерес американских властей к данному вопросу, но безуспешно. Отчаявшись, Силард в июле 1939 года вместе с другим венгерским физиком, Ене (Юджином) Вигнером, обратился за помощью к прославленному Альберту Эйнштейну. Тот согласился написать президенту Рузвельту письмо с просьбой санкционировать атомные исследования на территории США. Эйнштейн позже сожалел о своем поступке; так, он признался химику Лайнусу Полингу: «Я совершил одну серьезную ошибку в своей жизни – когда подписал письмо президенту Рузвельту, рекомендуя начать работу над атомной бомбой»<sup>6</sup>. Если уж быть точным, он писал Рузвельту на эту тему трижды.

В одном ученые были правы: Германия действительно начала программу атомных исследований. Но только к концу войны американцам стало известно, что Германия довольно скоро отказалась от этих исследований, занявшись оружием, которое можно было изготовить проще и быстрее, – ракетами «Фау-1» и «Фау-2». Гитлер и Альберт Шпеер не были заинтересованы в том, чтобы расходовать деньги и рабочую силу на оружие, которое, быть может, не удастся применить в уже идущей войне.

В США, несмотря на заинтересованность Рузвельта, исследования двигались черепашими темпами. Они неспешно ползли вперед вплоть до осени 1941 года, когда США официально получили доклад английского комитета МАУД<sup>43</sup>. Он опровергал ошибочные предположения, что для создания бомбы понадобится 500 тонн чистого урана – из-за такого количества программу бы закрыли в самом начале. Назначенный на время войны координатором научных исследований Джеймс Конант считал, что вложение значительных средств в данный проект просто неразумно. Нобелевский лауреат в области физики Артур Холли Комптон сообщил, что к лету 1941 года «ответственные представители правительства оказались... очень близки к тому, чтобы изъять из военных программ исследования расщепления ядра»<sup>7</sup>. Однако новые расчеты показали, что для бомбы потребуется только 5–10 килограммов урана, а на ее создание уйдет не более двух лет.

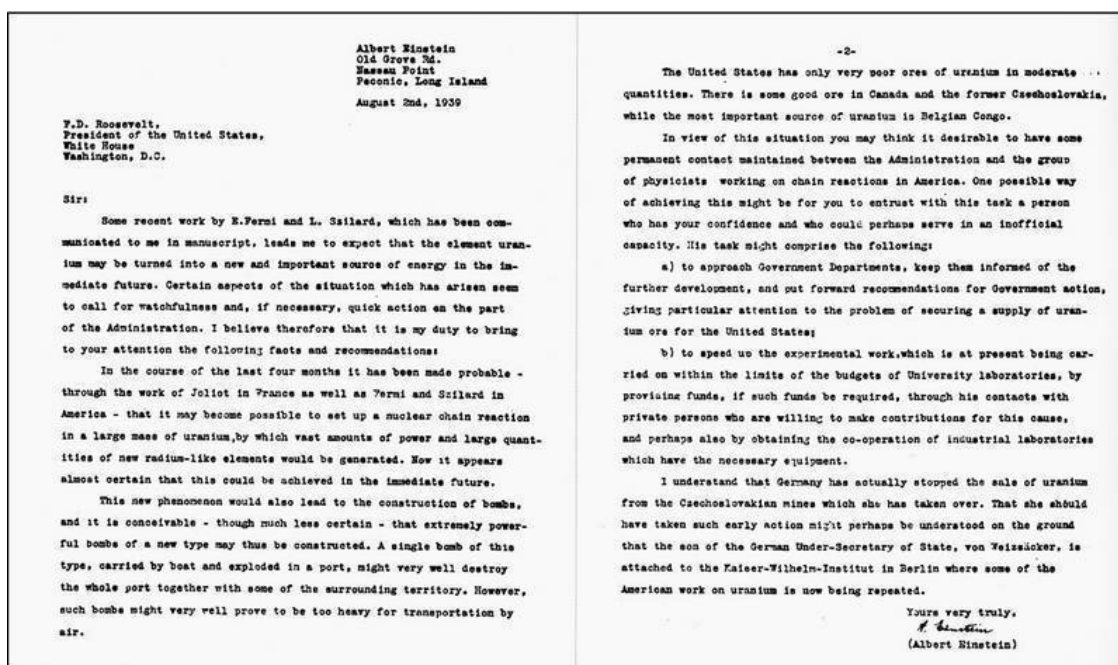
9 октября Ванневар Буш, другой управленец в области науки, взял с собой сообщение англичан и отправился на встречу с Рузвельтом и вице-президентом Генри Уоллесом. Ознакомившись с новой информацией, Рузвельт выделил Бушу необходимые средства.

Буш назначил Комптона ответственным за разработку бомбы, и тот основал в Чикагском университете металлургическую лабораторию. Цель исследований состояла в том, чтобы

---

<sup>43</sup> Комитет по использованию урановых зарядов в военных целях (англ. аббревиатура MAUD). Англичане начали собственную программу ядерных исследований, однако вскоре их ученые присоединились к работе над американским проектом «Манхэттен».

получить в ядерном реакторе самоподдерживающуюся цепную реакцию. Комптон попросил Дж. Роберта Оппенгеймера, блестящего и харизматичного физика-теоретика, собрать команду выдающихся теоретиков для решения многих важных вопросов. Среди «светил» Оппенгеймера, как он их называл, были Эдвард Теллер<sup>44</sup> и Ганс Бете, которые летом 1942 года отправились в одном купе на запад, в Беркли – на пункт сбора команды. Теллер изложил все, что было у него на уме. Бете вспоминал: «Теллер сказал мне, что атомная бомба – штука хорошая и полезная, и сейчас вопрос по ней уже в общем решен. На самом же деле работа едва началась. Теллер любит спешить с выводами. Он сказал, что сейчас нам нужно думать о возможности поджечь реакцией деления дейтерий, то есть о водородной бомбе»<sup>8</sup>. Теллер так увлекся термоядерной бомбой, что его коллегам-ученым с трудом удалось заставить его переключить внимание на более насущную проблему: создание атомной бомбы. Таким образом, почти с самого начала проекта ведущие ученые понимали: в конечном счете исследования направлены на создание не только атомной бомбы, которая значительно умножит способности человека к разрушению, но и водородной, способной поставить под угрозу всю жизнь на планете.



*Одно из трех писем Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту, где ученый просит его разрешить организовать программу ядерных исследований в США. Позже он пожалел о своем поступке; так, он признался химику Лайнусу Полингу: «Я совершил одну серьезную ошибку в своей жизни – когда подписал письмо президенту Рузвельту, рекомендуя начать работы над атомной бомбой».*

Тем летом они испытали приступ такого всепоглощающего страха, что были вынуждены приостановить исследования. Во время обсуждений физики внезапно поняли, что атомный взрыв может воспламенить водород в океанах или азот в атмосфере, и тогда вспыхнет всепланетный пожар. Нуэль Фарр Дэвис в своем исследовании, посвященном Оппенгеймеру и другому физика, Эрнесту Лоуренсу, описывает парализующий страх, сковавший всех участников

<sup>44</sup> Теллер Эдвард – американский физик, руководитель работ по созданию водородной бомбы.

дискуссии: «Оппенгеймер, как громом пораженный, уставился на доску, на лицах других присутствующих, включая Теллера, отразилось то же самое... Теллер правильно рассчитал выработку атомной бомбой тепловой энергии; Оппенгеймер увидел, как бомба (не важно, покрытая дейтерием или нет) поджигает атмосферу всей планеты, и никто из участников дискуссии не мог доказать, что он ошибается»<sup>9</sup>. Оппенгеймер помчался на восток США – советоваться с Комптоном. В своих мемуарах «В поисках атома» Комптон объясняет, что они с Оппенгеймером договорились: «Если только не будет сделан однозначный и обоснованный вывод о том, что наши атомные бомбы не способны взорвать воздух или море, эти бомбы производить ни в коем случае нельзя». Комптон вспоминал: «Лучше попасть в рабство к нацистам, чем рисковать, что твои действия погубят все человечество!»<sup>10</sup> А тем временем в Беркли Бете провел кое-какие дополнительные вычисления и обнаружил: Теллер упустил из виду, что часть тепловой энергии поглотит радиация; в результате шансы на гибель планеты от одной бомбы упали до значения три к миллиону – на такой риск они готовы были пойти.



*Первая устойчивая цепная ядерная реакция 2 декабря 1942 года в металлургической лаборатории Чикагского университета – глазами художника. Лео Силард и Энрико Ферми обменялись рукопожатиями перед реакторами, пока ученые поднимали бумажные стаканчики с кьянти, поздравляя Ферми с успешным руководством проектом. Силард, однако, догадывался, что этот момент на самом деле обладает горьким привкусом, и предупредил Ферми: 2 декабря «станет черным днем в истории человечества».*

2 декабря 1942 года ученым металлургической лаборатории удалось добиться первой устойчивой цепной ядерной реакции. Учитывая полное отсутствие каких-либо мер предосторожности, им просто повезло, что при этом не взлетел на воздух весь Чикаго. Силард и эмигрант-итальянец Энрико Ферми обменялись рукопожатиями перед реакторами, пока ученые поднимали бумажные стаканчики с кьянти, поздравляя Ферми, который привел проект к успеху. Силард, однако, догадывался, что этот момент на деле имеет привкус горечи, и предупредил Ферми: 2 декабря «станет черным днем в истории человечества»<sup>11</sup>. Он оказался прав.

Хоть и медленно, но все же начав работу в этом направлении, США в конце 1942 года приступили к срочной исследовательской программе – проекту «Манхэттен», возглавить кото-

рый было поручено бригадному генералу Лесли Гровсу. Гровс доверил Оппенгеймеру организовать и возглавить основную лабораторию проекта в Лос-Аламосе – красивом районе штата Нью-Мексико, среди гор хребта Сангре-де-Кристо. Большинство наблюдателей считали, что отношения между Гровсом и Оппенгеймером будут браком, заключенным не на небесах, а в преисподней. Эти двое были полной, абсолютной противоположностью друг другу. Гровс был в два, а то и в три раза тяжелее, чем щуплый ученый, который, несмотря на рост в шесть футов, весил 128 фунтов в начале проекта и 115 – к концу<sup>45</sup>. Гровс был родом из бедной семьи, Оппенгеймер – из богатой. Они отличались религиозными взглядами, привычками в еде, сигаретах и выпивке, а особенно в политических пристрастиях. Гровс был закоренелым консерваторм, Оппенгеймер – непримиримым левым, а большинство его студентов, друзей и родственников и вовсе были коммунистами. Он признавался, что состоял по очереди во всех группах сочувствующих компартии на Западном побережье США. Одно время он даже отчислял коммунистам 10 % своей зарплаты – на поддержку испанских республиканцев.

---

<sup>45</sup> То есть при росте более 180 см он весил сначала 58 кг, а потом и вовсе 52 кг.



*Гровс и Oppенгеймер в эпицентре ядерного взрыва после испытания бомбы «Тринити». Два руководителя проекта «Манхэттен» были полной,*

*абсолютной противоположностью друг другу – по росту, религии, привычкам в еде, сигаретах и выпивке, а особенно в политических пристрастиях. И характеры у них были диаметрально противоположными. В то время как Оппенгеймера любили большинство его знакомых, Гровса все презирали. Но грубость Гровса, попытки запугать окружающих в духе приказа «пленных не брать» на самом деле дополняли способность Оппенгеймера вдохновлять коллег и убеждать их работать «по максимуму», благодаря чему проект все же был завершен.*

Характеры у них также были диаметрально противоположными. В то время как Оппенгеймеру большинство его знакомых симпатизировали, Гровса окружающие презирали. Помощник Гровса подполковник Кеннет Николс говаривал, что его начальник «самый большой сукин сын, на которого я когда-либо работал». Он называл Гровса «придирчивым», «критиканом», «несносным и саркастичным», «умным» и «самым большим эгоистом, какого я только знаю». Николс признавался, что «люто ненавидел его, как и все остальные»<sup>12</sup>. Но грубость Гровса, попытки запугать окружающих в духе приказа «пленных не брать» на самом деле дополняли способность Оппенгеймера вдохновлять своих коллег и убеждать их работать «по максимуму», благодаря чему проект все же был завершен.

Это вовсе не значит, будто ученые и военные не спорили по вопросам безопасности и другим поводам. Где только возможно, Оппенгеймер сдерживал вмешательство в работу ученых и ослаблял удушающую хватку военных. Иногда Оппи, как его называли друзья, настаивал на своем, прибегая к помощи юмора. Так, однажды Гровс потребовал, чтобы Оппенгеймер перестал носить свои фирменные шляпы с плоской тульей и загнутыми полями, поскольку они делают его слишком узнаваемым. Когда на следующий день Гровс вошел в кабинет Оппенгеймера, то увидел, что физик надел полный индейский головной убор из перьев. Ученый заявил, что будет носить это украшение до самого окончания войны, и Гровсу пришлось пойти на попятную.

Проект по созданию бомбы планомерно продвигался вперед, как и действия союзников на Тихом океане. К 1944 году США отвоевали большую часть оккупированных японцами территорий, в результате чего сама Япония оказалась в зоне досягаемости американских бомбардировщиков. В июле 1944 года Комитет начальников штабов во главе с генералом Джорджем Маршаллом, будущим госсекретарем и лауреатом Нобелевской премии мира, принял двухэтапную стратегию достижения победы в войне на Тихом океане: сначала задушить Японию блокадой с воздуха и моря, подвергнуть ее «интенсивной бомбардировке с воздуха»<sup>13</sup>; затем, когда вооруженные силы Японии ослабнут, а боевой дух солдат будет подорван, перейти к непосредственному вторжению.

В июне 1944 года, когда силы союзников стали продвигаться и на Европейском, и на Тихоокеанском театрах военных действий, Черчилль и Рузвельт наконец открыли давно ожидаемый второй фронт, приказав десантировать 100 тысяч солдат на берег Нормандии. Немецкие войска, отступающие под натиском советской армии, теперь вынуждены были вести войну на два фронта по-настоящему.

9 июля американские войска заняли остров Сайпан. Потери были огромны. В целом погибло или совершило самоубийство 30 тысяч японских солдат и 22 тысячи гражданских лиц. Американцы в результате длившихся почти месяц боев потеряли около 3 тысяч убитыми и более 10 тысяч ранеными – самые высокие на тот момент потери США на Тихом океане. Для большинства японских руководителей катастрофическое поражение стало окончательным доказательством того, что победы в войне им достичь не удастся. 18 июля премьер-министр Хидэки Тодзио и его кабинет ушли в отставку.

На следующий день, когда только стало известно об отставке Тодзио, в Чикаго открылся съезд Демократической партии США. Франклин Д. Рузвельт без труда добился своего выдвижения на беспрецедентный четвертый срок. Настоящая предвыборная гонка произошла только в борьбе за пост вице-президента. Генри Уоллес разгневал партийных консерваторов, когда призвал к мировой «народной революции», ради которой должны сотрудничать США и СССР<sup>14</sup>, и стал отстаивать права профсоюзов, женщин, негров и жертв европейского колониализма. Среди его врагов оказались банкиры Уолл-стрит и другие антипрофсоюзные деловые круги, южане-расисты и защитники британского и французского колониализма.

Уильям Стивенсон, резидент английской разведки в Нью-Йорке, даже приказал Роальду Далью – служившему тогда в Вашингтоне лейтенанту Королевских ВВС и будущему писателю – шпионить за Уоллесом. В 1944 году Даль раздобыл черновик еще неопубликованной брошюры Уоллеса «Что мы делаем на Тихом океане». Когда он прочитал ее, то, по его словам, «у меня волосы на голове встали дыбом». Уоллес призывал к «освобождению... жителей колоний» в Британской Индии, Малайе и Бирме, во Французском Индокитае, Голландской Ост-Индии и на многих маленьких тихоокеанских островах. Даль тайком вынес рукопись из дома друга Уоллеса и поспешил с ней в посольство – снять копию и ознакомить с книгой разведку и Черчилля. «Потом мне сказали, – вспоминал Даль, – что Черчилль не мог поверить тому, что читает». Уоллес записал в своем дневнике: «Вся наша секретная служба дрожала от негодования, как и Министерство иностранных дел». Руководители Англии потребовали от Рузвельта осудить своего вице-президента и расстаться с ним. Стивенсон заметил: «Я увидел в Уоллесе угрозу и принял меры к тому, чтобы Белый дом знал, с какой озабоченностью британское правительство смотрит на возможность появления фамилии Уоллеса в избирательных списках на выборах 1944 года». Даль, чьей основной задачей в Вашингтоне было наблюдение за действиями Уоллеса – они регулярно гуляли вместе и играли в теннис, – заметил, что его «друг» – «прекрасный человек, но слишком невинен и идеалистичен для этого мира»<sup>15</sup>.

Именно по той причине, что большая часть мира не соглашалась с оценкой Дали, Уоллес и представлял собой такую угрозу. В марте 1943 года Уоллес отправился в 40-дневную поездку доброй воли по семи странам Латинской Америки. Выступая на испанском языке, он взволновал своих слушателей. Сначала он поехал в Коста-Рику, где его приветствовали 65 тысяч человек, или 15 % всего населения. «Костариканцы устроили мистеру Уоллесу такой горячий прием, равного которому страна не знала за всю свою историю», – писала *New York Times*. Но это было только начало. В Чили его самолет встречали уже 300 тысяч человек. А когда он шел по улицам Сантьяго под руку с президентом Хуаном Антонио Риосом, в ликующей толпе насчитывалось уже больше миллиона человек. На стадионе собралось 100 тысяч человек, на 20 тысяч больше официальной вместимости, и все ради того, чтобы послушать выступление Уоллеса. Посол США в Чили Клод Бауэрс сообщил в Вашингтон: «Еще ни разу за всю чилийскую историю здесь не принимали иностранца с такой помпой и, очевидно, с искренней радостью... Простота его манер, его общение с людьми из всех слоев населения, незапланированные визиты в рабочие кварталы... знакомство с муниципальным жильем так поразили народные массы, что те чуть не сходят с ума от восторга».

В Эквадоре он выступил в Университете Гуаякиля с очень трогательной речью, посвященной послевоенному будущему страны. «Если освобождение людей, ради которого и ведется сегодня борьба, проливают кровь молодые люди, льют реки пота рабочие, окончится завтра империализмом и притеснениями, эта ужасная война окажется напрасной, – объявил он. – Если эта победа, оплаченная кровью и потом людей, снова приведет к концентрации богатства в руках горстки богачей – если богачи разжиреют, а остальные будут влачить жалкое существование, – то демократия потерпит крах, и все жертвы окажутся напрасными». В Лиме его приветствовали 200 тысяч человек. Поездка оказалась не только его личным триумфом, а и

чудом дипломатического искусства. Когда тур подошел к концу, 20 стран Латинской Америки разорвали дипломатические отношения с Германией, а больше десяти объявили ей войну<sup>16</sup>.

Уоллес пользовался такой же популярностью и на родине. Пока он отсутствовал, Институт Гэллапа провел опрос среди избирателей Демократической партии, как они относятся к каждому из четырех ведущих претендентов на выдвижение от партии, если Рузвельт откажется баллотироваться. 57 % голосов, полученных Уоллесом, вдвое превысили количество голосов, отданных за его ближайшего конкурента<sup>17</sup>.



*У Гарри Трумэна (здесь он изображен в возрасте 13 лет) было очень тяжелое детство, печально отразившееся на его душевном состоянии. Он отчаянно пытался добиться одобрения своего хамоватого отца. К тому же ему приходилось носить очки со стеклами толщиной с бутылку «Кока-колы», из-за чего он не мог играть в спортивные игры или хулиганить с другими мальчишками, которые дразнили и запугивали его. «Сказать по правде, я был просто девчонкой», – вспоминал Трумэн.*

Подобное свидетельство популярности Уоллеса у избирателей заставило его врагов поспешить со следующим шагом. Зная, что из-за слабого здоровья Рузвельт просто не переживет свой четвертый срок, партийные боссы решили вычеркнуть Уоллеса из списка претендентов и заменить кем-нибудь более лояльным к консервативным фракциям партии. В 1944 году они организовали то, что посвященным было известно как «заговор Поули», названный в честь казначея Демократической партии и нефтяного магната Эдвина Поули<sup>18</sup>. Поули когда-то язвительно заметил, что пошел в политику, как только понял: куда дешевле выбрать новый конгресс, чем купить старый. Среди заговорщиков были Эдвард Флинн из Бронкса, мэр Чикаго Эдвард Келли, мэр Джерси-Сити Фрэнк Хейг, министр почт и бывший председатель партии Фрэнк Уокер, секретарь партии Джордж Аллен и тогдашний председатель национального комитета Демократической партии Роберт Ханнеган.

Просмотрев список потенциальных кандидатов, партийные боссы решили заменить Уоллеса ничем не примечательным сенатором от штата Миссури Гарри Трумэном. На Трумэне остановились не потому, что он обладал какими-то необходимыми качествами, а потому, что он проявил себя достаточно безвредным сенатором, нажил мало врагов, и можно было положиться на то, что он не станет возмутителем спокойствия. Они мало думали (если вообще думали) о том, какие именно нужны качества, чтобы вести вперед США и весь мир в предстоящие тревожные времена, когда придется принимать решения, влияющие на весь ход истории. Таким образом, восхождение Трумэна на пост президента, как и значительная часть его карьеры в целом, стало результатом закулисных сделок продажных партийных боссов.

Хотя Гарри Трумэн ушел с поста с таким низким уровнем поддержки среди населения, что до сих пор его можно сравнить разве что с результатами Джорджа Буша, сейчас его сплошь и рядом считают чуть ли не великим президентом, и обычно о нем одобрительно отзываются как республиканцы, так и демократы. Бывший советник президента по вопросам национальной безопасности и госсекретарь Кондолиза Райс, которая, по словам Джорджа Буша, сообщила ему «все, что мне теперь известно об СССР», в опросе журнала *Time* назвала Трумэна человеком столетия<sup>19</sup>. Некоторые историки угодили в ту же ловушку, и больше всех Дэвид Маккаллоу, чья идеализированная биография Трумэна обеспечила автору Пулитцеровскую премию.

Но настоящий Гарри Трумэн куда интереснее выдуманного Маккаллоу. У Гарри Трумэна было очень тяжелое детство, печально отразившееся на его душевном состоянии. Он рос на семейной ферме в Миссури и отчаянно пытался завоевать расположение отца, Джона Трумэна по прозвищу Коротышка. Старший Трумэн, хоть его рост и не превышал 5 футов 4 дюймов<sup>46</sup>, любил драться с намного более высокими мужчинами, стремясь продемонстрировать свою «крутизну». Такую же «крутизну» он хотел видеть и в своих сыновьях. И младший брат Гарри, Вивиан, оправдал надежды отца. Но у Гарри обнаружили гиперметропию, или дальность зрения, и ему приходилось носить очки со стеклами толщиной с бутылку кока-колы, из-за чего он не мог играть в спортивные игры или хулиганить с другими мальчишками. «Я боялся, что мне выбьют глаза, если игра окажется слишком грубой или если я упаду, – признавался

---

<sup>46</sup> Приблизительно 162 см.

он. – Сказать по правде, я был просто “девчонкой”»<sup>20</sup>. Мальчишки запугивали его и дразнили «очкариком» и «девчонкой», оскорбляли всю дорогу из школы. Что еще хуже, когда он прибежал домой, дрожа и задыхаясь, мать «успокаивала» его, прося не волноваться, потому что он все равно должен был родиться девочкой. В письме 1912 года он рассказывает об одном случае: «Это так по-женски, не правда ли? Мама говорит, что я все равно должен был родиться девочкой. Меня бесит, когда мне так говорят, но, полагаю, отчасти это правда». Позже он вспоминал, что для мальчика считаться «девчонкой» было «тяжело. С ним никто не хочет дружить, у него появляется комплекс неполноценности, и ему приходится приложить немало усилий, чтобы от комплекса избавиться»<sup>21</sup>. Неудивительно, что проблемы половой принадлежности мучили его в течение многих лет. Он часто упоминал свои женственные черты и манеры. Позже он докажет, что не только не является «девчонкой», но и в силах выступить против Сталина и показать тому, кто в мире хозяин.

Финансовые трудности также не давали ему покоя. Хотя он был хорошим учеником и все-рез интересовался историей, финансовые трудности семьи лишили его возможности поступить в колледж. После окончания средней школы он немного пошатался без дела, после чего вернулся в качестве работника на ферму отца. Он еще участвовал в трех неудавшихся предприятиях и не знал настоящего успеха вплоть до Первой мировой войны, когда смело и честно служил во Франции.

В результате последнего делового предприятия – галантерейного магазина, прогоревшего в 1922 году, – 38-летний Трумэн остался с женой, которую нужно было содержать, и туманными перспективами. Именно тогда, когда Трумэн достиг нижней точки своего жизненного пути, партийный босс Том Пендергаст предложил ему баллотироваться на пост судьи в округе Джексон. Во время избирательной кампании Трумэн, всегда отличавшийся нетерпимостью и антисемитизмом, отправил чек на 10 долларов Ку-клукс-клану, но ему отказали в членстве, поскольку он не смог дать обещание не нанимать больше на работу католиков<sup>22</sup>.

Трумэн оставался лояльным членом печально известной политической группировки Пендергаста в течение 1920-х и в начале 1930-х годов, но его не оставляло чувство, что он ничего не может добиться в жизни. В 1933 году, накануне 49-го дня рождения, он задумчиво отметил: «Завтра мне исполнится 49 лет; но, если посчитать всю пользу, которую я принес за эти годы, о сорока из них вполне можно забыть»<sup>23</sup>. На следующий год, как раз в то самое время, когда Трумэн устал от политиканства и подумывал вернуться на ферму, босс Пендергаст наметил его кандидатом в сенаторы – четыре предыдущих кандидата отклонили предложение – и добился его избрания. Когда его спросили, почему он выбрал такого неподходящего человека, как Трумэн, Пендергаст ответил: «Я хотел продемонстрировать, что хорошо смазанная машина может отправить в сенат даже конторского служащего»<sup>24</sup>. Получая от своих новых коллег-сенаторов одни насмешки (его прозвали «сенатором от Пендергаста»), так и не сумев войти в их круг, Трумэн упорно трудился, стараясь заслужить в Вашингтоне репутацию, – эту высоту он наконец взял, когда был переизбран в сенат на второй срок.



*Не сумев заручиться поддержкой Рузвельта на выборах 1940 года, Трумэн с большим трудом прошел в сенат во второй раз, теперь уже – с помощью демократической «машины» Ханнегана—Дикмана из Сент-Луиса, пока его старый партийный босс Том Пендергаст томился в тюрьме. Теперь Трумэн оказался в долгу перед двумя коррумпированными городскими боссами.*

Еще немного, и он бы не прошел на второй срок. Не сумев заручиться поддержкой Рузвельта, Трумэн с большим трудом добился переизбрания в сенат в 1940 году, хотя его шансы висели на волоске. Все же ему удалось добиться успеха благодаря «машине» демократов Ханнегана и Дикмана из Сент-Луиса, пока его старый партийный босс Том Пендергаст томился в федеральной тюрьме. Теперь Трумэн оказался в долгу перед двумя коррумпированными городскими боссами. Рузвельт тем временем сделал свою политическую ставку на благородного Уоллеса как напарника в предвыборной кампании, утешаясь тем, что прогрессивные идеалы Уоллеса помогут провести страну по беспокойным водам политики.

Американский народ оказался куда более прозорлив, чем партийные боссы. Когда 20 июля 1944 года, во время национального съезда Демократической партии в Чикаго, Институт Гэллага спросил у избирателей, склонных голосовать за демократов, кого они хотели бы видеть в списках кандидатов на должность вице-президента, 65 % назвали Генри Уоллеса. Джимми Бирнс из Южной Каролины, который позже окажет такое сильное влияние на стиль мышления Трумэна времен холодной войны и на решение о применении атомной бомбы, получил 3 % голосов, а Уоллес превзошел его на юге с соотношением 6:1. Трумэн оказался на восьмом

месте из восьми кандидатов, получив поддержку 2 % участвовавших в опросе. Но Рузвельт – усталый, больной, чье переизбрание сильно зависело от партийных боссов, – не хотел или не мог отстоять Уоллеса, как отстоял его в 1940-м. Он просто объявил, что на месте делегатов проголосовал бы за Уоллеса.

Партийное руководство позаботилось о том, чтобы держать съезд мертвой хваткой. Тем не менее рядовые демократы не пожелали спустить им все с рук и организовали на съезде настоящее восстание. Волна поддержки Уоллеса среди делегатов и участников оказалась настолько высокой, что, несмотря на удушающую хватку боссов на горле съезда и тактику «сильной руки», сторонники Уоллеса чуть-чуть не одержали верх, и съезд разразился овацией в честь Уоллеса. Оvation еще не успела стихнуть, а сенатор от Флориды Клод Пеппер уже понял: если сейчас ему удастся вставить фамилию Уоллеса в список кандидатов, Уоллес пройдет с огромным перевесом. Пеппер стал прокладывать себе путь через толпу и оказался уже в полутора метрах от микрофона, когда едва сдерживающий истерику мэр Келли завопил, что сработал сигнал пожарной опасности, и заставил председательствующего, сенатора Сэмюэла Джексона, объявить перерыв в заседании. Если бы Пеппер продвинулся всего на полтора метра дальше, добрался до микрофона и выдвинул Уоллеса на пост президента прежде, чем партийные боссы организовали перерыв, несмотря на протесты делегатов, в 1945 году президентом стал бы Уоллес, и история мира изменилась бы кардинальным образом. Вообще если бы это случилось, то, возможно, никаких атомных бомбардировок, никакой гонки ядерных вооружений и никакой холодной войны не было бы вовсе. Уоллес сильно вырвался вперед уже в первом туре выборов. Но партийные боссы еще сильнее ограничили допуск на съезд и активизировали закулисные переговоры. Наконец в третьем туре голосования Трумэн победил. Тут же стали раздавать должности послов, места в Министерстве почт и другие. Выплатили вознаграждения наличными. Боссы обзвонили всех председателей партийных комитетов штатов, сообщили им, что дело в шляпе и что Рузвельт хочет предложить на пост вице-президента сенатора от Миссури. Рузвельту удалось убедить Уоллеса войти в кабинет в качестве министра торговли.

На следующий день Джексон принес Пепперу свои извинения. «Я понимал: если вы внесете предложение, – объяснил он, – то съезд выберет Генри Уоллеса. А я получил строгие инструкции от Ханнегана: не допустить, чтобы съезд назначил вице-президента вчера вечером. Потому мне и пришлось переносить заседание прямо у вас перед носом. Я надеюсь, вы меня понимаете». В автобиографии Пеппер написал: «Что я понял, так это то, что к лучшему или худшему, но история в тот чикагский вечер перевернулась с ног на голову»<sup>25</sup>.

Тем временем работа над атомной бомбой шла полным ходом. Ученые, все еще опасаясь, что отстанут от немцев, лихорадочно трудились над двумя типами атомных бомб: урановой и плутониевой. Только в конце 1944 года союзники выяснили, что Германия отказалась от ядерных исследований еще в 1942-м. И хотя первоначальное объяснение необходимости создания бомбы – как сдерживающего средства по отношению к немецкой бомбе – перестало быть актуальным, только один ученый – приехавший в США из Польши Джозеф Ротблат – сразу ушел из проекта «Манхэттен». Остальные, зачарованные самим процессом исследований и веря, что могут приблизить конец войны, принялись работать еще усерднее, чтобы закончить начатое.

Если устранение Уоллеса из предвыборного списка представляло собой первый серьезный удар по надеждам на мирную послевоенную жизнь, то вскоре последовал и второй удар, сокрушительный. 12 апреля 1945 года, когда капитуляция Германии уже была неизбежна, любимый всеми американцами военный лидер – президент Франклин Делано Рузвельт – скончался, проведя на своем посту более 12 лет. Он был единственным президентом за всю историю США, занимавшим этот пост так долго; именно он руководил страной в ее самые трудные времена – во время Великой депрессии и Второй мировой войны. Вся страна облачилась в траур и задалась вопросом о преемнике Рузвельта.

В течение следующих четырех месяцев события разворачивались в головокружительном темпе, вынудив нового президента принять несколько самых важных решений за всю историю США. После чрезвычайного заседания кабинета министров 12 апреля военный министр Генри Стимсон наконец посвятил Трумэна в тайну разработки атомной бомбы. Более полную информацию Трумэн получил на следующий день от Бирнса, своего старого наставника в сенате, которого министр ВМС Джеймс Форрестол привез из Южной Каролины на личном самолете. Бывший судья Верховного суда Бирнс ожидал, что в 1944 году его выдвинут на пост вице-президента, но партийное руководство решило, что его расистские взгляды – слишком серьезный недостаток. На той встрече Бирнс сказал Трумэну, что США разрабатывают взрывчатое вещество, «достаточно мощное, чтобы уничтожить весь мир»<sup>26</sup>.

Подробнее об атомной бомбе Трумэну доложили 25 апреля Стимсон и Гровс. Они объяснили, что планируют в течение четырех месяцев «завершить разработку самого смертоносного оружия в истории человечества: одна бомба сможет уничтожить целый город». Скоро и другие страны разработают собственные бомбы. «Мир в его нынешнем моральном состоянии и с такой техникой рано или поздно окажется во власти этого оружия. Иными словами, существует вероятность полного уничтожения современной цивилизации»<sup>27</sup>. Они предупредили, что судьба человечества будет зависеть от того, каким именно образом станут применяться такие бомбы и станут ли они применяться вообще, а также от того, что впоследствии будет предпринято, чтобы контролировать подобное оружие. В своих заметках о совещании, которые были изданы дочерью Трумэна уже после смерти отца, президент писал: «Стимсон мрачно признался, что не знает, можем ли мы и имеем ли право применять бомбу, поскольку боялся, что ее мощности хватит на уничтожение всего мира. Я испытывал такой же страх»<sup>28</sup>.



*Только один ученый – приехавший в США из Польши Джозеф Ротблат – сразу ушел из проекта «Манхэттен», как только в конце 1944 года стало известно, что Германия прекратила исследования в области создания атомной бомбы еще в 1942-м. И хотя первоначальное объяснение необходимости создания бомбы – как сдерживающего средства по отношению к немецкой бомбе – перестало быть актуальным, другие ученые, зачарованные самим процессом исследований и веря, что они могут*

*приблизить конец войны, принялись работать еще усерднее, чтобы закончить начатое.*

Зажатая между наступающими советскими войсками, вошедшими в Берлин с востока, и силами союзников, движущимися с запада, Германия 7 мая капитулировала<sup>47</sup>. Это означало, что СССР, как было договорено на Ялтинской конференции, вступит в войну на Тихом океане приблизительно 7 августа, почти за три месяца до установленной даты начала вторжения в Японию – 1 ноября.

Японские солдаты сражались отчаянно и храбро. В плен почти никто не сдавался. Они верили, что смерть на поле боя принесет самую высокую честь: вечный покой в святилище Ясукуни. В битве за атолл Тарава из 2500 оборонявшихся японцев живыми были взяты только восемь человек. Всего лишь за пять недель битвы за Иводзиму погиб 6281 американский моряк и морской пехотинец, почти 19 тысяч были ранены. В битве за Окинаву, самом крупном сражении на Тихом океане, 13 тысяч американцев были убиты или пропали без вести, еще 36 тысяч – ранены. С японской стороны жертвы составили 70 тысяч солдат и более 100 тысяч мирных жителей, многие из которых покончили с собой<sup>29</sup>. Американцы были потрясены, когда летчики-камикадзе, волна за волной, направляли свои самолеты на американские корабли в последней отчаянной попытке потопить или хотя бы повредить их.

В 1945 году положение Японии ухудшилось еще больше, и некоторые руководители страны начали громко призывать народ к «100 миллионам смертей с честью», предпочитая капитуляции гибель всего народа. Но высшие руководители США, включая Маршалла и Стимсона, отмахнулись от этих напыщенных призывов, поскольку не сомневались: если Японию победить, она сдастся. В «Программе для Японии», которую Стимсон представил Трумэну в начале июля, утверждалось, что, несмотря на способность Японии к «фанатичному сопротивлению силам вторжения», с его точки зрения, «в условиях подобного кризиса Япония будет склонна в гораздо большей степени прислушаться к голосу разума, чем утверждает в нашей нынешней прессе и других комментариях. Далеко не все японцы безумные фанатики, чей менталитет в корне отличается от нашего»<sup>30</sup>.

Споры насчет того, какой кровью обошлось бы вторжение, не утихают вот уже много десятилетий. Специалисты отдела планирования КНШ подготовили доклад для запланированного на 18 июня совещания членов КНШ с президентом, где высказали предположение, что в случае вторжения в Японию США потеряют 193 500 убитыми и ранеными. Некоторые оценки возможных жертв были выше, другие ниже. Трумэн сначала говорил, что погибли бы тысячи, но постепенно повышал число жертв. Позднее он утверждал, что, по словам Маршалла, во время вторжения погибло бы полмиллиона человек. Однако оснований для таких утверждений так и не нашли. По собственным оценкам Маршалла, число вероятных жертв было намного ниже, как и по оценкам генерала Макартура, отвечавшего за планирование вторжения.

Но война тянулась один кровавый месяц за другим, и перспективы вторжения становились туманными. К концу 1944 года японский флот был почти уничтожен: он потерял семь из 12 линкоров, 19 из 25 авианосцев, 103 подлодки из 160, 31 из 47 крейсеров и 118 из 158 эсминцев. Авиация также понесла большие потери. Поскольку от системы железных дорог практически ничего не осталось, продовольственные пайки сократились, а боевой дух народа резко упал, так что некоторые японские политики опасались народного восстания. Принц Фумимаро Коноэ, трижды занимавший в 1937–1941 годах пост премьер-министра, направил императору

---

<sup>47</sup> 7 мая 1945 года в Реймсе Германия капитулировала перед западными союзниками. По настоянию СССР поздним вечером 8 мая в Потсдаме состоялось официальное подписание Акта о полной и безоговорочной капитуляции Германии перед всеми четырьмя основными державами антигитлеровской коалиции. К моменту подписания наступило 9 мая по московскому времени. СССР объявил войну Японии 9 августа 1945 года.

Хирохито в феврале 1945-го докладную записку: «Вынужден с глубоким сожалением сказать, что поражение Японии неизбежно». Он предупредил: «Чего нам нужно опасаться на самом деле – это коммунистической революции, которая может вспыхнуть после поражения»<sup>31</sup>. По крайней мере с августа предыдущего года, после американской победы на Сайпане, Япония тайно стала рассматривать возможности закончить войну. Отчаяние Японии росло день ото дня, и это стало очевидным газетному магнату Генри Люсу, который весной 1945 года побывал на Тихом океане, чтобы своими глазами увидеть сложившуюся там ситуацию. Он писал: «За несколько месяцев до Хиросимы я был на корабле флота адмирала Халси, когда тот нанес удар по японскому побережью. Мне – как и многим старшим офицерам, с которыми я беседовал, – показались очевидными две вещи: во-первых, Япония разбита; во-вторых, японцы понимают это и с каждым днем все больше готовы к сдаче»<sup>32</sup>. Даже Ричард Фрэнк, чья книга «Крушение» содержит самое солидное обоснование атомных бомбардировок, заметил: «Логично предположить, что и без атомных бомбардировок разрушение системы железнодорожных перевозок вкупе с общим влиянием стратегии “блокады и обстрелов” создало бы серьезную угрозу беспорядков в стране, а следовательно, непременно вынудило бы императора искать возможность окончания войны»<sup>33</sup>.

Но почему, если Япония не была нацией фанатиков-самоубийц, а ее шансы на победу в войне исчезли, ее вожди не капитулировали и не облегчили страдания солдат и мирных жителей? Ответ на этот вопрос лежит во многом в тех условиях капитуляции, на которых настаивали США, хотя и вину с императора и его советников полностью снимать не следует.

В январе 1943 года в Касабланке президент Рузвельт призвал к «безоговорочной капитуляции» Германии, Италии и Японии<sup>34</sup>. Позднее он стал утверждать, что это заявление было спонтанным и застало врасплох даже Черчилля. В письме своему биографу Роберту Шервуду Черчилль поддержал эту версию: «Я впервые услышал слова “безоговорочная капитуляция” от Президента на [пресс-]конференции»<sup>35</sup>. Хотя слово «безоговорочная» не вошло в официальное коммюнике о пресс-конференции, очевидно, что Рузвельт и Черчилль его заранее обсудили и согласовали. Последствия выдвижения такого требования окажутся колоссальными.

Японцы решили, что «безоговорочная капитуляция» означает уничтожение «кокутай» (монархии во главе с императором) и вероятность того, что императора будут судить как военного преступника, а затем казнят. Для большинства японцев о таком исходе невозможно было даже помыслить. Они поклонялись императору почти как богу со времен императора Дзимму, легендарного основателя японского государства в 660 году до н. э. В исследовании, проведенном командованием американских войск в юго-западной части Тихого океана (командующий – генерал Макартур), утверждалось: «Смещение или казнь императора вызовет бурную реакцию всех японцев. Казнь императора для них сравнима с распятием Христа для нас. Все будут сражаться до последнего»<sup>36</sup>. Осознав это, многие стали убеждать Трумэна смягчить условия сдачи. Исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю, ранее занимавший должность посла США в Японии, знал японцев лучше любого высокопоставленного члена правительства и в апреле 1945-го написал следующее: «Капитуляция Японии очень маловероятна даже в случае военного поражения, если президент не заявит публично, что безоговорочная капитуляция не означает устранения существующей династии, если сами японцы пожелают сохранить ее»<sup>37</sup>. Грю вместе со Стимсоном, Форрестолом и помощником военного министра Джоном Макклоем попытался убедить Трумэна изменить условия капитуляции. Американские военачальники также прекрасно понимали мудрость предоставления японцам гарантий в отношении императора. Адмирал Лихи на июньском заседании Комитета начальников штабов признался, что опасается, как бы «наша настойчивость в отношении безоговорочной капитуляции не привела японцев в отчаяние, в результате чего наши потери возрастут»<sup>38</sup>.

Американские политики поняли, насколько важен для японцев вопрос условий капитуляции, поскольку США взломали коды японцев еще до своего вступления в войну и теперь перехватывали радиосообщения противника, в которых нередко шла речь о возможной капитуляции. В мае в Токио собрался Высший военный совет Японии. В этот совет, также известный как «Большая шестерка», входили: премьер-министр Кантаро Судзуки, министр иностранных дел Сигэнори Того, министр сухопутных войск Корэтика Анами, его начальник штаба Есидзиро Умэдзу, министр ВМС Мицумаса Енаи и начальник штаба ВМС Соэму Тоеда. Они решили просить СССР о посредничестве с целью изменения условий капитуляции перед США, а взамен предложить СССР территориальные уступки. Уже в результате первых обращений Японии советские руководители поняли, что японцы ищут возможности закончить войну. Эти новости не обрадовали руководителей СССР, которые хотели получить согласованные с союзниками территории в обмен на участие советских войск в войне с Японией, а до этого еще оставалось месяца два. 18 июня император сообщил Высшему военному совету, что одобряет быстрое восстановление мира. Совет согласился на это, как и на то, чтобы выяснить готовность СССР выступить в качестве посредника в процессе капитуляции на условиях сохранения жизни императору и неприкосновенности монархии.

В июле благодаря обмену телеграммами между министром иностранных дел Того в Токио и послом Наотакэ Сато в Москве никаких недомолвок не осталось. 12 июля Того телеграфировал Сато: «Таково веление сердца Его Величества – увидеть быстрое завершение войны... [Однако] пока Америка и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, у нашей страны нет иного выбора, кроме как вести войну до конца, в едином порыве, ради выживания и чести родины»<sup>39</sup>. На следующий день Того телеграфировал: «Его Величество, памятуя, что нынешняя война ежедневно приносит все больше зла и требует все больших жертв от народов всех воюющих держав, всей душой желает, чтобы она как можно быстрее закончилась»<sup>40</sup>.

Несмотря на растущие доказательства того, что изменение условий капитуляции может приблизить окончание войны, Трумэн по-прежнему прислушивался к Бирнсу, который настаивал на том, что американская общественность не потерпит компромиссов в условиях капитуляции, и предупредил президента, что тот кончится как политик, если только попробует сделать по-своему<sup>41</sup>.

Сбрасывать две атомные бомбы на уже побежденный народ лишь ради того, чтобы избежать политических осложнений в своей стране, совершенно безнравственно в любом случае, однако представляется маловероятным, что сохранение императорского трона действительно грозило Трумэну серьезными осложнениями. В действительности лидеры Республиканской партии дали Трумэну все карты в руки. 2 июля 1945 года лидер меньшинства в сенате Уоллес Уайт, республиканец от штата Мэн, обратился к своим коллегам, требуя, чтобы президент разъяснил, что подразумевается под «безоговорочной капитуляцией». Тем самым республиканцы рассчитывали ускорить капитуляцию Японии. Если Япония проигнорирует или отклонит предложение президента капитулировать на более благоприятных условиях, рассуждал Уайт, «это не увеличит наши потери и не нанесет никакого иного ущерба нашему делу. Официальное заявление позволит нам многое выиграть без риска потерять хоть что-то». Сенатор Гомер Кейпхарт от штата Индиана, тоже республиканец, вечером того же дня провел пресс-конференцию в поддержку запроса Уайта. Кейпхарт сообщил прессе, что Белый дом получил от Японии согласие сдать при одном-единственном условии: император Хирохито не должен быть лишен трона. «Дело не в том, ненавидите вы япошек или нет. Я-то их точно ненавижу. Но что мы выиграем, если продолжим войну, когда ее можно закончить сейчас, и на тех же условиях, что и через два года?»<sup>42</sup> В июне газета *Washington Post* в одной из передовиц осудила «безоговорочную капитуляцию» как «роковое выражение», которое породило у японцев страхи, ставшие серьезным препятствием для окончания военных действий<sup>43</sup>.

Изменение условий капитуляции было не единственным способом ускорить ее, не прибегая к атомной бомбардировке. Чего японцы боялись больше всего остального, так это вступления в войну Советского Союза. В начале апреля 1945 года СССР известил Японию, что не намерен продлевать Договор о нейтралитете 1941 года, вселив тем в японцев страх, что Советы объявят войну. Все стороны понимали, что это значит. Еще 11 апреля Объединенное управление разведки при КНШ<sup>48</sup> предсказало: «Если в какой-то момент СССР вступит в войну, все японцы поймут, что абсолютное поражение неизбежно»<sup>44</sup>. В мае к аналогичному выводу пришел и Высший военный совет Японии: «В настоящий момент, когда Япония ведет против США и Великобритании войну не на жизнь, а на смерть, вступление в войну СССР нанесет Империи смертельный удар»<sup>45</sup>. 6 июля Объединенный англо-американский комитет по разведке представил Объединенному комитету начальников штабов западных союзников, который должен был провести заседание накануне Потсдамской конференции, совершенно секретный доклад «Оценка положения противника». Раздел «Возможность капитуляции» описывал впечатление, которое произведет на японцев вступление в войну советской армии:

«Японские правящие круги сознают свою отчаянную военную ситуацию и все более жаждут компромиссного мирного решения, но по-прежнему находят безоговорочную капитуляцию недопустимой. Основная политика нынешнего правительства – сражаться как можно дольше и как можно отчаяннее в надежде на уход от полного поражения и приобретение как можно лучшей позиции на переговорах о мире... Мы полагаем, что значительная часть населения Японии считает абсолютное военное поражение вполне вероятным. Растущее воздействие морской блокады и разрушений, вызванных стратегическими бомбардировками и оставивших миллионы японцев без крыши над головой – разрушено от 25 до 50 % застроенных районов в главных городах Японии, – должно сделать осознание данного факта поистине всеобщим. Вступление в войну СССР окончательно убедило бы японцев в неизбежности полного поражения. Хотя отдельные японцы охотно жертвуют собой на благо страны, мы сомневаемся, что весь народ предрасположен к национальному самоубийству... Японцы, однако, считают, что безоговорочная капитуляция равнозначна исчезновению их как нации»<sup>46</sup>.

Японская стратегия «кецуго» [«последней надежды»] предусматривала подготовку к вторжению союзников: японцы надеялись нанести противнику такие серьезные потери, что измученные войной союзники предложат более великодушные условия капитуляции. Японские вожди догадались, что именно остров Кюсю рассматривается как место высадки десанта, и призвали в армию всех, кого только можно. Мирные жители, вооруженные заостренными бамбуковыми кольями, получили приказ сражаться до самой смерти рядом с солдатами.

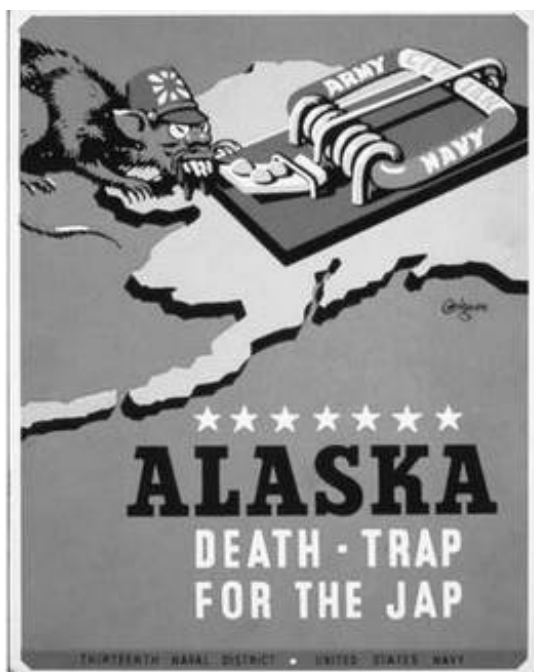
Разумеется, американские руководители понимали, что вопрос о сохранении императорского трона – главное препятствие для капитуляции японцев и что внушающее страх вступление СССР в войну приближается. Для чего же в таких обстоятельствах США применили две атомные бомбы против почти беззащитного населения? Чтобы понять смысл этого поступка, нужно понять моральный климат, в котором принималось то решение.

Американцы испытывали глубокую ненависть к японцам. Лауреат Пулитцеровской премии историк Аллан Невинс писал после войны: «Возможно, за всю нашу историю ни к одному

---

<sup>48</sup> Объединенное управление разведки при КНШ – предтеча разведуправления Министерства обороны (РУМО). РУМО будет создано президентом Дж. Кеннеди как противовес всесилию ЦРУ.

противнику мы не испытывали такой ненависти, как к японцам»<sup>47</sup>. Достаточно упомянуть, что американская военная пропаганда старательно проводила границу между злобными нацистскими вождями и «хорошими немцами», но в отношении японцев таких различий никто не делал. Как сообщал в январе 1945 года журнал *Newsweek*: «Еще никогда наша страна не участвовала в войне, в которой наши войска так ненавидели врага и так хотели его убить»<sup>48</sup>.



Американцы испытывали глубокую ненависть к японцам. Как сообщал в январе 1945 года журнал *Newsweek*: «Еще никогда наша страна не участвовала в войне, в которой наши войска так ненавидели врага и так

*хотели его убить». Достаточно упомянуть, что американская военная пропаганда старательно проводила границу между злобными нацистскими вождями и «хорошими немцами», но в отношении японцев таких различий никто не делал. Их изображали паразитами, тараканами, гремучими змеями и крысами. Повсюду присутствовали изображения японцев в виде обезьян.*

Историк Джон Дауэр показал, что американцы воспринимали японцев как паразитов, тараканов, гремучих змей или крыс. Повсюду присутствовали изображения японцев в виде обезьян. Адмирал Уильям Халси по прозвищу Бык, командующий войсками США в южной части Тихого океана, печально прославился тем, что побуждал своих людей убивать «желтых обезьян» и «достать еще обезьяньего мяса». Многие сомневались, что японцы вообще принадлежат к роду человеческому. Журнал *Time* писал: «Обычный нерассуждающий японец невежествен. Возможно, он человек. Но... ничто на это не указывает». Посольство Великобритании в Вашингтоне сообщало в Лондон, что американцы считают японцев «отвратительной массой паразитов», а посол указал на «распространенное среди американцев отношение к японцам, как к чему-то, что следует истреблять». Когда популярного военного корреспондента Эрни Пайла в феврале 1945 года перевели из Европы на Тихий океан, он заметил: «В Европе мы чувствовали, что наши враги, пусть и отвратительные, и смертельно опасные, все равно остаются людьми. Но здесь я скоро понял, что японцев воспринимают как нечто уродливое и не наделенное разумом; такие чувства кое-кто испытывает к тараканам или мышам»<sup>49</sup>.

В определенной степени возникновение такого чувства вызвано расизмом. Но подобная ненависть к японцам выросла и под воздействием иных могучих факторов. Еще до того как США вступили в войну, американцы слышали о японских бомбардировках, изнасилованиях и других зверствах по отношению к китайцам, особенно в Нанкине. Злоба американцев на Японию перешла все границы после «коварного нападения» на Перл-Харбор. Затем, в начале 1944 года, правительство опубликовало информацию о садистском обращении с американскими и филиппинскими пленными во время Батаанского марша смерти двумя годами ранее. Скоро СМИ наводнили рассказы о бесчеловечной жестокости японцев: своих жертв они пытали, распинали их, кастрировали, разрубали на куски, сжигали или заживо закапывали в землю, проводили ампутации без наркоза, прибивали пленных гвоздями к деревьям и использовали как манекены для обучения своих солдат штыковому бою. В результате гнев, который и раньше возбуждали у американцев японцы, перерос в бешеную ненависть – как раз тогда, когда бои на Тихом океане разгорались все жарче<sup>50</sup>.

Но нетерпимость президента Трумэна по отношению к азиатам родилась куда раньше, чем появились сообщения о зверствах японцев. Еще в юности, ухаживая за своей будущей женой, он писал: «Я считаю, что ни один человек не лучше другого, если он честен и порядочен, не черномазый и не китаец. Дядя Уилл говорит, что Бог сделал белого человека из праха, черномазого из грязи, потом подбросил то, что осталось, и из этого получился китаец. Он просто ненавидит китайцев и япошек. И я тоже их ненавижу. Думаю, это и есть расовое предубеждение»<sup>51</sup>. Трумэн регулярно именовал евреев «жидами», мексиканцев – «чумазыми», да и представителей остальных национальностей тоже называл исключительно уничижительными прозвищами. Его биограф Мерл Миллер заметил: «В приватной беседе мистер Трумэн всегда говорил “черномазый”; по крайней мере, он всегда говорил так в беседах со мной»<sup>52</sup>.

Каким бы расистом ни был Трумэн, вопиющее поведение японцев во время войны заслуживает порицания. Однако не стоит забывать и то, что американцы тоже нередко поступали бесчеловечно. Эдгар Джонс, американский военный корреспондент на Тихом океане, подробно описал зверства американцев в журнале *The Atlantic Monthly* за февраль 1946 года: «Кстати, как вели войну мы, если штатские об этом не знают? Мы хладнокровно расстреливали пленных,

стирали с лица земли госпитали, поливали огнем спасательные шлюпки, убивали немецких и японских мирных жителей или издевались над ними, добивали раненых врагов, сбрасывали умирающих в одну яму с умершими, а на Тихом океане варили головы врагов, пока с них кусками не слезало мясо, чтобы сделать безделушки для возлюбленных, или вырезали из их костей рукоятки для ножей»<sup>53</sup>.

Когда вспыхнула война, расизм показал свое уродливое лицо и в обращении с жителями японского происхождения в самих США. Японо-американцы десятилетиями сталкивались с дискриминацией на выборах, при поиске работы, при попытке получить образование. Закон об иммиграции 1924 года отказал японцам, поселившимся в США после 1907 года, в праве на натурализацию и запретил дальнейшую иммиграцию из Японии. Еще до нападения на Перл-Харбор некоторым обитателям Западного побережья стали чудиться невероятные сценарии диверсионной деятельности японо-американцев в случае войны. Один журналист писал: «Когда настанет Тихоокеанский час “Ч”, американцы японского происхождения тут же начнут действовать. Их рыбацкие лодки заминируют все входы в наши порты. Таинственные взрывы уничтожат верфи, аэродромы и часть нашего флота... Фермеры-японцы, обладая настоящей монополией на овощеводство в Калифорнии, выбросят на рынки горох, картофель и кабачки, напичканные мышьяком». После Перл-Харбора по стране поползли ужасные слухи. Одна калифорнийская парикмахерская предложила «бесплатное бритье для японцев», с уточнением: «За несчастные случаи ответственности не несем». Владелец похоронного бюро объявил: «Лучше я буду работать с япошками, чем с американцами»<sup>54</sup>.

Движение за чистку западных штатов от «японских американцев» возглавил генеральный прокурор штата Калифорния Эрл Уоррен<sup>49</sup>. Он предупредил, что японцы на юге Калифорнии могут стать «ахиллесовой пятой всех действий по организации гражданской обороны»<sup>55</sup>. Уоррена решительно поддержал генерал-лейтенант Джон Л. Девитт, командующий Четвертой армией и Западной зоной обороны, который в 1921 году служил в отделе планирования Военного министерства и выступал за то, чтобы в случае войны интернировать всех «враждебных иностранцев» на Гавайях. 9 декабря Девитт объявил, что предыдущей ночью над Сан-Франциско пролетели японские военные самолеты и город оказался под угрозой бомбардировки. Девитт сообщил на заседании совета гражданской обороны: «Смерть и разрушение могут прийти в этот город в любой момент». Контр-адмирал Джон Гринслейд объявил присутствующим, что «от ужасной катастрофы» их спасла только «милость Божия». Девитт признался: «Почему бомбы так и не были сброшены, я не знаю». Одной из причин могло быть то, что японцы вовсе не летали над городом; это также прекрасно объясняет и то, почему американские ПВО не сбили ни одного вражеского самолета, а поиски японских авианосцев, осуществляемые силами армии и флота, не принесли никаких результатов. Но Девитт разгневался на жителей Сан-Франциско, несерьезно отнесшихся к приказу о светомаскировке, заклеил их как «глупцов, идиотов и пустоголовых» и пригрозил: «Если я не могу вбить эти факты вам в головы с помощью слов, мне придется натравить на вас полицию, чтобы вам это вдолбили дубинками»<sup>56</sup>.

Недоверие Девитта к жителям Сан-Франциско было относительно слабым, а вот недоверие к японцам – просто патологическим. Изначально Девитт называл разговоры о крупномасштабных депортациях «дурацкими». Но давление населения росло и особенно усилилось после публикации в конце января правительственного доклада о бомбардировке Перл-Харбора, подготовленного членом Верховного суда Оуэном Робертсом. В докладе выдвигалось предположение, что нападению способствовал шпионаж. И хотя большую часть информации поставляли консульские агенты Японии, гавайцы японского происхождения также внесли свою лепту.

<sup>49</sup> Уоррен Эрл – будущий председатель Верховного суда США.

Сообщение укрепило сомнения общественности в лояльности японо-американцев. Поднявшаяся в результате волна протестов, очевидно, превратила Девитта в страстного защитника депортации. Девитт утверждал: тот факт, что японцы – независимо от того, являлись ли они гражданами США, – ранее не организовывали диверсий, еще не доказывает, что они не готовят диверсии в будущем. Другие, включая Стимсона и Макклоя, вторили его рассуждениям и давили на Рузвельта, требуя принять меры, пока не стало слишком поздно<sup>57</sup>.



*Несмотря на полное отсутствие каких-либо доказательств шпионско-диверсионной деятельности японоамериканцев, 19 февраля 1942 года Рузвельт подписал Чрезвычайный указ № 9066, положивший начало депортациям и арестам японцев и японоамериканцев в Калифорнии,*

*Орегоне и Вашингтоне, две трети из которых были гражданами США по праву рождения. Хотя в указе не было явных упоминаний о расе или национальности, не возникало сомнений, против какой именно части населения он направлен.*

Среди отступников доктрины «япошкам верить нельзя» был человек, от которого это меньше всего можно было ожидать, – директор ФБР Эдгар Гувер. Гувер заявил министру юстиции Френсису Биддлу, что в массовых депортациях нет необходимости. Все подозрительные личности взяты в разработку. Биддл информировал Рузвельта, что «причин для депортаций нет»<sup>58</sup>.

Рузвельт не прислушался к их мнению. Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств шпионско-диверсионной деятельности японо-американцев, 19 февраля 1942 года Рузвельт подписал Чрезвычайный указ № 9066, положивший начало депортациям и арестам японцев и японо-американцев, проживающих в Калифорнии, Орегоне и Вашингтоне, две трети из которых были гражданами США по праву рождения. Хотя в указе не было явных упоминаний о расе или национальности, не возникало сомнений, против какой именно части населения он направлен.

Американские власти отказались от планов поголовной депортации многочисленных японцев, проживающих на Гавайях, когда богатые белые плантаторы, выращивавшие сахарный тростник и ананасы, пожаловались, что потеряют рабочие руки. Тем не менее правительство все же ввело там военное положение, а также приостановило действие положений о неприкосновенности личности и подвергло арестам приблизительно две тысячи «кибээв» — людей японского происхождения, ранее посещавших Японию в целях получения образования и восприятия элементов японской культуры.

Совсем другой была ситуация в материковой части США, особенно в Калифорнии, где японцы составляли чуть больше 2 % населения. Чрезвычайный указ № 9066 вынудил приблизительно 120 тысяч человек оставить свои дома и обосноваться за пределами зон обороны. Но соседние штаты закрыли для них свои границы. Губернатор штата Айдахо Чейз Кларк презрительно бросил: «Япошки живут, как крысы, плодятся, как крысы, и поступают, как крысы. Нам они не нужны». Губернатор Вайоминга предупредил: если японцев переселят в его штат, «то на каждой сосне будет болтаться по япошке». Генеральный прокурор штата Айдахо рекомендовал «всех японцев... посадить в концлагеря». «Мы хотим, чтобы наша страна оставалась страной белого человека», – добавил он<sup>59</sup>.

К 25 февраля 1942 года ФБР заключило всех взрослых мужчин японского происхождения в тюрьму на острове Терминал-Айленд (штат Калифорния). Остальным жителям японского происхождения ВМС США приказали выметаться в 48 часов. С марта по октябрь 1942 года Управление гражданского контроля в военное время открыло временные лагеря, названные лагерями для интернированных лиц, и содержало там японцев – их регистрировали и присваивали им лагерные номера. В лагерях Санта-Анита и Танфоран (штат Калифорния) семьи разместили в конюшнях, причем по пять-шесть человек вместе. Позже их перевели в постоянные эвакуационные центры, в то время носившие названия «концлагерей». Условия в лагерях были плачевными: там зачастую не было водопровода, нормальных туалетов, школьных классов, изолированных помещений и крыш, которые не протекают. Однако все лагеря были снабжены прочным забором с колючей проволокой и вышками с пулеметами. Потрясенный отношением к заключенным, Милтон Эйзенхауэр ушел в отставку с должности директора Управления по переселению в военное время (УПВВ)<sup>60</sup>.

Некоторыми жителями Западного побережья, поддержавшими депортацию, двигала жадность. Поскольку выселяемым разрешили взять с собой только то, что они могли унести, их

прежние соседи с радостью покупали брошенную собственность за гроши, а то и просто присваивали оставшееся бесхозным имущество, включая урожай. Глава Ассоциации производителей и поставщиков овощной продукции Центральной Калифорнии признался: «Нас обвиняют в желании избавиться от япошек по эгоистическим причинам. Почему бы не сказать честно? Так оно и есть. Вопрос стоит так: будет ли на Тихоокеанском побережье жить белый человек или желтый?» Японцы потеряли личного имущества приблизительно на 400 миллионов долларов – по современным ценам это составляет почти 5,5 миллиарда долларов<sup>61</sup>.

Начиная с марта 1942 года УПВВ перевело заключенных в 10 наспех построенных лагерей для интернированных в Аризоне, Арканзасе, Калифорнии, Колорадо, Айдахо, Юте и Вайоминге. Лагерь у рек Постон и Хила в Аризоне вскоре стали новым домом для 17 814 и 13 348 человек соответственно, превратив их в третий и четвертый по размеру города штата фактически за одну ночь. Харт-Маунтин стал третьим крупнейшим городом в Вайоминге<sup>62</sup>.

В лагерях Аризоны и Калифорнии японцы трудились под палящим солнцем пустыни, в Арканзасе – среди болот, в Вайоминге, Айдахо и Юте – в трескучие морозы и получали жалкие 12 долларов в месяц за неквалифицированный труд и 19 – за квалифицированный. Врачи-японцы зарабатывали 228 долларов в год, в то время как белые врачи – 4600 долларов. Белые медсестры, зарабатывавшие по 80 долларов в месяц в больнице графства Йеллоустон, в Харт-Маунтин стали получать 150 долларов, то есть в 8–10 раз больше своих японских коллег<sup>63</sup>. Федеральные власти поручили фотографам Энселу Адамсу и Доротее Ланж сделать снимки повседневной жизни лагеря, наказав им не фотографировать колючую проволоку, пулеметные вышки и вооруженных солдат. Тем не менее Адамс, Ланж и заключенный-японец Тойо Миятаке сделали несколько запрещенных снимков<sup>64</sup>.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.